

*Анна
Морозенко*

БЫВШИЕ

после

ИЗМЕНЫ

Мой муж успешный бизнесмен. Властный мужчина, который никогда не слышал слова «нет»

И он мне изменил.

— Прекрати устраивать скандал, развернись и сядь за стол, — говорил мне супруг.

— Я не сделаю этого. Ты человек, который предал меня. Который променял нашу любовь. Я не буду жить с тобой. Мы разводимся.

Муж был против. Он не отпустил меня. И тогда я сбежала, чтобы через два долгих года снова услышать его голос:

— Даже не здороваешься со мной, Ульянов?

Он нашёл меня. Он снова был рядом. И хотел вернуть.

Только я не могла простить измену.

Бывшие. После измены

Анна Томченко

Глава 1

При встрече с бывшим каждая хочет ощущать себя королевой.

Особенно этот бывший два года назад изменил. Променял на секретаршу.

Мне даже не надо было видеть этого своими глазами. Я просто спросила у Матвея вечером:

— Тебе не кажется, что у Лены слишком яркая помада?

Лена, это секретарша. Была.

Матвей изменился в лице, и по этим сведённым на переносице бровям я поняла, что ему тоже кажется, что Лена злоупотребляла макияжем, ведь на краешке воротника остался алый след.

Я встала из-за стола. Бросила в тарелку салфетку.

Я уже поняла к тому моменту, что Матвей мне изменял. Не от того, что я ему не нравилась, не потому, что была плохой женой, а просто он скучал.

Я никогда не любила устраивать скандалы. Не могла просто себе позволить начать кричать. Так правильно. Хорошие девочки не позволяли чувствам вырваться наружу. Они носили свою боль внутри. Берегли ее.

Я вышла из кухни и прошла в коридор. Осеннее пальто цвета охры висело на плечиках. Темные сапожки стояли на полочке. Мне не надо было метаться по квартире с криками о том, как так мог Матвей поступить со мной. Мне не надо было выяснять причины.

Мне просто надо было уйти.

В темноту осеннего вечера, чтобы стоя под дождем, задыхаться слезами, ловить губами воздух и понимать, что наш брак развалился.

Матвей не дал мне уйти. Он медленно вышел из кухни, облокотился на косяк и твёрдо сказал:

— Прекрати устраивать скандал, развернись и сядь за стол.

Он всегда был таким. Слишком твёрдым для того, чтобы понять, как мне больно. Ненавидел, когда ему говорили слово против. И не любил, чтобы размеренная жизнь шла не по плану.

— Я не сделаю этого, — мне важно было сохранить остатки гордости. — Ты человек, который предал меня. Который променял нашу любовь на простой секс. Я не буду жить с тобой. Мы разводимся.

Матвей впервые тогда больно схватил меня за руку, дёрнул на себя, прижимая к телу. Его выбесило мое неповиновение. Его покорило, что я могла сопротивляться.

— Не смей в таком тоне со мной разговаривать, — его губы были так близко, что я ловила аромат мятного чая. Но ничего не чувствовала.

Его измена перечеркнула все чувства. Я не могла себе представить, как дальше буду рядом находиться после того, как Матвей измарал меня всю, запятнал чистоту нашего брака такой грязью.

— Отпусти, — попросила я, стараясь разжать его пальцы, но они только сильнее впивались мне в кожу.

— Никогда...

Он затащил меня в спальню. Мне кажется я тогда кусалась и билась в истерике. Никогда себе такого не позволяла. Но тогда мне было настолько больно, что все тело выгибалось дугой.

Матвей не слушал мои причитания. Он силой уложил меня в постель и сжимал в объятьях пока меня не перестала бить крупная дрожь.

— Ты моя, — шептал он мне. — Ты только моя, как ты не понимаешь?

— Но ты не мой, — сквозь всхлипы, выдавила из себя я.

— Это не имеет значения, — его губы проходились по моей щеке, собирая слёзы. — Мы семья. А семья это значит навсегда вместе... На-все-гда...

По слогам внушал мне эту простую истину Матвей, стараясь успокоить.

Я не могла.

Просто не понимала, как он мог со мной так поступить. Мы же планировали завести ребёнка. Быть вместе до старости и дальше.

А он все растоптал.

Я не понимала этого тогда. И до сих пор не поняла. Даже сейчас, когда бывший муж снова ворвался в мою жизнь.

Нагло распахнул в неё дверь. И стоял, улыбался со сцены на корпоративе в честь назначения нового генерального.

Я кусала губы. Старалась заглушить всю боль, что навалилась на меня в одно мгновение.

— Дамы и господа, я рад приветствовать всех на таком важном событии для нашей компании, — произнёс старый директор. — И позвольте представить вам нового генерального директора компании «АльянсСтрой» Матвея Тихомирова.

Моего бывшего мужа.

Который стал моим новым генеральным.

Это кошмар. Это самое страшное, что могло со мной произойти за два года расставания.

Я так тяжело уходила от мужа, чтобы вновь оказаться зависимой от него.

И моя карьера, единственный источник дохода, теперь в руках бывшего мужа.

Матвей ещё раз очаровательно улыбнулся и приблизился к микрофону. Он провёл взглядом по сотрудникам и остановился на мне.

Он вычленил меня из толпы, чтобы коварно улыбнуться и отсалютовать бокалом.

Наверно, разговора о том, что сбегая, я отняла у мужа кое-что важное не избежать.

Глава 2

Каждая хочет при встрече с бывшим, который изменил, выглядеть королевой.

По закону подлости я ей не была ни разу.

Работа выматывала меня. Последние полгода я усердно работала над повышением, которое вероятнее всего не получу.

Из королевского на мне было только платье серебряного цвета и, пожалуй, копна густых волос.

А в остальном на фоне Матвея я была замученной блеклой мышью.

Я была без него в половину меньше чем с ним. Но муж как будто бы не изменился. Все те же хищные черты лица, щетина, волосы в стильной стрижке и вишенкой на торте его одинаковые дорогие костюмы.

Я отвернулась.

Глаза жгло так сильно, что я боялась разреветься.

Мне больно было возвращаться в наше общее прошлое, от которого я сбежала в другой город.

Больно было смотреть на мужчину, который разделил мою жизнь на до и после. На мужчину, который поставил между нами кого-то третьего. Чужого.

Только вот для меня он навсегда оставался единственным.

Я даже за эти пару лет не смогла ни с кем на свидание сходить. Я все время чувствовала, что предаю. Убеждала, что саму себя, а понимала, что его.

Мужа, который мне изменил.

Сотрудники разразились аплодисментами, услышав очень удачную шутку Матвея. Мне было не до этого.

Муж узнал меня. Увидел. И не скрыл этого.

Он подчеркнул, что все ещё помнит меня и что у него ко мне осталась масса вопросов. Которые он точно задаст, как только мы останемся наедине.

Но я не хотела такого допускать. Не собиралась вновь быть в образе жертвы, о которую можно ноги вытереть, которую можно унижить.

Я сжала ножку фужера так сильно, что поняла, ещё секунда и стекло раскрошится в моих руках. Пойдёт трещинами и осыпется звездной пылью.

Хотелось расплакаться и запереться в каморке. Я понимала, что ад, в котором я жила последние два года оказался вполне реальным. И он будет ещё хуже, когда Матвей захочет все вернуть.

А он захочет.

Я точно это знаю, потому что мы же семья. На-все-года...

Он захочет это сделать хотя бы для того, чтобы просто меня проучить. Показать как нельзя делать. Наглядно объяснить, что сбежать от любимого пусть и изменяющего мужа на утро после того, как узнала о неверности, глупо.

Ещё глупее разрывать все контакты. Не общаться с общими друзьями. Только со свекровью, которой никогда и не нравилась. И это сыграло на руку.

Я просто позвонила и попросила:

— Светлана Викторовна, вы же хотите, чтобы мы с Матвеем разошлись?

Свекровь хотела, поэтому сделала все возможное, чтобы Матвей не искал меня.

А я выиграла время, чтобы переехать, обустроиться на новом месте, найти работу, которая у меня была до этого вечера. Хорошая работа, с перспективой руководителя отдела по маркетингу.

И теперь все падало как карточный домик. И я не знала за какой ярус схватиться, чтобы удержать хотя бы первый этаж.

Тихие мои шаги по холлу ресторана.

Я стараюсь не стучать каблуками, чтобы не привлекать внимания. Чтобы не оказаться задержанной.

Холодный ноябрьский ветер принёс аромат первого снега. Я приподняла лицо к темному, в бисеринах звёзд, небу.

Тогда такого не было. Когда я уходила не было такого воздуха и такого неба. Был смог и улицы с ароматом сигарет, от запаха которых я кашляла. Были темные переулки возле автовокзала. Сырое сиденье в автобусе, из-за которого мое пальто к концу поездки было похоже на мокрую мышь. Неулыбчивая квартирная хозяйка с левым золотым клыком. Однушка в панельке с серыми, старыми обоями. Чай из пакетика. Много слез. Ветер вечнс задувающий в деревянные стеклопакеты. Обогреватель, который я включала, когда невыносимо было холодно. И он выжигал весь воздух. Делал его тяжелым, сухим. И с запахом горелой пыли.

Ничего общего с тем воздухом, которым я сейчас дышала и боялась задохнуться.

Мое такси должно было приехать через семь минут.

Я плотнее запахнула пальто. Ноябрьский ветер не хотел сдаваться и все равно проникал под одежду. По коже прошлись мурашки. Заставили меня зябко повести плечами и замереть.

От голоса, знакомого, любимого голоса, который сейчас словно нож прошёлся по моим нервам.

И от аромата.

Жжёный дуб, табак, амбра и верхние ноты горькой ванили.

От прикосновений, которые заковали в тиски.

— Даже не поздороваешься со мной, Ульянов? — спросил муж, касаясь губами моих волос.

Я стояла и впитывала тепло знакомого тела. Купалась в аромате. Растворялась в моменте.

Это невыносимо сложно когда ненавидишь человека, но сил, чтобы выплеснуть эту ненависть не находишь.

Не находишь даже слов, чтобы ответить на простой вопрос, просто потому, что понимаешь — слова сейчас бессмысленны. И мне безумно хотелось вернуться назад в прошлое, чтобы не видеть этого пятна на воротнике Матвея. Чтобы не лежать всю ночь со сведённым от ужаса телом и не притворяться, что уснула.

Я помню, как мне тогда было паршиво. Настолько, что хотелось встать в туалет и остаться в глянцевой комнате навечно, сделать из мрамора и кафеля саркофаг.

Только Матвей уже спал. Он долго баюкал меня, а в итоге ближе к утру не выдержал и задремал, но я нет.

В тот момент, мне казалось, ненависть достигла абсолюта. Я не понимала, как ещё вчера любимый человек был, а сегодня стал причиной злости, боли, отчаяния.

Но за два года моя ненависть притупилась. Стала спокойной. Созидательной. Хотя так глупо говорить про разрушающую душу силу.

— Ты хотя бы понимаешь что все ещё моя жена? — Матвей вдохнул мой аромат, полной грудью вдохнул, чтобы почувствовать малину и душицу. Слишком наивный аромат для тридцатилетней меня, но это единственное напоминание о бабушке, с которой меня давно разлучила смерть.

— Почему? — слова простые, только губы отказывались шевелиться. Я растекалась мягким мороженым по рукам мужа, потому что мне отчаянное его не хватало, когда я выла от боли. И физической тоже. От той, которой разрывала сначала мое тело, а после душу, чтобы осталась лишь оболочка меня прежней, а внутри ничего... Пустота с эхом его имени.

— Ты исчезла. Мать сделала все возможное, чтобы я не искал тебя. Но нас не могли развести пока ты считалась пропавшей... — Матвей обхватил меня руками, прошелся ими по талии, спустился на живот, поднялся к груди.

Он словно по миллиметру восстанавливал в осязаемой памяти мой образ.

Зря.

Так только больнее.

— Ты мог передать ей документы, — отозвалась я, и из моего рта выпорхнуло облако пара. — Я бы подписала. Это было не сложно. Почему ты так не сделал?

Матвей молчал так долго, что я отчаялась получить ответ. А потом он вздохнул и развернул меня к себе. Провёл пальцами по моему лицу, от виска, по скуле, к подбородку.

Я смотрела в темные, чернее самой бездны, глаза и понимала насколько я устала.

Хранить в памяти его образ.

Вздрагивать по пути пути на работу, заметив в толпе похожую фигуру или обернувшись на голос.

Блокировать общих друзей в соцсетях, чтобы случайно не столкнуться с правдой жизни, где он с новой женщиной.

Задыхаться, когда слышишь знакомый аромат.

Я устала жить с памятью о нем, поэтому зря сегодняшняя встреча, к которой я оказалась

совсем не готова.

Надо подписать эти чертовы документы на развод, уйти с работы и снова...

Сбежать?

А есть ли смысл, если Матвей оказался здесь не просто так?

— Я не хотел тебя отпускать, — его дыхание такое горячее, что мои губы словно опалило огнем. И я отстранилась. Попыталась. Уперлась рукой ему в грудь.

— А сейчас? — с затаённым страхом, с паникой и почему-то с проклятой надеждой, спросила я.

— Сейчас тем более... Ведь я только тебя нашёл... — он усмехнулся и его лицо наполнилось не светом как раньше бывало, а чем-то жестким, словно тень легла.

У меня прозвенел телефон входящим сообщением. Я дернулась в объятиях мужа и попросила:

— Отпусти...

Матвей не шевельнулся. Он как железный истукан продолжал сжимать меня в объятиях, и я вспомнила этот взгляд.

Муж всегда так смотрел, когда был недоволен.

— Матвей, отпусти меня... — холоднее на пару тонов попросила я и, уже не боясь сделать больно, толкнула мужа в грудь.

— Я же сказал, что не отпущу... — медленно протянул муж. Он склонился надо мной. Губы в миллиметрах от моих. На нижней все тот же едва заметный шрам. — Ведь только нашёл тебя...

Что-то мне в его голосе не понравилось. Словно затаившийся зверь прорычал из кустов. Такое ещё не нападение, но предупреждение.

Я поняла. И объяснила:

— Мое такси приехало. Поговорим на работе. Мне пора.

Матвей вдруг резко разжал руки и, подхватив мою ладонь, пристроил себе на локте.

— Отмени такси. Поедем на моей машине... — муж тянул меня от ресторана в сторону угла здания, где хищно светил фарами новый Мерседес.

— Матвей, — я постаралась затормозить, но в летних туфлях в ноябре это проблематично сделать. Матвей тянул меня за собой, не обращая внимания оступаясь я или нет. — Я никуда с тобой не поеду.

Муж остановился. Искоса посмотрел на меня. В глазах блеснули искры смеха.

— Поедешь, — заверил меня Матвей и отпустил мою руку. Я сделала шаг назад. — Ты же меня знаешь... Я тебя пока что прошу. Не делай так, чтобы я приказывал.

Вот он. Мой любимый родной муж.

Вот.

Вся сказка первой встречи рассыпалась прахом. Матвей никогда не был терпеливым настолько, чтобы долго отыгрывать роль доброго полицейского. Он всегда быстро уставал сюсюкать и договариваться. Он даже в бизнесе такой. Ни разу не дипломат. Он сразу в лоб. А потом уже манипуляциями продавливает своё решение.

— Матвей, — выдохнула я. — У тебя нет прав так поступать со мной. Услышь наконец-то голос разума. Мы давно не вместе. Я не принадлежу тебе и приказывать ты мне не можешь.

— Но я могу задать тебе вопрос, — холодно сказал Матвей и, дёрнув меня за талию к себе, прошипел прямо в губы. — Где мой ребёнок?

Спазм скрутил меня. Я не могла вздохнуть. Внутри все словно сдавило, смято, сковало. Грудная клетка отказывалась шевелиться. Воздух из лёгких исчез.

Меня отбросило во времени назад и я оказалась одна. В чужом городе. В чужой квартире, но со своим тестом на беременность, который показывал две полоски.

Две полоски.

Мое убитое состояние спасли именно они. Оказалось, я чуть меньше месяца носила под сердцем малыша. Своего малыша. Не Матвея, потому что такие как мой супруг не заслуживали ничего искреннего и чистого. Ребёнка, например.

Я так боялась. Я боялась почти до панических атак, что что-то могло пойти не по плану. Я молила свекровь, чтобы она не позволила Матвею найти меня, ведь если он узнает о ребёнке, то я никогда не смогу уйти от него.

Светлана Викторовна отличалась той прямолинейностью и хладнокровием, которого у меня никогда и быть не могло, поэтому на мое сообщение, что я беременна и хочу сохранить ребёнка, никак не отреагировала. Только предупредила, что если Матвей узнает об этом, она никакими доводами не сможет его удержать. И я была с ней полностью согласна, поэтому лишней раз не нарывалась. Сменила телефон. Все соцсети. Все аккаунты. Сделала так, чтобы информационные следы затерялись. Это было меньше, что я могла сделать.

Я была благодарна свекрови за ее не участие. Она сразу расставила все по своим местам:

— Сыну я ничего не скажу, но тогда и ты не рассчитывай на поддержку с моей стороны, — в ее холодном тоже тогда звучали ноты сожаления. Она словно боялась, что я из-за того, что осталась без каких-либо финансовых благ, снова ринусь к Матвею. Так ещё и ребёнка сделаю хорошим способом манипуляции.

Но у меня и в голове такого не было.

Я просто пребывала на границе смертельного горя от измены мужа и безразмерного счастья от того, что у меня ребёнок.

Возможно такой же темноволосый как отец. А может нет.

Мне вообще не важно как будет выглядеть моя малышка или малыш. Лишь бы был здоровым.

Беременность позволила мне не скатиться в банальную депрессию, и уже через неделю после посещения врача, которая заверила меня, что все протекает успешно, я вышла на работу.

Во время замужества я работала не постоянно. У меня не было цели зарабатывать как можно больше денег, у меня был успешный муж. Но чтобы не затухнуть в болоте под названием быт, я все равно брала заказы на рекламные проекты, училась и дальше, один раз целый год работала в агентстве недвижимости, прокачивала свои навыки продаж. Поэтому когда на мое объявление откликнулась строительная компания, я мало думала, больше делала. И делала так, что уже через месяц смогла сменить старенькую однушку на вполне себе нормальную студию в центре. Разница в аренде не была заметной. Тем более я планировала расти и работать чуть ли не до родов.

Упорства мне было не занимать.

За тот месяц я вспоминала о Матвее с тихой, нежной грустью. Даже мысли были, что

вот если бы не его измена, если бы не эта секретарша Лена, то сейчас все было бы иначе. Муж разделил бы со мной счастье. А так...

А так я продолжала упорно двигаться к своим целям. Мне кажется именно та энергия не давала мне скатиться в уныние, но иногда накатывало странное. Особенно по ночам, когда эти мысли про неразделенной счастье становились особо осязаемыми. Я гладила кончиками пальцев ещё не появившийся живот и чувствовала внутри себя целый большой мир.

Я чувствовала чудо, которое росло внутри меня. Я его осязала, его представляла, видела во снах. В самых нереальных снах, в которые не смели пробираться даже подкроватные монстры.

А потом все кончилось.

Вот как свет в кинотеатре включают в финале. Так и у меня оказалось. Только свет выключили.

Я просто поняла, что что-то идёт не так.

Было больше двенадцати недель. Это больше нескольких месяцев без Матвея.

И в ту ночь, когда я кончиками пальцев гладила округлившийся живот, я поняла, что теперь осталась совсем одна. Вообще без всех. Без мужа.

И без малыша.

Я не верила и уговаривала себя, что это все мнительность, но он не шевелился. Я уже заметила, как малыш словно рыбка плавал в животе, а тогда он не шевелился!

Но я уговаривала себя. С час. Или два.

Я просто не слышала ответной реакции на мои прикосновения. Я не чувствовала внутри себя солнца.

Дорога до больницы прошла как в бреду. Я сидела в такси и сквозь куртку гладила живот, приговаривая, что все будет хорошо, мне просто показалась.

Такого в моей картине мира не могло случиться со мной. Я же все делала правильно. Я пила витамины, посещала гимнастику по утрам в женском клубе, который располагался на первом этаже дома, я много гуляла и еда здоровую еду, не пропускала встречи с врачом и даже анализ на патологии у нас ничего не выявил.

Я не видела реальных причин для того, чтобы такая ситуация случилась со мной.

Но был дождливый ноябрь с грязной листвой в лужах. В них отражался холодный искусственный свет уличных фонарей. И пахло вокруг сыростью, тиной, близкой рекой. И была я. Испуганная, в слезах, которая плакала в приемном покое государственной больницы, где стояла на учете.

И сонный дежурный врач, который лениво записывал в карточку мои жалобы, в которых кроме предчувствия ничего дельного не было. И узи мне делать отказались. И для моего срока ещё трудно угадывать движения. И вообще отправили домой.

Но я так боялась, что поехала в частную клинику, где услышала страшное:

— Плод не шевелиться...

По моим щекам побежали слезы. Я просто вспомнила. И у меня язык отнялся. Я не могла ничего сказать Матвею, стоящему напротив, но он видимо сделал какие-то свои выводы и, дёрнув меня за руку, потащил к машине. Распахнул заднюю дверь и чуть ли не швырнул на сиденье.

— Раз не говоришь где мой ребёнок, ещё одного сделаю.

Я влетела в машину и тут же прижалась боком к двери. Матвей, не мешкая, сел следом и проронил водителю:

— Домой едем.

Я понимала, что Матвей ничего плохого мне по определению сделать не может, но меня ещё не отпустили воспоминания, поэтому против воли по щекам бежали слёзы. Я вытирала их рукавом, некрасиво размазывала косметику.

Но больше всего мне было интересно, откуда Матвей узнал, что я была беременна. Свекровь если бы рассказала ему, он бы в тот же вечер нашёл меня, приехал и забрал.

И если честно, сейчас я не знала, как бы реагировала, зная все, что случилось без него.

Мне почему-то в какой-то момент казалось, что потеря ребёнка это только из-за того, что ему не хватило любви, что у малыша была одна я. А не мама и папа. И мне думалось, что будь я с Матвеем, ничего бы этого не произошло.

Но я не могла быть с ним. Потому что он мне изменил. И все.

И дальше, когда первый шок прошёл, я возненавидела мужа за то, что посмел разрушить наш брак и лишит нас ребёнка. В какой-то момент мне хотелось вернуться домой, начать бракоразводный процесс, чтобы прямо со скандалами, с вытрясанием нижнего белья. Найти эту сучку Лену и вытирать ее алыми губами все полы в офисе. Поставить Матвея в такое положение, что кроме как разойтись со мной, у него не будет выбора. Поделить все нажитое, особенно его машины. Боже, я бы каждую потом разбила битой...

Но следом же накатывала правдивая боль — ребёнка это не вернёт.

Не вернёт и все тут.

Свекрови я не стала ничего говорить. А она и не спрашивала, и если Матвей уверен в том, что у него есть малыш, значит он все узнал от матери.

Зачем-то, чисто из подтверждения собственных мыслей, я тихо спросила:

— Когда ты узнал про ребёнка? — мои губы дрожали, а пальцы сминали полу пальто так, что на шерсти оставались полосы.

— Тебя действительно только это интересует? — зло бросил Матвей и отвернулся к окну. Ему всегда шло вот такое поведение, слишком серьёзное и строгое, он тогда играл новыми красками, и в то же время как улыбка делала его похожим на весельчака, душу любой компании.

Но меня действительно только это интересовало, потому что больше ничего не имело значения в контексте того, что я потеряла малыша.

— Ещё интересует, просто так купил компанию или с целью какой-то... — тихо ответила и бросила своё пальто. Убрала руки в подмышки. Ладони были ледяными.

— А то ты не знаешь, что цель любого бизнеса это деньги, — фыркнул Матвей и поджал губы. Я засмотрелась на точеный профиль, на чёткие и привлекательные черты лица. С годами Матвей стал только мужественнее. — Я никогда не считал тебя глупой, так что...

— Это просто бизнес, — закончила я за него, понимая, что мое появление на корпоративе для мужа тоже было неожиданностью.

— Да я искал тебя... — сквозь зубы сказал Матвей. — Потому что мой ребёнок не может расти безотцовщиной. Моя плоть и кровь не должна жить в какой-то халупе, не иметь нормального образования, все время переживать нехватку в чём-то...

Я не знала, как остановить Матвея, не знала, как сказать ему, что я не смогла сохранить ребёнка, что все это оказалось излишне сложно для меня одной, что нашего малыша никогда и не было.

Я приоткрывала рот, чтобы объяснить это все Матвею, но язык онемел.

— И если бы у матери было побольше мозгов, а не настолько длинный язык... — Матвей поправил пальто, опустил руку в карман и вытащил сигареты. Многозначительно посмотрел на меня. Но за два года я уже привыкла к мысли, что Матвей не мой муж и поэтому он волен делать все что хочет.

Даже курить в присутствии меня.

— И как ее длинный язык помог тебе? — спросила я о особо неинтересном, ведь просто не могла говорить о важном. О ребёнке.

Матвей долго смотрел на пачку сигарет в своей ладони, словно взвешивая как лучше сейчас поступить и в итоге бросил ее между нами на сиденье.

— Просто. Оказалась моя младшая сестра была в курсе всего, — Матвей пожал плечами. — И в скандале со своим мужем призналась, что надо как Ульяна уехать и увезти малыша. Ну и все... Зять мне это передал. Единственный кто понимал насколько мне важен ребёнок.

Я усмехнулась. Ох, милая импульсивная золовка, маленькая девочка Вера. Никогда ты не умела держать язык за зубами.

Машина остановилась возле многоэтажного здания. Панорамные окна и с другой стороны вид на реку. Одна из самых престижных гостиниц города. Матвей обошёл авто и открыл мне дверь.

Я понимала, что захожу в клетку со зверем, что хожу на острие, но надо закончить этот разговор. Закончить и разойтись окончательно. С подписанием заявления на развод.

Светлый огромный холл и милая улыбчивая девочка — администратор, которая отдала ключи от номера. Внутри сразу встали воспоминания, как мы с Матвеем так иногда сбегали из жизни. Просто на выходные снимали номер в гостинице, из которого и не выходили. Были только вдвоём. Открытые друг другу и обнаженные. Иногда, чтобы совсем пропасть для мира, мы уезжали в другие города, развлекались, так путешествуя по округе, когда отпуск и не светил Матвею.

Я помнила, как один раз, спустя шесть часов в дороге мы зашли в номер и вместо того, чтобы упасть без сил, накиннулись друг на друга. Матвей задирает мою тонкую кофту, стягивал ее. Я впивалась в его губы, терлась о щетину его как ласковая кошка и все это было ещё в прихожей.

Сейчас же мы стояли на расстоянии вытянутой руки в лифте. И дверь номера открылась с глухим щелчком. В нос ударил аромат чистого постельного белья и почему-то холодного воздуха с реки. Я прошла в центр гостиной, задела пальцами гладкую мебель: комод у левой стены, стулья возле стола, светильники на гнутых ножках.

Я обернулась к Матвею. Поймала его задумчивый взгляд. И хриплое:

— Раздевайся, — и это муж имел ввиду не про пальто.

— Раздевайся, — повторил Матвей и бросил ключ-карту от номера на столик у двери.

Муж медленно стянул с плеч своё пальто, небрежно кинул его на спинку кресла, что стояло при входе. Пиджак. Его Матвей расстегивал медленно словно красовался передо мной. Показывал какой он нереальный. Что его никак не изменили эти два года.

А меня изменили. На мне везде были шрамы. Невидимые обычным глазом. Шрамы, которые саднили на моем сердце. И от этого внешне я тоже менялась. Становилась более низкой, потому что отвыкла держать голову высоко, испортилась осанка, когда все время смотришь под ноги, стараясь не сталкиваться с людьми взглядом. Я стала не такой тонкой и звонкой. Беременность пусть и короткая, гормоны, сделали фигуру более округлой, косточки бёдер скрылись. Подтянутый с кубиками живот стал более мягким, чувствительным. И да, низ его украшал уже реальный шрам. Сейчас поблекший, но навсегда отпечатавшейся на душе.

Пиджак упал на входе в гостиную. Матвей медленно приближался ко мне. Расстёгивал манжеты рубашки, от этого вены на запястьях напрягались, рисовали красивый чёткий узор. А потом верхняя пуговица на воротнике. Следом ещё ниже. И уже на груди.

Я словно вернулась в прошлое. Точно. Где вот так же муж мог соблазнительно себя вести. Показывать насколько хорош. И он действительно хорош. И это бесило. Неужели эти два года в разлуке никак не повлияли на него? Почему я не заслужила хотя бы плешь на его макушке?

Матвей расстегнул рубашку, показывая идеальные, словно вылепленные скульптором, мышцы. Торс со жгутами мышц. Низко сидящий пояс брюк. И уходящую под него тёмную полосу волос.

Муж был таким как я его помнила. Слишком идеальным, чтобы быть настоящим.

Я ущипнула себя за запястье, не понимая очередной бред меня настиг или просто сумасшедшая реальность выбрасывала такие причуды.

Оказалось реальность. И я, набрав в легкие воздуха, спросила беспечно.

— Зачем мне раздеваться, Матвей? — я обошла кресло, стараясь увеличить расстояние между нами с мужем. — Если тебе приятно подписывать документы на развод голым, пожалуйста. Но я не эксгибиционист.

Матвей усмехнулся. Холодно, жестко. Его всегда бесила эта моя привычка, если я зла, все превращать в театр абсурда. Делать из всего нелепое представление.

— Ты же не думаешь, что я дам тебе развод? — хрипло спросил Матвей, проводя своим голосом мне по нервам.

— А здесь вопрос не в том дашь ты его или нет. Нас в любом случае разведут. Поэтому я предлагаю не задерживаться и подписать заявление. Я даже сейчас быстро его составлю. Это не сложно...

Я бравировала. Я балансировала на краю пропасти. Я дёргала зверя за усы и понимала, что уйду с разводом из этого номера, либо не уйду никуда. Матвей не выпустит, как только почувствует запах жертвы.

— Хорошо, а ты думаешь я ребёнка буду делать, просто задрал тебе пальто? — между нами оставалось немного места. Я почти улавливала как изменился запах Матвея. Став тяжёлым, мужским.

— Я не думаю, что ты будешь делать мне ребёнка... — я мило улыбнулась и прошла к бару. Положила на край стойки сумочку. Подцепила один из бокалов и открыла бутылку минералки.

Матвей следовал за мной. Он даже встал по другую сторону стойки и оперся локтями о столешницу. Вскинул бровь, намекая мне, чтобы я не капризничала.

Но мои капризы закончилось давно. И я не собиралась забывать на кого меня муж променял, как предал и какую цену потом я заплатила.

— А мне кажется ты ошибаешься... — он улыбнулся, слегка нахмутив нос, такой образ хулигана. — Я очень по тебе скучал. Я так сильно скучал, что...

— Что успел перетрахать не только весь коллектив, но и новую компанию для этих целей приобрел? — я склонила голову к плечу, под новым ракурсом разглядывая, как Матвей побагровеет от злости. И собственно я допрыгалась.

Матвей резко обогнул стойку. Спешащую меня к двери он перехватил поперёк живота и вдавил в себя. Так сильно, что мои лопатки ощущали движение его груди от резких коротких вдохов.

— Я не выпущу тебя. Не отпущу, — задевая тонкую нежную кожу своей щетинной, прошептал Матвей и потянул с меня пальто. Я передернула плечами. Хотела отстраниться, но сильные руки только сильнее прижимали меня. — Я слишком долго не видел, не чувствовал. Почти забыл какая ты на вкус...

— Другие, наверно, просто занимали твою память, — выдохнув зло, прошипела я, стараясь оторвать от себя руку мужа, но добилась лишь того, что Матвей стянул пальто, бросил его нам под ноги и поднял меня на руки. Он крутанулся со мной вместе к барной стойке, усадил на неё. Встал между моих, насильно раздвинутых, ног. Ещё и впился пальцами в мои бёдра так, что я не могла оттолкнуть его от себя.

— Ничего подобного. Там место всегда занято было тобой, — Матвей скользнул пальцами выше, приподнимая подол моего платья и оголяя все больше нежной, чувствительной к его касаниям, кожи. — Твоими криками, стонами... Боже, твоим запахом во время...

Матвей резко убрал ладони с моих бёдер и положил их на талию, дёрнул на себя, чтобы я оказалась сидеть на самом краю, при этом упираясь в него. Пальцы прошлись по позвоночную, рисуя узоры.

— И это пока ты такая колючая... — Матвей поднял на меня взгляд. Тёмный, горячий. — Потому что тоже скучала... А как только перестанешь кусаться, мы снова будем вместе, заберём нашего малыша, уедем домой и будем вместе...

Я сглотнула тугой комок. И прошептала, глядя в пустоту перед собой, словно боялась посмотреть в глаза мужу:

— Матвей, нет никакого малыша. Нет и никогда не было.

Ладони Матвея сжались на моей талии, принося одну лишь только боль.

— Нет ребёнка, Матвей, — повторила я и дотронулась до плеча мужа. Он как будто застыл во времени. Смотрел на меня, не моргал, просто не реагировал.

Я занервничала под этим взглядом. Я запаниковала от того, что Матвей не проявлял никаких эмоций, поэтому повторила:

— Матвей, не было ребёнка...

Последние слова что-то включили у Матвея в голове, и он сначала моргнул, тряхнул головой, а потом посмотрел мне в глаза.

— Уль, как нет ребёнка? — вот теперь его голос был настоящим. Нормальным. А не как сегодняшний весь вечер, холодным и жёстким.

— Матвей... твоя мать просто не знала, что его нет... — я боялась произнести то, что потеряла ребёнка. В голове я несколько раз проворачивала эту фразу, а на слух не могла воспринимать.

— Ты глупости говоришь, Уль... она же не могла врать сестре? — Матвей отошёл от меня, его руки скользнули по моей спине и оставили в одиночестве.

— Она не врала, — я натянула подол платья на колени и сползла с барной стойки. Сразу стала ниже Матвея и посмотрела ему в глаза.

— Тогда... Ульян... — Матвей туго сглотнул и его кадык дёрнулся. — Ульян... ты же не хочешь сказать...

Ну же, скажи, что ты изначально подумал обо мне. Скажи.

Но Матвей молчал, только сжимал губы.

Время замерло в серебре, застыло, наверно, в амальгаме. Я не слышала бега часов или хоть какого-то другого его проявления. Матвей тоже.

В его глазах растекалось непонятное: граница отчаяния и растерянности. Словно вести о ребёнке надломили его стальной характер, притупили острые углы темперамента.

— Уль... — тихо позвал Матвей. — Ты избавилась от нашего ребёнка?

Слёзы потекли по щекам. Я не думала, что на обычную фразу у меня будет такая реакция. Настолько острая, словно внутри все саднило от порезов.

Я молчала. Не знала, как объяснить, и поэтому Матвей продолжил предполагать, а точнее, обвинять.

— Уль, ты правда это сделала? — он не прикасался ко мне, как будто я резко стала прокаженной. Как будто в один момент вся моя желанность для мужа растворилась.

Я мотала головой.

Как ему объяснить, что у меня никогда не поднялась рука такое совершить. Как рассказать, что для меня это было большим ударом, что в ту проклятую ночь мой мир остановился и разлетелся осколками кривого зеркала. Как?

— Как ты могла, Ульян? — Матвей отшатнулся от меня. Сделал шаг назад, налетел на все то же кресло, куда сбросил пиджак. Оступился.

И меня прорвало.

— Что я могла, Матвей? — холодно произнесла я. — Уйти от тебя после того, как ты ноги об меня вытер?

Сердце громыхало, и из-за этого собственные слова я слышала как через вату.

— Или, может, могла набраться смелости и не быть приживалкой у тебя, зная, что

имеешь ты других баб?

Я сделала шаг к Матвею. Просто чтобы понять, что это все реальность, что я впервые за два года высказывала все ему в лицо.

— Или, может быть, могла потерять ребёнка? А? — указательным пальцем я ткнула в грудь Матвею и зачем-то продолжила: — Потерять единственное светлое, что было в моей жизни? То, что позволяло мне не свихнуться от боли, оттого что ты меня предал? А знаешь, как это было?

Матвей поднял на меня взгляд, полный боли, словно я била, не зная границ, подло, жестоко. Но меня так несло. Я так хотела выплеснуть все на мужа, что даже зажми он мне рот, я бы продолжила говорить, кусая его за ладонь.

— Это было примерно так... на том сроке, когда я поняла, что что-то не так... Когда я почувствовала, что малыш не шевелился, хотя мне говорили, что на таких неделях ничего ещё не чувствуют, но я чувствовала. Называй это предчувствием, материнскими инстинктом... но я чувствовала. Так вот... мне не делили вакуумный аборт. Возможно было только малое кесарево сечение...

Я остановилась в шаге от Матвея и нервно, дёргано потянула подол платья наверх, наплевав на все. Просто чтобы показать, чтобы муж понял, что все, что я говорила, было настоящим.

Я задрала платье до пояса. Матвей долго и не шевелясь смотрел, на розоватый шрам ниже пупка.

— Так вот... его делали. С эпидуральной анестезией... Я была в сознании. Я все слышала. Я ощущала, как лишилась самого ценного в своей жизни... И знаешь, эта гребанная ширма, которую ставят, чтобы не был виден ход операции... Она бесполезна.

Я уже не говорила. Я захлёбывалась слезами, которые не видела смысла скрывать. Мне было плевать, как я выглядела. Мне было важно объяснить Матвею, к чему привело его предательство. Из-за кого я потеряла своего ребёнка.

— Она бесполезна, потому что я молилась. И в молитве просила о врачебной ошибке. Такого не бывает, знаю. Но мне, той, которая теряла своего малыша, этого было не объяснить. Не понять, что так случается по разным причинам, таким, как отслойка плаценты или генетические отклонения.

Матвей схватил меня за плечи и всмотрелся в мое обезображенное злостью и болью лицо. Он хотел что-то сказать, но не мог.

— И я проклинаяю тот день, когда поняла, что изменник. Я тебя проклинаяю... — последнее я произнесла по слогам, чтобы Матвей понял, насколько я ненавидела его за ребёнка.

— Я не знал... — тихо сказал муж и постарался меня притянуть к себе. Я дёрнулась. Выпустила из пальцев подол платья и оттолкнула мужа.

— Мне плевать... — дрожа от злости, призналась я. — Мне плевать на то, что ты знал, чего хотел или на что надеялся... Просто дай мне этот чертов развод!

Я отшатнулась и сделала шаг в сторону. Наклонилась за пальто и услышала короткое.

— Нет. Я тебя люблю...

— Матвей, а я тебя ненавижу!

Глава 8

Я дошла до двери, внутри просто разрываясь от злости. Но Матвей быстро догнал меня и прижал дверное полотно ладонью, не давая мне выйти.

— Прекрати разыгрывать из себя мудака и услышь меня наконец! — резко, но тихо выдохнула я, сжимая кулаки.

— Прекрати истерику и давай все обсудим, — в тон мне отозвался муж.

— Нам нечего обсуждать, если только ты прямо сейчас не готов подписать заявление на развод... — меня била дрожь, я понимала, что ещё секунда, и мои нервы не выдержат.

Я думала все это время, что меня пугала встреча с Матвеем, но нет, она мне нужна была, чтобы отпустить свою боль. Чтобы перестать с ней носиться и хранить в своём сердце.

— Развода не будет, — покачал головой Матвей и убрал руку от двери, чем я и воспользовалась. Провернула замок и вышла в гостиничный коридор.

— Ну как знаешь... — произнесла я, изогнув бровь. Ультиматумы он мне ставить будет. Да я мертвой была эти два года, заживо гнила в купели своего нерастраченного горя, а тут какой-то развод. В конце концов, нас прекрасно разведут через суд. И я не буду тянуть время, как это делал Матвей. Нет. Завтра же с утра отправлюсь к юристам, чтобы составить заявление и чтобы его передали в суд.

Матвей не стал меня останавливать. Я просто пошла по коридору, бормоча под нос планы на завтра.

Как я была зла...

Мне не хватало слов, чтобы просто показать Матвею, к чему привела его измена. Что он натворил своим поступком, и от этого я загоняла себя в круговорот мыслей, где иначе строила разговор.

Не надо было предаваться воспоминаниям. Не надо было вообще что-то объяснять Матвею. Он этого не заслужил.

Я вылетела из гостиницы и только тогда поняла, что не вызвала такси. Стоять на улице было холодно в туфлях, поэтому я вернулась в холл гостиницы и присела на диванчик с зоне ожидания. Такси нашлось за десять минут. Я нервничала и ёрзала по мягкому сиденью, хотелось скорее вернуться домой и...

Приложение пиликнуло, и я встала с дивана, аккуратно приоткрыла дверь, чтобы ветер не бросил в лицо листву, дошла до авто и села на заднее сиденье.

Дома меня не ждал никто. Я за эти два года даже не удосужилась прикормить соседского кота. Поэтому бродила по подсвеченной ночным освещением студии и психовала. Причём так сильно, что тело не могло расслабиться. Я ложилась в постель и понимала, что каждую мышцу сводит от стресса. И мне бы выпить успокоительного, которое стало моим близким другом за эти пару лет, но я боялась проспать утренний визит к юристам.

Горячий душ, что должен был унять нервозность, только сильнее ее разогнал. Я чувствовала прилив сил и готовность бороться за своё одиночество. Хоть зубами выгрызть этот чертов развод.

Сон не шёл.

Я забрала ноут со столика у кровати и переместилась в кухонную зону за большой стеклянный стол. Открыла справочник законов и вытащила из него семейный кодекс.

Почитала особенности развода без согласия одного из супругов, подтвердила собственные воспоминания, что все равно разводят, и открыла иски на расторжение брака.

Нет. Самой мне точно не справиться, но я не хотела продолжать и дальше жить в этом подобии жизни.

Два года жизни.

Два года непрекращающейся депрессии, когда по утрам слёзы на глазах, потому что физически больно вставать и что-то делать. Я себя пересиливала и, поскольку находила силы, то заключила, что это не депрессия. Ещё не та депрессия, которую обязательно лечат медикаментозно.

Я ходила по квартире, щёлкала кнопкой чайника, чтобы наливать кипяток в кружку и через час выливать его в раковину. Развлечение такое себе придумала, истеричка, блин.

К четырём часа утра я отчаялась уснуть, поэтому легла в кровать и открыла новостные каналы. Ничего интересного не было, но зато нашла блог девочки, которая резала мыло с приятным хрустом. Так увлеклась, что забыла про время и бессонницу и в итоге выключилась через десять минут.

Будильник снова хотелось убить. Я купила его на барахолке, такой старый, железный, но который очень хорошо будил по утрам, потому что от будильника телефона я продолжала спать. И сейчас это бирюзовое чудовище, которое сразу привлекало внимание, звонило настолько громко, что сначала я встала с кровати и только потом проснулась. Бросила взгляд на время и поняла, что проспала.

Так быстро за последние два года я никогда не собиралась на работу. Я прыгала, пытаюсь натянуть колготки, выворачивала руки, застёгивая молнию на юбке, ткнула себя карандашом в глаз, когда пыталась нарисовать стрелки. В общем, состоялась как законченная неряха.

На работе с утра было оживление среди коллектива. Две девушки, которые соседствовали со мной, Алена и Маша, всю обсуждали вчерашнее мероприятие. Я прислушивалась к их болтовне, понимая, что что-то забыла сделать. А когда поняла...

Так. К юристам съезжу в обеденный перерыв.

Я открыла папку с заказчиками и только собиралась пройтись по старым клиентам, как всех позвали на пятиминутку с новым начальством. Я посмурилась. Мне вчерашнего общения хватило.

Матвей был ужасающе доволен жизнью и мило общался с главным бухгалтером. Муж расточал добродушие в таких количествах, что незнакомому человеку и в голову не пришло бы подумать, насколько собеседник бесился в конкретный момент.

Нет. Матвей не давил сарказмом, но чем внимательнее был к собеседнику, тем зачастую больше выходил из себя. Он так компенсировал свою несдержанность.

Я посмотрела в окно, за которым сегодня собирался дождь, и покачала головой. Надо было хоть зонтик прихватить.

Краткая речь о начале работы не фонтанировала комплиментами, поэтому коллектив насторожился и потихоньку начал волноваться. Я лишь констатировала, что, скорее всего, уволюсь.

Работать и подвергать себя необоснованному стрессу я не видела смысла, тем более сейчас, когда новая жизнь уже топталась на пороге.

На выходе из конференц-зала меня окликнули, и я, подавив внутри себя возглас о том, что вчера разве не договорили, дружелюбно обернулась и уточнила:

— Ко мне есть вопросы? — я не знала, почему столько времени находилась в состоянии амебы, словно в бреду, но появление Матвея сейчас било по нервной системе, заставляя острее воспринимать реальность.

— Да, Ульяна. Нужно обсудить спорные моменты, — взгляд у Матвея был холодным и жёстким. Он словно сканировал меня им, подмечая и волосы, собранные в пучок, и почти отсутствие косметики.

Я дождалась, когда дверь конференц-зала закроется, и уточнила:

— Какие? — наедине я не утруждала себя соблюдением корпоративных правил по той простой причине, что вчера стояла перед Матвеем с задранными платьем. Ну как бы глупо.

Матвей прошёлся вдоль стола. Я вскинула бровь.

Я не хотела близкого контакта и тем более прикосновений. Это вчера пелена сна была достаточно густой, горечь потери — острой, а одиночество — наказанием.

Муж замер в метре от меня. Его глаза прожигали во мне дыру. Он выглядел сейчас как матерый хищник. Только я не была зайцем.

— Я подумал... — он засунул руки в карманы и качнулся с пятки на носок. При этом приподнял подбородок так, чтобы вид был надменным.

Я не собиралась с ним соперничать, поэтому кивнула, намекая о продолжении. Матвей сделал ещё шаг ко мне, и до меня долетел его аромат.

Ваниль. С ее горечью на кончике языка.

— Я дам развод, но есть одно условие...

Я сложила руки на груди, изначально отгораживаясь от мужа, чтобы не смел ко мне прикасаться.

А ещё хотела показать, что условия его мне вообще ни к чему. Нас и так прекрасно разведут. Была мысль даже не дослушивать, потому что актуальность вопроса уже для меня не была острой.

Ну муж. Бывший. Который изменил. Из-за которого ребёнка потеряла.

А нет...

Ещё болело.

При мыслях о беременности, которая нелепо так закончилась, внутри груди вспыхнул огонь. Он пробирался по легким и жёг горло, снова подгружая меня в состояние, близкое к истерике.

Я прикрыла глаза, стараясь заглушить все это. И, чтобы не молчать, не создавать иллюзию, что мне хоть немного интересны условия Матвея, я произнесла холодно:

— Меня оно не интересует... — я прошлась ладонями по блузке и бокам юбки, разглаживая несуществующие складки.

Матвей нахмурился. Вот что значит истинный холерик, вспыльчивый.

— Ты даже не хочешь выслушать, — постарался он все же вытянуть меня на разговор, а я понимала, что любые условия, какие бы он ни предложил, не заставят меня забыть ничего.

Я пожала плечами.

— Я пойду? — спросила я, чтобы не терять драгоценного времени. — Мне ещё работу новую искать...

Последнее я обронила специально, чтобы показать, что даже работать в одной компании с бывшим я не собиралась. Чтобы Матвей понял, насколько меня душит его общество.

— Я тебя не увольнял... — и снова качнулся с пятки на носок, при этом он слишком демонстративно красовался, показывал, как под рубашкой напрягались кубики пресса.

Самое интересно, что физического отторжения я не чувствовала к Матвею. Он даже после всего, что произошло, был для меня привлекательным. Из этой мысли я сделала зарубку в памяти, что, когда решусь на новые отношения, то буду выбирать подобный типаж.

— Я сама уволюсь, — я сузила глаза, чтобы максимально ярко показать своё презрение. И да. Я действительно уволюсь, как только найду работу, которая сможет даже в большей степени покрыть мои запросы, а с учётом, что специалистом я была, без бахвальства, хорошим, это не займёт много времени.

На улице прогрохотал гром.

Я закатила глаза.

Наверно, надо поменять город. Меня мучили постоянные дожди и сырость. И сначала мне было плевать, потом я не замечала ничего, но теперь...

Словно город тоже предал меня, просто устроив мою встречу с бывшим мужем.

Наверно, уеду. Буду искать на юге работу, чтобы не было вот этой вечной осени, которую за пару лет я умудрилась возненавидеть.

— Я заставлю тебя отрабатывать положенное время, — начал шантажировать Матвей и стиснул зубы так, что скулы острее прорисовались на лице.

— Без проблем... — я развела руками. Для меня это действительно не было проблемой в том плане, о котором думал Матвей. Какнибудь переживу пару недель в обществе бывшего. Вчера же его прикосновения пережила.

Матвей нахмурился и поправил галстук, который, видимо, стал врезаться в шею.

Меня это вообще никак не побеспокоило. В конце концов, не надо было изменять, тогда ничего этого не произошло бы.

— Ну, я пойду, — сказала, подумав, я и развернулась к двери.

— Я тебя не отпускал... — низко, вибрирующим от раздражения голосом, протянул Матвей, а я улыбнулась сама себе.

— Мне не нужно твое дозволение... — я оглянулась на бывшего мужа, подмечая, что он из последних сил держал себя в руках. — Ты даже уволить меня не можешь. Точнее, можешь, но не хочешь. И мы это только что выяснили...

Матвей усмехнулся и сделал шаг ко мне. Приподнял подбородок, показывая свою надменность во всей красе.

— Я могу тебя уволить по статье... Сама придумай, по какой... — Матвей торжествовал. Хотя как по мне мало чести в победе над слабым, вот если бы он такое одному из своих партнёров сказал... — Так что вернись к столу, и мы с тобой обсудим условия развода.

— Нет... — медленно и злорадно протянула я, прекрасно понимая, что если стоит этот один раз повестись на шантаж, он так и будет дальше продолжаться.

Матвей изменился в лице. Как же его выбивало из колеи мое упрямство. Даже весь брак у нас с ним были вот такие затыки в отношениях, где просто мне что-то не нравилось и я упиралась всеми силами. И переубедить меня можно было, только уговорив.

Видимо, Матвей об этом забыл, потому что, когда я потянула на себя дверь конференц-зала, муж резко шагнул ко мне, перехватил под грудью одной рукой, второй провернул замок и выдохнул в волосы:

— Ты меня выслушаешь... И будем решать, как разводиться.

От хриплого, тяжёлого дыхания, которое задевало чувствительную кожу на шее, я немного поплыла, вернувшись на несколько лет назад. В одну из наших несерьёзных ссор, когда мы просто не сошлись мнениями. Даже не помню, что тогда мы не поделили, но помню вот такое же дыхание, которое проходило по моему обнаженному телу во время того, пока Матвей прижимал меня к столу. Он дотрагивался до моей кожи кончиками пальцев, заставляя психовать от нетерпения, и только на границе неконтролируемой злости делал своей.

Сейчас я прикрыла глаза и отрешилась от воспоминаний. Но Матвей не выдержал и развернул меня лицом к себе, мягко положил ладонь на нежное горло, вынуждая меня приподнять к нему губы, которые были в миллиметрах от его. Жёстких и немного обветренных, которые прошептали мне:

— Ты получишь свой желанный развод и все, что захочешь. Любое желание. Нет. Желания. Но сначала роди мне ребёнка.

Я замерла, просто не могла справиться с шоком. Мой мозг отказывался принимать такую информацию, настолько дико звучало предложение Матвея, что я просто растерялась.

Вот представьте, вы реально встретили на улице города во время зимнего снегопада Санта-Клауса или Деда Мороза. И они действительно настоящие. У них и посох есть, и олени во главе с Рудольфом.

Вот примерно это я чувствовала в данный момент. Полную растерянность.

Я даже не дёргалась. Застыла от внезапного удара по голове перьевой подушкой.

Это дикость какая-то.

Предложение Матвея просто дико в самом своём смысле. Я недавно потеряла ребёнка, я не могла выносить малыша, и муж предлагал мне вновь испытать этот страх, только на этот раз помноженный на печальный опыт.

Матвей не понимал, что его предложение полностью аморально? Оно выглядело как насмешка надо мной. Как плевок в душу, который похлеще предательства.

— Я. Тебя. Ненавижу, — медленно произнесла я, глядя прямо в глаза Матвею, чтобы в них увидеть оскаленное злостью свое лицо. — Ненавижу предателя. Ненавижу такого палача, как ты...

— А я тебе ещё вчера сказал, как сильно люблю... — Матвей прижал меня своим телом, сдавил так сильно, что даже сквозь одежду я ощущала каждую его мышцу. — Так сильно люблю тебя, что готов любого стереть в порошок, кто посмеет нам мешать. Так сильно люблю, что у меня внутри все сводит от одного твоего присутствия рядом. Так люблю, что готов драться за наше с тобой будущее. Так люблю ...

— Что изменил? — наши губы почти соприкасались. Я чувствовала на своих горчинку от кофе и табака от его. Болезненное, слишком острое состояние. Пограничное. Ненависть и любовь...

— Ты же знаешь, что мне кроме тебя никто никогда не нужен был... — Матвей вжимался в меня ещё сильнее, ещё больнее. Я ощущала... Все я ощущала, что скрывали его брюки. И от этого почему-то смущалась.

— Разве? — хрипло выдохнула я.

— Да... — касание губ почти ощутимое. — Я бредил тобой, боготворил. Я дышал одной тобой... Знаешь, что впервые я пришёл в церковь после нашей свадьбы? Я благодарил Бога за тебя. За одну тебя, которая невероятная. Которая лучше любой женщины в мире, которая самая желанная. Которая стала для меня смыслом жизни, ее целью...

— И почему тогда ты изменил, раз я все для тебя? — дышать удавалось с трудом. От слов Матвея внутри разгорался пожар, который затапливал меня. Охватывал каждую клеточку тела.

И это было больно...

Матвей усмехнулся. Его улыбка была похожа на оскал.

— А разве ты ещё не поняла?

Его губы задели мою скулу, прошлись к уху, чтобы больно сомкнуться на мочке с маленькой серёжкой-гвоздиком.

— Ты чудовище... — всхлипнув, признала я. Постаралась оттолкнуть от себя мужа, чтобы не ощущать пьянящего аромата его тела, чтобы отрешиться и вынырнуть из состояния

гипноза. Но Матвей не позволил.

— Я знаю... самое ужасное чудовище, которое нашло наконец-то красавицу, чтобы стать принцем. И я им был. С тобой. И, наверно, был бы без тебя, если бы хотел. Но я просто никогда не хотел быть без тебя...

— Твое предложение это насмешка... — я сглотнула тугой комок слюны, который встал в горле, раздирая его.

— Мое предложение это попытка дать тебе все, что пожелаешь. Ты же хотела ребёнка... если бы не хотела, я бы вчера не мечтал повеситься после твоих слов... ты же хотела этого ребёнка всем сердцем, Ульян...

Меня стала бить крупная дрожь. Матвей выворачивал меня наизнанку, препарировал каждым словом, которое в его устах было острее скальпеля.

— Ненавижу... — я дёрнулась ещё раз, чтобы понять, что Матвей больше не держал меня за горло. Он просто держал меня в своих руках. За талию. Сдавливал и поглаживал сквозь ткань одежды.

— Соглашайся, и получишь намного больше... — глядя в глаза, предельно четко сказал муж, и его ладони скользнули по талии вверх, к груди. Я остановила их на рёбрах и сжала запястья Матвея, почти ногтями впиваясь в кожу.

— Остановись и вообще услышь себя со стороны, — произнесла я на одном дыхании. — Ты хотя бы понимаешь, что твоё предложение звучит для меня как издевка, как очень глупая и злая шутка?

Внутри меня поднималась злость. Я не могла поверить, что Матвей настолько толстокожий, что не понимает, как много боли приносит мне мысль о беременности.

— Я предельно серьёзен, Ульян... — его губы замерли, сомкнулись в линию, а темные глаза впились в меня. — Я понимаю, насколько тебе больно, я все это понимаю. Даже больше... И мне больно. Ненавижу себя за то, что послушал, а потом поверил ей, что не плюнул на своё чертово благородство и не приехал, не забрал тебя как пещерный человек с воплями: «Мое!». Я виню себя за то, что позволил тебе уйти и оставил в опасности.

Я задохнулась. Я не понимала, что говорил Матвей, в чем исповедовался, но до меня с ужасной медлительностью доходило, что его никто не держал, свекровь ни при чём. Он сам меня отпустил. Просто отпустил.

Почему?

— Но этот раз ничего подобного не будет. Я не предлагаю тебе беременеть прямо завтра. Ты боишься, и это нормально. Нормально испытывать страх перед тем, чего не знаешь. Но я все решу. Мы обследуемся. Мы проверим все что можно, только чтобы больше подобного не повторилось. Я открою трастовый фонд на твоё имя. Обеспечу полностью твоё будущее и будущее малыша...

Матвей говорил быстро. Короткими фразами. Из-за этого я с трудом улавливала суть. Я просто не понимала, что он хотел от меня. Чтобы я родила ему ребёнка или что?

— Ты несёшь какую-то чушь... — попыталась я встрять в его монолог, но оказалась прервана жёстким поцелуем, который сначала обжег меня ненавистью, а потом безграничной болью со вкусом горького кофе.

И слова на выдохе:

— Я просто пытаюсь вернуть тебе то, чего ты лишилась по моей вине...

Я все ещё ощущала его вкус на своих губах. Я держалась из последних сил, чтобы не разразиться истерикой. От давно забытого, нечаянного потерянного и совсем случайно, возможно приобретённого: от поцелуя, от мысли о ребёнке и от беременности.

— Это все полный бред, — выдохнула я, борясь с голосом надежды, который оглушал меня изнутри. Он так громко кричал, чтобы я просто попробовала, не обязательно прямо сейчас отказываться, ведь Матвей предлагал хорошее решение вопроса. И правильное.

И совсем все непонятно становилось.

Я не могла никак согласиться на предложение Матвея, потому что просто подписывала купчую на собственную душу. Я тогда точно не смогу от него никогда уйти. Это же настоящая ловушка, и Матвей как истинный хищник прекрасно расставил сети. Он знал чем меня купить. У него было больше двенадцати часов, чтобы обдумать и построить такую схему, в которой я точно запутаюсь, а уже потом не смогу выбраться.

Матвей манипулировал мной.

Он даже не собирался объяснять причины измены. Он считал, что я это понимала как само собой разумеющееся. Но я не понимала, что его толкнуло на этот шаг. Не могла понять и до сих пор, ведь мы...

Иногда люди живут рядом с нелюбимыми, натягивают на них рубашку принца или корону принцессы, притягивают реальность за уши, чтобы самим обманываться.

Так вот, это было не про нас с Матвеем.

Такое чувство будто бы боги посмеялись и специально создали меня и его, идеально подходящих друг другу, на расстоянии ощущающих, через время чувствующих. Таких, что Матвей всегда знал, когда я заболею, а я всегда знала, когда ему не нужен был никто. Я словно была у него под кожей. А он в моей крови.

И как такое вообще можно предать? Как можно все это промерять на обычный секс в подсобке или между совещаниями.

Мои губы затряслись. Я толкнула Матвея в грудь так сильно, что ладони загорелись огнем.

— Не смей о таком вообще говорить, — прошипела я, дёргая дверной замок. — У тебя никаких моральных прав нет обещать мне что-то и предлагать. Ты потерял их вместе с моим доверием.

Чертов замок никак не проворачивался. Я с психу содрала кожу на указательном пальце, чтобы добиться заветного щелчка, которой впрочем перекрыл голос Матвея.

— Уля, ты совершаешь глупость... — его голос потерялся в грохоте грома на улице. Муж дышал рвано и его грудь часто вздымалась.

— Я совершаю единственную верную вещь в своей жизни. Развожусь с тобой! — мне пришлось обернуться к двери, чтобы справиться с замком, который я походу провернула не в ту сторону, лишь закрыв нас с Матвеем на два оборота.

Крепкая ладонь легла мне на шею, сдавила. Матвей дёрнул меня на себя, развернул к столу и толкнул прямо на него. У меня под пальцами проскользнуло гладкое дерево, и я оказалась стоять, упиравшись грудью в столешницу.

— Псих, — всхлипнула я и попыталась встать, но в этот момент Матвей положил свою горячую ладонь мне между лопаток и надавил. Не знаю почему, но любая нормальная

женщина испугается насилия, а я лишь воспринимала это как очередную проходящую по нервам картинку из прошлого.

— Истеричка! — выпалил Матвей и наклонился ко мне. Его тело навалилось сверху, лишив меня возможности шевельнуться. Я постаралась наступить мужу на ногу своей, пусть коротенькой, шпилькой на офисных лодочках, но Матвей слишком хорошо знал меня, поэтому лишь усмехнулся, а потом...

Он меня укусил!

Я завизжала и ладонь с терпким запахом ванили закрыла мне рот, а потом Матвей ещё раз укусил меня у основания шеи, сжимая кожу своими зубами. Его руки заскользили по мне, очерчивая каждую выпуклость, каждый сантиметр покрывая огнем. Дотянулись до груди и, протиснувшись между мной и столом, больно сжали. Я дёрнулась сильнее, но видимо то, как при этом я елозила задницей по паху Матвея, только сильнее распалило мужа.

Его пальцы подцепили хрупкие полупрозрачные пуговицы блузки и потянули, вытаскивая из петлиц. Кожа к коже. Матвей коснулся моей груди не через одежду, и у меня звёзды перед глазами рассыпались. Я застонала, крепко прикусывая губы.

— Уль... ну ты же хочешь... — его шепот раздирал мое сознание на лоскуты. Испепелял его в огне порочного животного желания. — Уля, Ульяна моя... Ты же скучала...

Его губы опять зажали нежную кожу на шее, и я выдохнула:

— Не дави на меня...

Матвей замер, словно проснувшись и не понимая, где находится. Его тело окаменело, а потом резкий рывок вынудил меня развернуться к мужу лицом.

Я смотрела на Матвея и понимала, что все это ненадолго и как бы я не соскучилась по мужскому вниманию, муж это такая себе кандидатура, чтобы развеять мою скуку.

Мне важно было просто уйти.

Матвей посмотрел на мою расстегнутую блузку. Его глаза сияли как звёзды с серебряным огнем внутри. Пальцы снова коснулись ткани и отодвинули ее, обнажая грудь в белье. Задели тонкую кожу, очертили полушарие, скользнули выше по ключицам и ещё... К горлу, по подбородку и замерли на едва приоткрытых губах. Матвей смотрел так жадно, словно не мог отвести взгляда и взглядом этим он меня уже трахал.

Я приподняла подбородок. Матвей сильнее надавил указательным и средним пальцем на мою нижнюю губу, и я со вздохом приоткрыла рот, чтобы муж мог скользнуть внутрь его. Словно симитировать оральный секс.

— Оближи... — мягко, но настойчиво приказал Матвей, и мой язык скользнул по подушечкам его пальцев. Муж прикрыл глаза. А я сомкнула зубы. Матвей дёрнулся, ощущая боль от сжатия, но ни слова не сказал. Он ещё жаднее смотрел на то, как я старалась прокусить ему пальцы. Понимая, что ещё момент и я просто скорее всего дождусь крови от укуса, я разжала зубы. Дёрнула головой, отстраняясь от прикосновений ошарашенного мужа, и вытерла губы тыльной стороной ладони.

— Шлюхам своим приказывай и предложения им делай... — холодно сказала я и оттолкнула Матвея от себя. Он отшатнулся и шагнул в сторону как пьяный.

Я обошла его, на ходу застёгивая блузку и поправляя волосы, чтобы не было выбившихся прядей. На этот раз замок повернулся дважды в нужную сторону.

Ну вот и все закончилось. Осталось заявление на увольнение и развод. И все.

Уеду. Снова.

На пороге меня догнал тихий голос:
— У меня никогда не было никаких шлюх.

Я на секунду остановилась. Мотнула головой.

— Называй их куртизанками, — огрызнулась я и хлопнула дверью.

Я шла по коридору с такой скоростью, что казалось подошва начнёт дымиться. Скорее. Быстрее. Пока Матвей не пришёл в себя. Пока у меня есть время просто забрать свою сумку и забежать в отдел кадров.

В холле я так разогналась, что меня не остановил даже статный мужчина, который оказался на пути. И я бы прошла насквозь, если бы меня не сжали в объятиях и не протянули счастливо:

— Ульяна, милая моя... Как же долго я тебя не видел, — лучший друг мужа прижал меня к своей груди и, наклонившись, чмокнул в щеку. Хотя лучше бы вообще этого не делал. Я смущённо улыбнулась и постаралась отдалиться, но Тимур только сильнее стиснул меня в объятиях и приподнял, крутанувшись вместе со мной.

Я мысленно покачала головой.

Лучший друг Матвея Тимур всегда был излишне трогательным. Не в смысле, что трепетным, а просто обожал прикосновения, которые меня бесили.

— Я и не думал, что увижу тебя после того, как вы разошлись с Матвеем. Ты так внезапно исчезла, на звонки мои не отвечала, сообщения игнорировала.

Тимур ещё раз приподнял меня и чмокнул на этот раз в другую щеку. Высокий, здоровый брюнет с восточными корнями заполнял собой все пространство, и на нас стали немного оглядываться. А я не любила лишнего внимания.

— Ты так похорошела, — восторженно выдохнул Тимур. — Так и знал, что развод тебе к лицу.

— Спасибо, Тимур, — натужно выдавила я, опасаясь как бы Матвей не вышел из конференц зала и не затормозил меня снова.

— Да не смущайся, — Тимур приобнял меня за плечи, и я вдруг остановила на нем взгляд. А его эти годы тоже не изменили. Сделали чуть солиднее, и холода во взгляде прибавилось, но сейчас он смотрел на меня и улыбался как мальчишка. Я вздохнула и потянула руки навстречу, стараясь обнять близкого человека. — Ну вот, а то стоишь как неродная.

— Застеснялась, — призналась я, вспоминая, как Тимур на нашей с Матвеем свадьбе говорил просто сумасшедший тост про то, чтобы у мужа все стояло, а у жены всегда было готово. И это я передала пошло. Тимур же высказался с восточной мудростью.

— А ты как здесь? — Тимур, придерживая меня за руку, сделал шаг назад и, склонив голову на бок, прищурил глаза. — Нет, не соврал, действительно похорошела!

Я улыбнулась.

Комплиментами Тимур сыпал направо и налево, часто не понимая что и кому говорил.

— Я здесь работала.

— Я сейчас тебя наш деспот уволил? — подшутил Тимур и, наткнувшись на мой взгляд, прикусил язык. — Эх, Ульян... ну сочувствую. Вы конечно очень говнясто разошлись. Ты исчезла, он в ментовку загремел на полмесяца. Неудивительно, что он злой как черт.

Моя улыбка застыла на губах. Я не поняла, что имел ввиду Тимур, поэтому уточнила.

— Куда попал Матвей? — мой голос дрогнул и, видимо, Тимур понял, что сболтнул

лишнего, поэтому запустил пальцы в идеальные свои темные волосы и растрепал модную прическу.

— Черт... — протянул он, уводя меня за руку ещё дальше. К лифтам. Отлично мне как раз надо в отдел кадров спуститься. — Я толком сам не знаю. Меня не было тогда. Но что-то там было. То ли он подрался, то ли еще чего. Но если бы не те полмесяца, ни черта у тебя не получилось бы исчезнуть...

Я прикусила губу. Однако какие интересные подробности о Матвее вылезают. Но они меня однозначно не касались. Нет и нет.

— Понятно, — я качнула головой и вздрогнула от резкого голоса Тимура.

— Слушай, а давай вечером ходим куда-нибудь? — вдруг нашёлся Тимур. Я вскинула бровь, намекая, что какими бы не были хорошими знакомыми или друзьями, но чаевничать с лучшим другом бывшего мужа это такое... Немного неправильное. — Я же тебя столько не видел и всего на пару дней прилетел...

— А зачем? — сразу уточнила я, чтобы не было сюрпризов, потому что так-то Тимур неплохой юрист. Хотя чего я душой кривлю... Тимур отличный юрист и если все дело в разводе...

— Уля, что ты как маленькая... — мягко улыбнулся Тимур и прикоснулся пальцами к моей щеке, как будто решив ущипнуть. Я отстранилась. Тимур хмыкнул. — Компания куплена. Я проводил сделку. Удалённо. А сейчас прилетел, чтобы по факту все проверить.

Я кивнула принимая объяснение. Собиралась закончить разговор, но Тимур опять спросил.

— Ну так что по поводу вечера? Поужинаем? Я угощаю, а ты даёшь мне частную экскурсию по ночному городу с утренним кофе... — он ехидно сощурился. Я покачала головой.

— Прости, но у меня немного сложный период в жизни... — я развела руками.

Тимур мотнул головой в сторону коридора с конференц залом, и я ответила:

— Нет, просто работу меняю, квартиру заодно...

Повисла неловкая пауза. Тимур наклонился ко мне и прошептал:

— Да кому ты врешь? — уточнил он и подмигнул. — А то я не знаю какой задницей бывает твой бывший муж...

Наверно, все же он меньше меня знал, но все же догадывался, что причиной смены работы являлся Матвей.

— Ну знаешь, — вздохнула я, не намереваясь обсуждать свою личную жизнь и Матвея. — Идеальных среди нас мало. И мне действительно пора. Я немного опаздываю.

Тимур кивнул и мы прошли к лифту. Я нажала кнопку, на экране высветилась цифра и как застыла на одиннадцатом этаже, так и не двигалась.

Я нервно переступила с ноги на ногу, а в конце коридора хлопнула дверь. Матвей приближался как грозовая туча. Вокруг него только что воздух не сгущался, а когда он заметил нас с Тимуром, так вообще весь почернел. Тимур тоже его заметил и приветливо махнул рукой. А потом спросил уже у меня:

— Кстати, можем просто посидеть в кафе.

Я перевела взгляд на Матвея и в голове почему-то всплыл тот запачканный воротник и мои чувства при виде его.

Как мне было хреново от предательства. Как я не могла понять почему меня предали. Как я уезжала.

И все это хронометражем пролетело в памяти, заставив меня глядя Матвею в глаза, обратиться к Тимуру:

— Хорошо. Только все же пусть ресторан. Нестеров. В восемь вечера.

Тимур приобнял меня за плечи, и я шагнула в лифт с горячими от взгляда Матвея лопатками.

Мне отрезали волосы. Чуть ниже плеч.

Почему-то после того, как я отдала своё заявление на увольнение непосредственному начальству, заверив, что сам генеральный согласен с ним, после посещения юридической конторы, после часа блужданий по квартире, мне захотелось перемен. И я спустилась в салон, который был на первом этаже дома.

Девушка парикмахер взвешивала на ладони косу моих волос и недоверчиво смотрела на меня сквозь зеркало. Я ее понимала. Не всегда клиент знает, чего хочет. Но я знала. Мне надо было расстаться со своим прошлым. Бабушка всегда говорила, что волосы, которые мы срезаем это наши воспоминания, которые держат.

Мне держаться было не за что.

— Не бойтесь вы так, — успокаивала я парикмахера. — Это всего лишь волосы, а не зубы. Отрезайте.

Два взмаха ножницами и мне показали десять сантиметров косы. Я улыбнулась и мотнула головой, наблюдая, как по плечам рассыпались волосы и ни о чем не жалея. Мне ещё облегчили кончики и сделали укладку из слегка волнистых кудрей.

На улице с тяжёлым влажным воздухом меня пробовал озноб, и я передернула плечами. Быстрой походкой я добралась до ближайшего торгового центра и наконец смогла что-то себе купить не потому что надо, а просто потому что хотелось.

Все это время я жила в режиме «главное, чтобы выглядела прилично и опрятно». Я не заморачивалась с выбором одежды, просто брала в одном и том же бутике офисные блузки, в другом костюмы. Туфли один раз купила. Сапожки вот тоже. Белье дорогое и кружевное сменилось на практичное, да временами кружевное, но только в качестве отделки, колготки я брала исключительно в онлайн магазинах, потому что оказалась той ещё бедой, постоянно ставя затяжки где можно и где нельзя.

И на этом мой шоппинг обычно заканчивался.

Сейчас же я кайфовала от вида того как, сидели на мне джинсы из последней коллекции, подтягивая задницу и удлиняя ноги. А как смотрелось белье из тонкой сетки с кружевными лентами по краю...

Мне кажется именно на моменте с бельём во мне снова проснулась прежняя я, которая хотела нравиться. Я словно обретала давно забытые навыки.

Ближе к восьми вечера я бродила по квартире, вспоминая все ли сделала.

Уволилась. Развелась. Накрасилась.

Отличная логика поставить в один ряд макияж и переворот в жизни. Но да ладно, переживу.

Такси ждало меня возле подъезда, и я своим тонким пальто быстро пробежала к нему. Уселась на заднее сиденье, и машина тронулась в места.

Чем ближе был ресторан тем сильнее я ощущала на языке привкус крови, словно утреннее желание укусить Матвея посильнее наконец исполнилось и рот наполнился вместе со слюнями кровью.

Странные мы. Оба. Матвей в своих танцах, в своём молчании, и я на всю голову отбитая. Ну кто в своём уме, чтобы остановить мужчину кусает его за пальцы?

Божечки. Как вспомню, аж стыдно становится. Но Матвей сам виноват. Не надо было

загонять меня в ловушку. Он же понимал, что я ничего не смогу ему противопоставить, он сильнее, быстрее и меньше, что мне оставалось это выгадать момент и схитрить.

Меня бесило, что мысли возвращались к мужу. Он со своей нелепой историей про ребёнка засел у меня глубоко внутри. Логично, что его предложение это способ привязать меня, но...

Но желание завести ребёнка настолько сильно меня затапливало временами, что ничего не могла поделать с иррациональными мыслями все же попробовать. Да, остаться навсегда привязанной к Матвею, но ведь это не самое худшее. Самое худшее я уже пережила. И больше не хотела.

Тимур ждал меня в своём такси возле ресторана.

— Какая же ты красивая, — мягко признался он и провёл по мне взглядом снизу вверх. Такое внимание смущало и нервировало. Но я убеждала себя, что просто накручиваю, преувеличиваю. И в конце концов мне просто важно было узнать, что Матвей сделал первым делом: решил купить компанию или поехал за мной. Если первое, то он просто потреплет нервы и все. Но если второе...

Я так и не выбрала точно город, в котором хотела бы жить.

— Ну, если честно, с побегом ты отошла, — сказал Тимур, забирая меня у меню и делая заказ. — Я вообще растерялся, когда узнал. Причём не так, что мне Матвей все рассказал. Нет. Я как старая бабка ходил собирал сплетни.

— Ну вот тогда тебе правда, — усмехнулась я. — Он просто мне изменил. Со своей секретаршей.

Нам принесли аперитив.

— А кто у него тогда был? — уточнил Тимур без удивления. Ну конечно, он наверно знал о моих рогах.

— Лена... — ответила я и перевела взгляд за окно. Мы сидели на одиннадцатом этаже бизнес центра, в котором помимо этого ресторана была масса интересных заведений. На втором танцевальная студия. Ещё студия художки. А на смотровой площадке, на самой крыше здания тоже был ресторан под стеклянным куполом.

Не знаю откуда я столько знала про столь пафосные места, если почти два года не выходила никуда толком.

— Что-то такое припоминаю. Вобла какая-то... — Тимур подозвал официанта и попросил принести ещё белое вино. Я не пила алкоголь, но если Тимур так необходим, не видела смысла уточнять, что откажусь. — Хотя никогда не замечал за Матвеем, чтобы он грабли на неё распускал... Но знаешь...

Тимур наклонился над столом и шёпотом произнёс мне страшную тайну:

— Мы сами иногда не знаем, что взбредёт в голову...

Я сузила глаза, однозначно не веря в такое. Вот Тимур точно знал, что и когда взбредёт ему в голову. У него профессия такая думать наперёд. Но чтобы не разрушать момент я согласно кивнула.

— И вот. Я ушла. Переехала сюда. Жила. И все в общем-то, — призналась я Тимур.

— Ты знаешь, что стала жутко скрытной? — сощурился Тимур.

— Нет. Мне просто действительно нечего тебе рассказать. Поэтому может быть ты чём-нибудь поделишься? — я отпила сока из бокала и прикоснулась салфеткой к губам.

— Ну ты спрашивай, — улыбнулся Тимур. — А я расскажу.

Я только приоткрыла рот, чтобы спросить Тимура, но меня нагло перебил знакомый

Голос:

— А расскажи ка мне, дорогой друг, с каких пор водить мою жену на свидание стало твоей обязанностью?

Матвей обошёл столик и, дёрнув от соседнего пустующий стул, присел. Посмотрел сначала на меня, потом на Тимура. Тот нашёлся первым и позвал официанта для ещё одного комплекта посуды и заказа, но Матвей мотнул головой и перебил:

— Кормить будешь своих клиентов, а не работодателей... — грубо осадил Тимура мой бывший муж, и я чуть было не наступила ему на ногу под столом. То как вёл себя Матвей ни в какие рамки не лезло. Зачем столько злости? Чувство будто бы он застал жену и друга в постели, а не в ресторане. Хотя даже если бы и в постели, у него все равно не было бы никаких прав на скандал, потому что сам неверный.

— Матвей, ты перегибаешь, — усмехнулся Тимур и вернул винную карту официанту. — Столько ужаса нагнал из-за обычной дружеской посиделки.

— Странно, что меня на неё не позвали... — холодно заметил Матвей и бросил на меня короткий взгляд, верно оценив и новую стрижку и макияж. Я только вкинула бровь, немного ликуя в душе: пусть сравнит кто его ждал дома и кого он трахал на работе.

— Ну ты как бы не друг Ульяне... — развёл руками Тимур и подмигнул мне.

— Зато ты такой дружелюбный, что девки пачками беременеют, — ядовито произнёс Матвей и убрал локти со стола, чтобы официант мог поставить тарелку с ужином. — Ну что как не родные? Давайте рассказывайте дальше, как дела.

При этом Матвей посмотрел на меня, как бы намекая, чтобы поделилась своими делами. Я сомкнула губы и посмотрела за окно.

— А как ты узнал где мы ужинать будем? — спросил Тимур и дотянулся до меня ногой под столом, неловко толкнул носком ботинка. Я закатила глаза и вернулась к беседе.

— Слух хороший, — оскалился Матвей и снова посмотрел на меня. И что он хотел от меня услышать? Я должна была как-то отреагировать?

— Матвей, мне кажется свинством, что ты уволил Ульяну, — Тимур сегодня решил побыть такой прослойкой между мной и мужем, поэтому старался максимально быстро разрешить все вопросы.

— Она сама решила уйти, — пожал плечами муж и, обратившись ко мне, уточнил. — Ведь так?

Я на минуту остановилась на чёрных глазах Матвея, просто утопая в их холоде. И кивнув, ответила:

— Все верно. А теперь мне пора домой, — я встала из-за стола, не намереваясь и десяти минут провести в обществе Матвея. Вечер как-то сразу испортился. Стал агрессивно натянутым.

— Ульян, ну это не дело, — запротестовал Тимур, покачав головой. — Это же обычный ужин, а вы как кошка с собакой. То что было, то прошло ведь... Вы как дети ей богу.

— У меня много дел, — мягко ответила я и, кивнув мужчинам поблагодарила. — Тимур, спасибо за вечер. Матвей...

Я осеклась, не зная, за что благодарить мужа, поэтому промолчала, а потом развернувшись от стола сделала шаг к выходу.

Матвей догнал меня на первом этаже. Он держал в руках своё пальто и выдыхал рвано как будто не на лифте спускался, а бежал.

— Уль, мы должны поговорить... — в его голосе пропал холод, осталась лёгкая

усталость, но я уже достаточно услышала, чтобы тратить время на очередной скандал.

— Матвей, мы ничего друг другу не должны... — выдохнула я и, поправив воротник своего пальто, дотронулась до ручки двери. Матвей перехватил ее и открыл, пропустил меня вперед.

— Ты же понимаешь, что все происходящее следствие того, что я не могу нормально тебе объяснить насколько ты мне нужна... — спросил Матвей, когда мы оказались на улице. Я не вызвала такси, поэтому пошла по тротуару в сторону парка, который прилегал к центру,

— Не надо мне объяснять, Матвей, — муж шёл на шаг позади меня, и мне приходилось оборачиваться, чтобы сказать, чтобы он меня услышал. — Не надо. Просто давай поставим точку. Давай закроем нашу книгу жизни и каждый начнёт свою. Ты молод, богат, властен. С тобой любая будет счастлива...

Если бы ещё не вредный характер, так цены бы не было Матвею, но на самом деле это вообще не минус, когда у самой тоже не сахар, а скипидар темперамент.

— Мне не нужна любая, как ты этого не поймёшь? — Матвей схватил меня за локоть и посмотрел в глаза. Я честно старалась выдержать его взгляд, но почему-то спасовала.

— Я никогда этого не пойму, потому что все твои поступки, все слова это всего лишь синдром больной любви завязанной на зависимости, — сказала я тихо, стараясь разорвать прикосновение. Матвей не отпускал.

— Прощу тебя, Ульян... — голос охрип. Матвей качал головой. — Я тебя умоляю, любимая...

Слова резанули по памяти. Словно только вчера мы были вместе, все у нас было хорошо, и никто никого не предавал.

Словно только с утра Матвей прижимал меня к стене в коридоре, не желая прерывать поцелуи, которые обычно были у нас перед его уходом на работу.

Словно только пару часов назад я приехала домой и накрывала ужин, который разбил всю мою жизнь.

— Не надо, Матвей. Прекрати меня мучить, — я старалась добавить в голос сталь, но не выходило.

— Я не мучаю тебя, а люблю! — закричал Матвей и перехватил меня за талию. Утренний инцидент в конференц зале встал снова перед глазами. Я уперлась в грудь мужа руками.

— Твоя любовь просто звук, — пропыхтела я, стараясь вырваться и Матвей разжал руки. Безумными, пьяными глазами посмотрел на меня и по осеннему парку разлетелось громкое:

— Я не изменял тебе!

Матвей. Чуть больше двух лет назад.

Эта дура пролила кофе на договор с москвичами.

Я прикрыл глаза, стараясь не орать. Уля говорила, что на девушек нельзя орать. Я сомневался, но все же прислушивался к словам жены.

— Простите, я сейчас все быстро тут приберу, — пролепетала Елена, пытаясь стряхнуть кофе с папки с документами.

Я честно старался быть проще. Мягче к людям, которые зачастую просто обезоруживали своей глупостью. И не той, которая такая миленькая, а вот просто непроходимой.

Боже, верните мне нормальную секретаршу. И вообще, кто сказал, что шестьдесят это возраст для секретаря? У меня была просто чудесная София Павловна, которая меньше месяца назад решила посвятить себя детям и внукам. Я был против, но ничего поделать не мог. Все же возраст. Хотя даже привык варить себе кофе, не хотелось по пустякам беспокоить Софию Павловну. Но зато как она владела всеми документами, как распоряжалась моим расписанием, как встречала партнёров...

И вот. После моей чудесной Софии Павловны мне сосватали Елену. У которой две извилины, и те в ногах.

Я держался целую неделю, прежде чем сходить в отдел кадров и потребовать себе нормального помощника, а не силиконовую долину. Уля опять качала головой, говоря, что я строг к людям. Но я даже не орал ни на кого.

— А тебе не кажется, что Лена эта твоя может не понравиться Уле? — спросил как-то между совещаниями Тимур, наблюдая, как Елена величественно уносила свою корму в приемную. Я хмуро посмотрел на друга из-за экрана компьютера и поджал губы.

— Она уже ей не нравится. Тем, что я каждый вечер прихожу злой как дьявол... — сквозь зубы процедил я. А Тимур только засмеялся.

— Я не об этом, Моть...

Придушить бы этого весельчака за его панибратское «Моть». Вот честное слово, два взрослых человека, а он детскими прозвищами разбрасывается.

— Ну просвети... — буркнул я, глядя в смету и сверяя итоговые суммы.

— Ну она молодая, пышногрудая, миленькая... — начал Тимур. А я бросил в шутку.

— Нравится? Забирай себе, а мне отдай свою Норскую... У неё, конечно, характер как у цербера, но мне подходит. Хотя бы кофе у неё нормальный, — проблема нормального секретаря стояла остро, мне казалось, ещё пара дней, и я придушу Лену ее же колготками.

— Ну уж нет... — резко прекратив веселье, обрубил Тимур, ощущая конкуренцию за секретарей. — Но вообще я не к этому. Ты не думаешь, что Ульяне она как женщина не понравится? Вдруг подумает...

Я устало поднял глаза на друга и улыбнулся. Ну вот что Ульяна может подумать? Что я ее мог променять на глупую девчонку? Или то, что у Лены может быть что-то, чего нет у Ульяны?

Я женился не в восемнадцать лет, чтобы думать, что женщины все по-разному устроены. Нет. Определённо отличия есть, только вот по факту модель одна, есть вариации. И я выбрал свою. Ульяну. Которая меня устраивала от и до. Которая заменяла мне друзей, которая была самой горячей любовницей в постели, которая была для меня тем человеком,

ради которого я мог горы сворачивать, которая заменила мне весь мир, подарив вместо него вселенную наполненную разными чувствами, эмоциями, желаниями.

Ну нафига мне кто-то другой?

Я женился не потому что приперло, по залёту или глупости. Ульяна это взвешенный выбор. Это комбо из всего, что привлекало меня в женщинах. Это ум, сарказм, красота, нежность, страстность.

Ульяна была моим идеалом.

И рисковать ей, рисковать своей семьей ради мимолетной интрижки, ради того чтобы почувствовать себя властным боссом, я не видел смысла. Захочу ролевых игр, Ульяна прекрасно сыграет роль секретарши, только ещё и кончать будет по-настоящему.

— Не подумает, Тимур, — успокоил я друга и тихо по секрету признался: — Ей, наверно, не до этого будет.

Тимур сощурил свои и без того не сильно большие глаза и подался вперёд, словно почуяв добычу.

— Я хочу знать подробности, — Тимур заерзал на кресле и сложил руки на груди. Я покачал головой. Но все же признался:

— Я хочу предложить Ульяне завести ребёнка...

Тимур хлопнул себя по коленям и усмехнулся.

— Вот лис...

— Что лис? — нахмурился я. Мы с Ульяной, конечно, планировали беременность, но как-то все больше, чтобы не отставать от общества, типа, вот неплохо бы ребенка завести. А не так, что сели и решили: к следующему году мы должны быть беременны. Вот именно это я и хотел предложить Уле. Начать двигаться в этом направлении. Чтобы уже были данные на руках, с которыми можно работать. В наше время, если хочется, чтобы все прошло успешно, надо как следует к этому подготовиться. И я готовился. Хотя бы морально. На разговор.

— Ну тогда поздравляю, — Тимур встал с кресла и, перегнувшись через стол, протянул мне руку для рукопожатия. — Но это... Моть ты бы девку куда-нибудь спровадил...

— Как только найду замену...

Заверил я, ещё не зная, что через пару недель у меня сорвёт крышу от очередного идиотского поступка секретарши. Она стояла передо мной и сопливо пыталась объяснить:

— И меня звонок отвлёт... — слёзы катились по щекам, а я уже понимал, что это конец, что точно уволю эту идиотку. — И тогда я просто нажала на кнопку...

Господи, эта дура разослала клиентам не те документы. Все перемешала. И уже час до меня пытались дозвониться подрядчики и заказчики.

— Елен... — я старался говорить спокойно. Честное слово, старался, хотя придушить дуру хотел. — Я все понял. Елен, я думаю, эта должность слишком трудна для вас...

Елена дёрнулась ко мне навстречу, вцепилась пальцами в отвороты пиджака и повисла на нем, при этом шёпотом что-то бормоча мне в кадык.

Да чтоб тебя!

Матвей.

Тонкие пальцы мёртвой хваткой вцепились в мою одежду. Я старался не применять силу, чтобы не покалечить эту дуру. Но, видимо, моего великодушия никто не замечал. Наконец я рыкнул:

— Елена, прекратите истерику!

Я сдавил запястья секретаря в своих руках и резко дёрнул от себя. Девушка пошатнулась, не в силах устоять на ногах и, споткнувшись, упала на пол. Я дёрнулся помочь встать, а то черт разберёт этих баб, потом будет выть, что ногти переломала, а то и руки, но Елена заверещала ещё громче, и я отшатнулся. Смотрел на растерявшуюся девку несколько минут, а потом плюнул на все и схватил за плечи. Елена вырывалась и зачем-то лупила меня по плечам. Я тряхнул ее пару раз, чтобы пришла в чувство.

— Объясни и покажи, кому и что отравила, — строго и холодно сказал я, теряя терпение.

Елена часто закивала и дёрнулась в приемную, размазывая на лице косметику. Боже, ну послали же мне работника.

Я отодвинул Елену вместе с креслом от монитора и сел перечитывать переписки.

Да. Клиенты, которые только ждали подсчётов, уже фонтанировали восторгами про нашу скорость. Те, у кого были соцпроекты, высказывали претензии.

Я набрал Тимура, но он был недоступен.

Прям все глупее и глупее ситуация.

Я сделал скрин экрана и отправил себе на почту.

— Так, у тебя время до конца рабочего дня, — сказал я Елене. — Чтобы всем клиентам позвонила, перед всеми извинилась и сообщила, что у них некорректные данные и мы очень извиняемся и готовы предоставить скидку на свои услуги. Поняла?

Мне казалось, эта идиотка ни черта не понимала, а просто кивала как припадочная.

Я выдохнул сквозь зубы и вернулся к себе в кабинет. Развернул скрин и начал лично обзванивать постоянных клиентов, чтобы не возникло недоразумений.

Тимур по-прежнему не отвечал, чем бесил меня больше обычного.

Когда я закончил переговоры, за окном стало смеркаться. Я выглянул в приемную, а секретарши не было на рабочем месте. Вот дрянь. Ещё и ушла домой, не исправив свои ошибки. Мои нервы оказались не железными, поэтому я из последних сил держался, чтобы не вытряхнуть все шмотки Лены за порог офиса. Но в итоге сел за ее компьютер и стал проверять переписки. Она успела сделать только половину. Даже меньше.

Я покачал головой и отправил недоделанную работу себе на почту. Дома быстро всем разошлю письма и наутро сделаю звонки.

Дура!

Ульяна дома ждала уже не знаю сколько, а я все не мог выбраться из офиса. А когда приехал домой, мое состояние бешенства достигло абсолюта. Я молча жевал несомненно вкусный ужин. Уля вяло ковырялась в тарелке вилкой и была спокойна, видимо, ощущая мой настрой. И это самое лучшее, что могла она сделать — дать мне самому прийти в норму.

Это бесценно. Ее умение понимать, что со мной творилось, даже без слов. Только вот фраза, брошенная между делом, заставила напрячься:

— Тебе не кажется, что у Лены слишком яркая помада?

У меня по коже прошёлся озноб. Я туго сглотнул, сначала не понимая вообще, к чему этот вопрос. В голове ещё гуляли кадры тупости и безответственности этой самой Лены, и при чём тут ее помада, я не понимал в принципе, но согласился, а Уля медленно встала, бросила салфетку в тарелку и вышла из кухни.

Все органы чувств заорали как оглашённые. У меня перед глазами заплясали разноцветные пятна, и я с ужасом и какой-то медлительностью понимал, что Ульяна хотела уйти. Потому что думала, что я изменял ей.

Я вообще не понимал, что несу. Я просто схватил свою жену на руки. Мне кажется, такой истерики я никогда в жизни не видел. Улю выгибало дугой, она кусала меня за запястья и вырывалась с таким ожесточением, словно я был для неё самым страшным врагом:

— Ненавижу, предатель, — визжала она подо мной на кровати, а я только и мог что шептать, как любил ее, чтобы она просто успокоилась, чтобы я мог объяснить, что не было никакой измены, что она только одна важна для меня. Но в Ульяну словно бес вселился, и я, мужчина на сорок килограмм тяжелее нее, просто не мог справиться с хрупким женским телом.

Она билась в такой истерике, что я не мог ей даже предложить успокоительное. Я бы просто не смог ей его безопасно засунуть в рот. Ее сердце стучало так громко, что через одежду, кожу, мышцы я ощущал его бой как свой.

— Уля, милая моя, — шептал я ночью, когда Ульяна наконец обессилела, безжизненно лежала, свернувшись в клубок, притянув ноги к груди. — Никто мне не нужен никогда был. Только ты одна.

Мне казалось, я говорил это все в пустоту. Не помню вообще, спала ли Ульяна в ту ночь. Я просто не разжимал рук. Думал, что как только жена перестанет ощущать меня рядом, то все сломается окончательно и в один момент.

Черт.

Ульяна же всегда была разумной, а сейчас не слышала никаких аргументов, как будто за сутки мне подменили супругу, дав взамен эмоционально нестабильную какую-то гормональную истеричку.

Что она мне говорила после ужина? Что я предатель? Или...

На нервах из-за работы, из-за потрясения от возможной потери Ульяны я вообще не помнил ничего связного.

Что я говорил?

Что люблю ее сильнее жизни. Что она для меня ценность. Что я...

Не помню, спал ли я ночью. Все время слилось в какую-то фантазмагорию, просто бред сумасшедшего.

Утром, сонным и с запахом мокрой осени, я понимал, что боюсь оставить Ульяну одну. Она все так же лежала на постели, только теперь не была скована. Она расслабленно спала, развернувшись к окну и тихо дыша. Я метался по квартире и пытался решить все вопросы удалённо, но когда несколько крупных заказчиков стали звонить один за одним, требуя реальных цифр в сметах, я понял, что как бы ни боялся за жену, а уехать придётся. На час.

Я приблизился к Ульяне и поцеловал ее в висок.

— Спи, любимая, — прошептал я, убирая с лица прядь волос. — Я сейчас быстро съезжу на работу и вернусь.

Ульяна, не открывая глаз, кивнула и обняла меня за шею, как всегда делала, когда не успела ещё толком проснуться, но все равно понимала на уровне инстинктов, что происходило.

— Что тебе привезти? — я зачем-то продолжал разговаривать со спящей Ульяной, словно делая зарубку в памяти, что все кончилось, что все прошло. — Хочешь тропических фруктов? Или чего-нибудь ещё...

Ульяна не отвечала, только ровно дышала, и я, немного успокоившись, быстро собрался на работу, где первое, что я произнёс, было:

— Елена, а теперь вы точно уволены. Через час чтобы вас здесь не было.

Но я еще не знал, какую ошибку совершил.

— Вы не посмеете! — Елена залетела вслед за мной в кабинет.

— Уже, — холодно обронил я, скидывая с плеч пиджак и вешая его на плечики. — Свободны.

Я взмахнул рукой, намекая, чтобы не мозолила мне глаза и свалила от греха подальше, иначе собственными руками удушю идиотку, которая поставила под угрозу мой брак и расстроила Ульяну.

— Я напишу заявление в прокуратуру! — зачем-то сказала Лена и топнула. Так громко, что каблук скрежетнул по ламинату. Я поморщился.

— Можете ещё Деду Морозу, чтобы уж точно, — холодно посоветовал я, упираясь тяжёлым взглядом в эту дуру.

— И в трудовую инспекцию! — Лена упорствовала во грехе, и я приподнял рабочий телефон, набирая код охраны.

— Хорошо хоть не в Спортлото, — кивнул я, прислушивалась к гудкам в трубке. Лена подлетела к столу и со всей силы дернула базу телефона со столешницы, вырывая провода.

Я вскинул бровь.

— Вы не посмеете меня уволить. Я столько времени терпела вашу тиранию, вечные придирки...

— Секретарши только в сериалах раздвигают ноги на работе, у меня надо работать, — обрубил я поток непонятных претензий.

— Да как вы смеете! — задохнулась Елена, и я кивнул в сторону двери.

— Обычно смею, обычно могу, обычно увольняю безответственного сотрудника, который не соблюдает субординацию, совершает ошибки, ставя под угрозу репутацию компании...

Меня несло. Я был так зол, что готов был обвинить секретаршу в самых последних грехах, чтобы просто донести, что она курица безголовая, которая совсем не соображает, что творит.

Лена замерла с висящим на проводе телефоном и часто моргала. Ее губы тряслись, а пальцы, сжимающие провод, аж побелели. Я уже думал, сейчас грянет истерика и придётся ее выводить силой, но тут она дёрнулась ко мне, обогнула стол и в одном порыве упала передо мной на колени, схватилась за мой ремень, и у меня перед глазами расцвела красная пелена.

Я резко встал с кресла, схватил эту суку, свою секретаршу, за запястья и потащил к выходу. Она упиралась и визжала так, словно я ее резал, истеричка невменяемая. Когда я выволок ее из приемной, уже весь этаж был в курсе какой я мудака, тиран и скотина.

— Вещи вам вынесут, — холодно сказал я. — Вы уволены. И скажите спасибо, что без статьи.

— Вы... Вы! — Лена взмахнула рукой. — Вы об этом пожалеете. Я на вас везде напишу. Устанете от проверок.

— Да пожалуйста, — разрешил я и хлопнул дверью. Ещё какая-то припадочная меня пугать будет.

Весь на взводе, я старался объясниться с заказчиками, проявить лояльность и уважение, короче, крутился как мог, а стрелка на часах неумолимо бежала по циферблату, заставляя с

каждой минутой психовать сильнее. В районе трёх я отчаялся разобраться во всем сам и экстренно собрал отдел продаж, быстро объяснил ситуацию и распахал оставшихся клиентов им. Я мог и раньше это сделать, но гребаная ответственность, сам факт того, что я не прослежу, не удостоверяюсь, что все прошло как надо, перевешивал.

Домой я летел, не замечая вообще светофоров. Мне казалось, что-то происходило вокруг меня, неумолимое и от этого фатальное. Я неровно припарковался во дворе дома, даже не заехал на крытую парковку, и быстрее поспешил в подъезд. Лифт как назло тащился со скоростью улитки. Я нервно хрустел пальцами, постоянно задевая нос костяшками.

Уже у двери я понял, что опоздал.

Замок провернулся только один раз. В голове все настолько смешалось, что я не мог вспомнить, на один оборот закрывал или нет. И из-за этого капля надежды все же теплилась внутри. Я медленно стянул с плеч пальто, промахнулся мимо шкафа и шагнул дальше по коридору. Я затаил дыхание и прикрыл глаза, стараясь хотя бы на слух определить, дома ли Ульяна. Но ничего не слышал. Ещё два шага, и гостиная. Пустая. Только с ароматом малины и душицы, который повис невидимой пеленой в воздухе. Ещё шаг, и поворот на пустую кухню с пустым столом. Почти пустым.

Обручальное кольцо, играя гранями камней в нем, одиноко лежало на глянцевой поверхности.

Мое сердце остановилось. Я растерянно огляделся. В глазах так сильно жгло, что я постоянно тёр их, стараясь выгнать весь песок из них, а потом что было сил ударил локтем в стеклянный книжный шкаф. Осколки посыпались к ногам, но мое отчаяние настолько затопило рассудок, что этого оказалось мало, и я дёрнул в сторону этот проклятый шкаф, чтобы к осколкам прибавились мятые страницы книг, а потом ещё куски посуды, немного статуэток и фото в рамках, которые стояли на полочках в гостиной.

Меня бросало из стороны в сторону. Я не понимал, чего сильнее хочу: найти Ульяну или сдохнуть. Самое страшное, что могло случиться, случилось, и я не знал, что с этим делать.

Хотя нет. Догадывался. Через пару часов моя голова просветлела, и я смог наконец-то нормально соображать. Начал набирать Ульяну, чтобы объяснить, что все это нелепая череда случайностей, но телефон был мёртв. Я постарался через ноут отследить историю покупок за последний день, но был только один перевод на карту в другой банк. Я звонил друзьям, Особенно нескольким подругам Ульяны. Я почти уверен, что она была у одной из них, но никто Улю не видел и не слышал. У меня не было доступа к учетной записи жены, поэтому я даже не мог определить ее геопозицию, да и нахрена мне все это нужно было, если я никогда не держал Улю взаперти, ни в чем не ограничивал и никак не препятствовал ее делам.

У меня оставался вариант — обратиться к девочкам с прошлой работы Ульяны. У меня не было ни одного телефона, поэтому я собрался съездить в офис. Но на пороге подъезда меня остановил небритый детина с вопросом:

— Это ты, что ли, начальник сестры моей? — дыхнул он на меня перегаром.

Я не понял, вообще чего он от меня хотел, поэтому отмахнулся, не став отвечать на вопрос, но меня дёрнули назад и приложили головой о железную дверь подъезда. Я взбесился и без разбора всадил мужику кулак под ребра.

Завязалась драка.

В элитном районе города.

В новом дорогом жилом комплексе.

Вскоре приехала полиция, и с меня были взяты гладки, не я напал, но меня попросили проехать в отдел для дачи показаний. Я скрипел зубами, матерился, облизывал разбитую губу, но поехал.

Дознаватель, немногим старше меня, долго смотрел в бумаги, а потом неопределённо бросил:

— Так на вас, Матвей Игоревич заявление написано...

— Что за глупости? — резко спросил я, понимая, что у меня нет времени возиться со всем, и набирая Тимура, чтобы приехал тут все решил.

— Ну вот, последнее. От Елены Смирновой. Она обвиняет вас в избиении и изнасиловании...

Я выронил телефон из рук.

— Вы же понимаете, что это все неправда? — спросил я. — Этот бугай ее родственник. Пришел мстить за эту дуру.

— Матвей Игоревич... мы все понимаем... — печально качнул головой следок. — Но вынуждены попросить вас задержаться.

Твою мать.

— Вы издеваетесь? — выпалил я. — У меня жена пропала, а я тут должен задерживаться из-за какой-то идиотки! Сейчас мой адвокат приедет...

В общем, меня несло так, что странно, как меня просто не отпиздили за мой язык, а всего лишь закрыли на десять суток. За хулиганство. И адвокат, приехавший утром, с решением судьи ничего не мог сделать, дармоед.

Я пробовал связаться с Тимуром, я пробовал звонить Ульяне, которая пропала, и одному богу было известно, что с ней творилось.

Твою мать, я за эти десять суток чуть крышей не двинулся. Меня трясло буквально от любого воспоминания о Ульяне и о том, что могло с ней произойти.

На одиннадцатые сутки, когда все прилично разрешилось, когда я дозвонился до бывшего секретаря, попросил записи камер наблюдения, когда снова приехал адвокат, когда все, в общем, были в курсе, меня отпустили.

Я вылетел из отдела на такой скорости, что чуть не сбил родную мать, которая приехала меня встретить.

Мне было не до объятий и прочего, мне надо было найти Ульяну.

С ней за это время могло произойти все, что угодно.

— Матвей, мальчик мой... по поводу Ульяны...

Ульяна. После ресторана

— Я не изменял тебе!

Меня повело в сторону. Я схватила руками воздух, но ничего не почувствовала, просто цеплялась непонятно за что, чтобы не упасть. Не сломаться от такой неприкрытой лжи. Он же сам говорил, что это не имело значения. Он же не сказал тогда, что не изменял, а значит, просто не подтвердил факт измены. Матвей же...

— Ты врешь... — заикаясь, выдавила я, боясь всего груза осознания, который мог на меня свалиться. Боясь даже представить, что все, что произошло, результат только моего поступка, моего побега.

Я мотала головой. Отказывалась верить в происходящее. Нет. Такого быть не могло. Даже если на секунду представить, что Матвей не изменял, даже пусть это будет из какой-то другой реальности...

Этого не могло быть.

Матвей сжимал губы. На его лице ходили желваки, настолько сильно он сдавливал челюсти.

Нет. Он просто пошутил.

Точно! Это очередной поворот, чтобы обдурить меня, чтобы я потеряла бдительность, чтобы...

— Ты врешь... — обессиленно произнесла я, закусывая дрожащие от паники, от боли губы. — Это не может быть правдой. Ты не можешь сейчас говорить правду...

Матвей шагнул ко мне, просто дёрнулся. Я выставила руки вперёд, избегая прикосновений, которые могли меня сломать. Но муж одним рывком обхватил меня, прижал к себе. Его потряхивало, словно бил озноб. Он вдавил меня в себя. Мое лицо уткнулась ему в грудь, где под пальто, под рубашкой билось, оглушая меня, его сердце. Оно стучало так громко, что через его звук я не могла разобрать шума улицы, звуков дороги, на которой разлетались брызгами от колёс машин лужи.

— Ты врешь. Врешь! — кричала я, задыхаясь словами. Я дёргалась, старалась вырваться, чтобы просто посмотреть Матвею в глаза, чтобы по ним понять, что он врал мне. Тогда врал, когда скрывал свою связь, и сейчас врал, когда говорил, что не делал этого. — Врешь!

— Нет, — тихим, но от этого не менее угрожающим голосом сказал Матвей и перехватил меня за талию. У меня появилась возможность отстраниться. Матвей приподнял мое лицо за подбородок и взглянул. Слишком пристально, остро, словно собираясь задавать вопросы, которые мне не понравятся. — Успокойся. Тебе нельзя нервничать.

Я хватала ртом воздух, смешанный с ароматом сырой листвы из парка и дорогого парфюма мужа с горечью ванили.

— Зачем ты все это делаешь? — мои губы сейчас тоже были обветренными и покрасневшими от того, что я плакала. Горячие слёзы катились по щекам, а в глазах жгло от косметики. — Зачем ты приехал? Зачем ты все это сейчас делаешь? Я же жила без тебя. Я научилась справляться. Я справилась. Зачем?

— Я отвезу тебя домой, и мы поговорим, — сказал холодным тоном Матвей, поднимая внутри волну паники. Я не хотела, чтобы он знал, где я жила. Не надо этого. Не надо давать себе надежду на то, что все это может быть простой дурацкой шуткой судьбы.

— Нет. Я никуда с тобой не поеду, — я замотала головой, потому что понимала, что если Матвей сейчас не отпустит меня, то точно уговорит. Хотя ему обычно было достаточно взгляда.

Я была независимой. Я сама барахталась как могла и неплохо могла, пока однажды вечером у одного из фонтанов в парке рядом со мной не встал мужчина. Очень красивый мужчина. Темные волосы, небрежная щетина, идеальные черты лица, словно это не обычный человек, а какой-то благородный аристократ из прошлого, который попал в машину времени и теперь разгуливал по улицам летнего города.

Мне вообще тогда казалось, что настолько стильные и привлекательные мужчины в реальности не существуют, что они живут где-то на обложках глянцевого журнала или на Уолл-стрит. Но Матвей стоял рядом, медленно курил дорогие сигареты и молчал. Он просто периодически бросал на меня короткие взгляды. На меня! На хрупкую шатенку в дешёвом нежно-голубом сарафане с кружевом по подолу.

А потом, отбросив сигарету, он шагнул ко мне. Провёл кончиками пальцев мне по запястью, и я пошла за ним по одной из тропинок парка, совершенно забыв, что нельзя разговаривать и тем более идти за незнакомцами.

Но он мне казался тем самым не принцем, а королём из сказки, который просто решил прогуляться. И я шла за ним до парковки. И молча, без единого слова, села в спортивное авто, просто потому что хотела. В свете вечернего города мы приехали в гостиницу. Зашли в номер.

Мне было отнюдь не пятнадцать лет, чтобы я удивилась такому повороту событий. Мне было до одури страшно, но именно тогда впервые показалось, что все в моей жизни шло правильно.

И острый поцелуй на грани укуса ещё в прихожей, которая запомнила, наверно, навечно мои стоны от того, как язык Матвея проник внутрь, как огладил губы, задел зубы. Как он танцевал самым поцелуем, показывая, на что ещё способен. Меня оглушали такие противоречивые чувства. Я так боялась всего, особенно его, что просто кивнула, когда Матвей проронил:

— Матвей. И ты можешь уйти в любой момент.

Я судорожно второй раз кивнула и осталась. До утра. Которое оказалось смазано множественными оргазмами, поцелуями, самыми постыдными прикосновениями, от которых моя кожа плавилась, а нервы натягивались чуть ли не до звона.

И короткая фраза, которая не разрушила сказку совместного утра:

— Мне кажется, ты идеальная... — шептал Матвей, проводя языком мне по шее, отчего внизу живота все скручивало в тугую спираль, и я ничего не могла поделать с тем, что не стыдилась своего поступка, а просто поступила правильно, поверив незнакомцу из парка.

И моя сказка могла закончиться, как только я села в такси, но она продолжилась вечером со звонком Матвея:

— Хочу тебя... — его голос охрип, и Матвей спустя мгновение продолжил: — Увидеть. Сильно.

Вот именно его способность правильно подобрать минимум слов, сказать такое, от чего любой человек поверит, как поверила я в то первое наше утро, меня сейчас и пугала.

— Я не изменял тебе, Уль... — шептал Матвей мне в волосы. — Я докажу это. Поехали домой.

— Нет. Я не верю тебе, как ты не понимаешь, — всхлипнула я и вытерла отворотом

пальто мужа свои глаза. — Не верю. Потому что если ты мне не изменял, почему ты ждал все это время? Почему не приехал? Почему сразу все не объяснил?

Последнее я сказала и стукнула кулачком в грудь Матвея. Он прикрыл глаза, а потом, резко взглянув на меня, проронил:

— Просто все это время я жил с предательством внутри. Ты предала.

Матвей. Чуть больше двух лет назад

— Вот, смотри, — мама листала переписку с Ульяной. — Вот тут ее какой-то Андрей встретил. Вот, смотри, он у неё в квартире...

Мама сидела со мной в машине и показывала доказательства предательства.

— Матвей, дорогой мой, услышь меня наконец... — выдохнула тяжело мама. — Ни одна женщина не будет сбегать из-за следов помады на воротнике. Просто пойми, Ульяна сбежала не от тебя, а к кому-то...

Мне показалось, что мир в один момент потерял краски, утратил всю четкость картинки. Я как заколдованный сидел и смотрел перед собой.

Нет. Ульяна не могла так поступить. Да, я не сахар, я сам прекрасно знаю свой сволочный характер, свои вспышки злости, свою требовательность, но это никогда не было применимо к жене.

Уля... она же...

Она настолько для меня идеальная, что другой не найти было. Я женился в нормальном возрасте и многих женщин видел, и ни одна не была похожа на Улю. Все какие-то жеманные, нервные, ещё псины их мелкие, твякающие. И все как одна считали, что это я им обязан чём-то, словно, ложась в постель с женщиной, они делали одолжение.

Ульяна первая, которая не сделала. Она просто была собой. Молча пошла за мной и с такой страстью была рядом, что у меня кровь закипала от одного ее присутствия..

И оказалось...

— Всего ничего времени прошло, но Матвей, я с ней на связи. Я же вижу, что она неверна тебе. Ну подумай сам. Она даже выслушать тебя не захотела... — мама нудела как старая заезженная пластинка. А я просто не понимал, какого хрена происходило.

Получается, все чем я жил, все наши планы, это простой звук для Ульяны? Получается, ребёнка, которого мы хотели, хотел один я, а она соглашалась, чтобы не вызывать подозрений? Или как?

— Мам, прости, мне надо подумать, — сказал я бесцветным голосом. Такси привезло меня домой, и я долго сидел в спальне, вытаскивая наши с Ульяной фотографии.

Твою мать. Как же так?

Я снова набирал ее. Звонил. Звонил с другого номера, писал.

Мне казалось, мир лопнул как мыльный пузырь.

Прошла безумно длинная ночь. Я проверил все вещи, Ульяна ничего почти не забрала, ни подарков, которые я дарил, ни украшений, ни денег. Пару комплектов одежды, чемодан, сумку, сапожки...

Чертова безнадёжность накрыла куполом, и я только что и мог пить, не чувствуя вкуса. Глубоко за полночь я стоял на улице, разбитая губа давно зажила, и теперь, когда я курил, ее не обжигало огнем.

В пальцы впитался дым сигарет.

Я состоял на четверть из него, наполовину из бухла, и там какая-то часть крови и прочей херни.

Чувств только не было. Их выморозило.

Похмелье сменилось пьянкой, это непрекращающаяся какая-то история из алкоголя,

отдоходняков от него и снова алкоголя.

Горло раздирал сигаретный дым. Я долбил в стены кулаками, чтобы разбить к чертям всем костяшки.

А потом я подумал, что мне плевать.

Мне плевать на то, что Ульяна ушла. Я просто верну ее обратно! Она моя жена, в конце концов. Только моя. Она у меня глубоко под кожей и даже не могла, наверно, посмотреть на кого-то другого. Я просто ее верну!

Притащу домой, и все будет как прежде.

Подумаешь, уехала, нашла другого. Она просто ошиблась! Она, наверно, устала, и ей захотелось отдохнуть. Ничего страшного. Ничего, ничего.

Я ее верну. Она только моя. Самая бесценная. Самая лучшая, самая идеальная.

Тимур все никак не мог прилететь из Египта или где он там зависал. Я забил на него. Как будто других способов нет. Я напряг старых знакомых, с которыми зарекался вообще иметь связь. Мне просто надо было узнать, где Ульяна и как с ней связаться. Я дергал общих друзей, чтобы пытались найти контакты.

Я погрузился во все это, чтобы просто сбежать от мысли, что Ульяне я реально не нужен был. Я что-то делал, с кем-то встречался, пил много, из-за этого не чувствуя вкуса сигарет, горло постоянно саднило, словно простуда никак не могла пройти.

Мне кажется, в своей одержимости я почти сошёл с ума.

До меня не могла достучаться сестрѐнка. Она приезжала, я точно помнил. И что-то говорила, наверно, важное, но мне было плевать. Чувства сострадания к семье, которая видела, как я занимался самоубийством, я не ощущал. Мне просто надо было вернуть Ульяну, и тогда все наладится.

Но ни черта не налаживалось.

Мать приехала через неделю и потребовала:

— Прекрати пить!

Я поперхнулся текилой, которую хлестал из горла. Вскинул бровь.

— Я не хочу сейчас об этом говорить, — вяло отмахнулся я. — Просто оставь меня в покое. Как вернѐтся Ульяна, все обсудим.

Мать затряслась, как мне показалось, от ужаса, но на самом деле от гнева:

— Ты смеешь ещё мне говорить, что это дрянь вернѐтся? Та, которая опозорила всю семью, сбежала как последняя прощмандовка!

Я поморщился. Голова и так трещала как самовар, а тут ещё крики.

Вот говорю ж, не люблю истерик. А Ульяна всегда словами со мной говорила, не кричала. Она когда понимала, что может не сдержаться, писала мне письма и клала в карман пиджака. Иногда там такое было, что я придушить ее хотел, но потом понимал: Уля проступала правильно. Она писала мне, что ее задело и где больно, чтобы у меня было время решить проблему, а не заставляла экстренно принимать необдуманные решения.

— Не забывай, ты про мою жену говоришь, — поправил я мать, чтобы не наговорила лишнего, из-за чего потом и самой будет стыдно и уже неудобно.

— Знаешь что, мой мальчик... — мать выдохнула и нервно вытащила телефон из сумки.

— Ну что? — пьяно спросил я и бросил бутылку в раковину. Ничего не разбилось, но мать вздрогнула и пошла красными пятнами.

Мне было безразлично, что она думала про мою жену. На то она и жена, что важно лишь мнение мужа, а не всей родни. По мыслям моей матери в жены мне годилась сорокалетняя воспитанная вобла, чтобы меня усмирять. Только хрень вся в том, что зверя нельзя усмирить.

— То, что если ты не перестанешь пить и страдать по своей жене, я быстро определю тебя в лечебницу! — с вызовом ответила мать и что-то демонстративно стала искать в телефоне.

Я заржал.

Боже, неужели она думала, что мне восемь лет и я поддамся на ее угрозы. Они и в восемь на меня не особо действовали, а теперь уж...

— Мам, — отсмеявшись, сказал я. — Ты бы не мешала мне, хорошо? Езжай домой, по пути заскочи купи себе шубу, только не лезь в мою жизнь?

Я приблизился и обнял мать за плечи, мягко развернул к выходу и подтолкнул к двери. Мать что-то пыталась мне объяснить. Что-то кричала про то, что я себя не уважаю раз не понимаю простого: меня предали, променяли.

Я махнул рукой и закрыл дверь.

Через два дня, когда я почти готов был обратиться к ментам, появился Тимур, загорелый и довольный жизнью. Из последних сил я старался не набить ему морду, а просто сказал:

— Найди мне ее. У тебя есть связи. Есть друзья, которые занимаются этими делами. Найди мне мою жену.

Тимур вообще ни черта не понимал, но решительно взялся за дело, а я перестал пить. Вернулся к работе. И уволил треть коллектива. После проклятой Елены, когда я видел хоть малейшее нарушение субординации, то сразу вспоминал во что вылилась ее выходка и не жалел никого. Так же я не жалел заказчиков, которым раньше шёл на уступки. Что-то в момент, когда у меня все катилось к чертям ни одна сволочь не пошла навстречу. Вот и я не шёл.

Мне просто было плевать на всех. Потому что рядом со мной не было Ульяны.

Через три дня Тимур залетел ко мне в кабинет и с полностью темным лицом выдал:

— Моть, это трындец... — он дёрнулся к телефону, но у меня не было секретарши, чтобы принести кофе. Я вскинул бровь. — Слушай брат, хреново такое говорить, но Уля походу реально ушла. Не от тебя. А к...

Я швырнул в Тимура пепельницей, но промахнулся. Друг дёрнулся на кресле и заорал:

— Да я то тут причём! Она там с каким-то мужиком везде. У меня даже фотки есть! Я тебе на почту скину!

— Заткнись, — медленно произнёс я и в моих пальцах хрустнула авторучка. Я бросил ее остатки на пол и вышел из кабинета. Тимур шёл за мной, а в лифте продолжил:

— Ты не подумай, но она в порядке, но не одна, понимаешь. Я думал сначала телефон ее новый достать, но потом подумал зачем. Ты ведь точно говорить не будешь. А на старом она на мои звонки не отвечает. И в общем, брат, мне жаль...

Я дёрнулся к Тимуру и схватил его за пиджак, потряхнул как следует. И повторил:

— Заткнись.

Мой мир разрушался. Рассыпался как замок из песка. Волна злости поднималась внутри.

Я не мог понять почему Ульяна со мной так поступила. Почему она просто сбежала. Она же могла уйти. Могла спокойно со мной развестись без вот этого всего.

— Моть... — тихо сказал Тимур, когда мы вышли из лифта. — Я наверно доки на развод подготовлю.

— И в жопу себе их засунешь, — рявкнул я на весь холл и вышел из офиса на улицу. Закурил, вдыхая вместе с дымом пропитанный смогом города воздух.

Уля... моя надежда, мой самый главный грех, сокровище, и предала...

Мои чувства застыли во времени. Остановились именно на этой ноте ненависти ко всем окружающим. Мне было плевать на то, что обо мне подумают. Как отреагируют на мой характер. Если раньше я старался сдерживаться, то сейчас понял, что если я говорю человеку, что он дерьмо, то так оно и было. И не надо было это дерьмо салфеткой кружевной прикрывать.

Я потерял вкус к жизни. Последнее, что у меня осталось это работа. Чертова работа, которая помогала не сдохнуть от ненависти. Но и то... в ней я стал очень резким. Теперь я не прислушивался вообще к каким-то рудиментам общества: совесть, честь, уважение. Мне было похер на это все. Я просто делал бабки, раз ничего не мог больше поделать.

Через пару месяцев меня накрыло. Я хотел повеситься, вскрыть вены, пустить пулю в лоб. Мне настолько было дерьмово, что я почти решился открыть папку с данными, где была Ульяна, чтобы поехать и забрать ее. Но что-то окончательно не прогнившее в моей душе скулило, что это будет свинством, что Ульяна такого не заслужила, что я ее заберу, только чтобы выместить на ней свою злость за предательство. И эта хрупкая и слабая часть меня визжала в истерике, когда я думал, что мне все можно, даже забрать ту, которая от меня сбежала.

Одним туманным утром, перед первым снегопадом я удалил все данные о жене. Только вот развод так и не оформил. Почему-то та противная часть меня скулила ещё сильнее при мысли, что официально я стану холостым. Постоянно спорить самим с собой это муторно, поэтому я забил на припадочную часть и плюнул на развод.

И началась жизнь во тьме.

В пьяных загулах, когда не понимаешь утро, день, ночь. В бесчестных сделках, когда закон не главная буква, а приложение. В количестве разоренных компаний, которые проще скупать по кусочкам, а потом перепродавать уже нормальными, слегка подлатанными, предприятиями.

Я вообще не помнил, чтобы жил. Просто херачил как заведённый, чтобы в один момент как от удара очнуться.

— Матвей, — сказал зять, позвонив мне вообще не в удобное время. — Слушай тут такая инфа всплыла. Короче даже не знаю как тебе сказать. В общем... У тебя походу ребёнок есть. Уля ушла от тебя беременной.

Матвей. Сейчас. После ресторана

— Я не изменяла тебе! — закричала Ульяна и схватила меня за отвороты пальто. — У меня никого не было!

Я прижал Улю к себе, вдавил так, чтобы ни звука не доносилось. Я был полностью разбит. Мне казалось, если я не сделаю что-то такое, что сейчас же перевернёт все, что было между мной и женой, то просто сдохну от боли. Поэтому я держал Ульяну крепко. Чтобы больше и не думала уйти.

— А я тебе не изменял... — холодно произнёс, догадываясь, что сейчас случится, и Ульяна ослабла в моих руках. Ее полностью подкосило все это. Я понимал, что она думает и кого теперь винит. — Не смей, Уль... Не смей, я тебе говорю...

Но Ульяна уже не слышала. Ее била крупная дрожь. Уля сейчас винила себя в том, что потеряла ребёнка.

Твою мать.

Лучше бы молчал. Лучше бы сам носил клеймо изменника, чем Ульяна сейчас будет винить во всем себя. Пусть я бы был мудаком, который повинен в потере ребёнка.

Машина с водителем стояла на углу, и я, прижимая к себе Ульяну, дошёл до неё. Жена цеплялась в меня пальцами. Мне больно было от одного ее вида.

— Куда едем, Матвей Игоревич? — спросил водитель, и я посмотрел на залитое слезами лицо Ули. Она судорожно кивнула и прошептала:

— Вострецова, одиннадцать.

Дорога прошла в молчании. Ульяна, кажется, дышать даже перестала. Она сидела, свернувшись в комочек, и прижималась к моему боку. Я прятал глаза, старался, чтобы никто не понял, как мне больно видеть Улю в таком состоянии. Я ехал сюда уже после заключения сделки, чтобы просто понять, меня снова решили обдурить или на этот раз сказали правду. Сказали правду, но, оказывается, умолчали о многом. А уж то, что я узнал от Ульяны...

Все ложь. И мать, что так активно ныла, что Ульяна меня предала. И Тимур...

Вот к нему отдельные вопросы, которые мне сильно хочется задать бывшему другу. И Лена эта, которая так нагло и нелепо ворвалась, явно тоже что-то своё на уме имела. Или даже не имела, а просто попросили или подсказали.

Черт.

Но сейчас главное это Ульяна. Ни на секунду не отпущу. Привяжу к себе, чтобы ни одна сволочь не смела ничего растрепать.

Водитель припарковался у многоэтажки, и Ульяна испуганно посмотрела на меня.

— Тш-ш-ш... — прошептал я и погладил по укороченным волосам жену. — Идём.

Ульяна замотала головой.

— Нам надо многое обсудить, — постарался как можно мягче сказать, хотя у самого только одно желание было: схватить и не отпускать. И все потом. Все слова, все оправдания потом. Только бы сейчас Ульяна смогла мне довериться.

Уля вышла из машины и обхватила себя руками. Я приобнял ее за талию и подтолкнул к подъезду.

Черт. Пути господни неисповедимы. Даже если бы мне не позвонил муж сестры, я бы все равно встретился с Ульяной, когда вступил бы в должность. А так уже прицельно ехал

если не забрать их вместе с малышом, то...

Да самому бы не врал хоть. Я был готов, несмотря на все протесты, просто взять и забрать Ульяну с ребёнком, разрушить ее жизнь, морду набить сопернику, но только бы моя семья была со мной.

А оказалось...

Какой же я блаженный идиот, что повелся на все рассказы матери, но, с другой стороны, почему-то Ульяна ушла при первом намеке на неверность.

В небольшой студии пахло малиной и душицей. Одинокая кровать, на которой только одна подушка, была похожа на ту, на которой спят. Уютная лоджия. Стеклянный стол, разделяющий зоны столовой и гостиной. И Ульяна...

— У меня никого не было, — шепнула она, глядя в пол.

Мне не нужны были ее оправдания или заверения в верности. Я ей поверил, как только увидел. Я ей всегда, наверно, верил. Не могла она предать. И сейчас я это понимал, но тогда, два года назад, я просто не знал, во что мне верить.

— У меня не было любовницы... — признался я, боясь снова сморозить какую-то глупость, поэтому сразу сказал самое важное: — И я тебя люблю. Вообще плевать на все. Я просто люблю тебя, Ульян. Мне без разницы вообще, как так вышло. Почему ты поверила, что она могла у меня быть. Я люблю тебя.

Я торопился сказать несколько этих самых важных фраз, потому что чем больше после расставания находился рядом с Ульяной, тем сильнее меня накрывало. Ею. Я хотел вновь ощутить ее аромат, прижаться к ней. Поцеловать.

Она как мой наркотик, опиат. Я зависим от своей жены, и это капец как хреново. Но, несмотря на это все, я готов рискнуть, и плевать, что там дальше будет, лишь бы Ульяна больше не плакала.

— У меня есть доказательства, — я стоял в коридоре, не решаясь пройти в зал. Ульяна же была в нескольких шагах от меня и недоверчиво смотрела, казалось, что в душу. Я под этим ее взглядом замялся, а потом вспомнил и вытащил телефон. — Вот здесь запись того случая с Еленой. Я не изменял тебе. Там дальше ещё записи с камеры наблюдения.

Я протянул мобильный, но Ульяна стояла на шеверясь. Она даже не сняла пальто, просто глядела, как я переминался с ноги на ногу.

— Возьми, — я ещё раз взмахнул телефон, чтобы хоть как-то Ульяна прореагировала. Слезы закончились, и покрасневшими глазами Уля наблюдала, как я терял терпение. Но я не его терял, а своё самообладание. Я же сейчас схвачу ее в охапку и прямо на ночь глядя повезу домой. Не сюда в гостиницу, а к нам домой. И вообще плюну на эту сделку с дебильными условиями, одно из которых я до сих пор не выполнил. Мне на все наплевать, кроме Ульяны.

И она шагнула ко мне. Несмело, словно сама на веря в то, что происходило. Протянула хрупкую ладонь, и тонкие пальцы задели мою кожу, а сознание заискрило от прикосновения, которое смело границу между нами.

Ульяна.

Его пальцы были тёплыми. А мои холодными. Просто ладони вспотели. И я сжимала кулачки так сильно, что кровоток наверно нарушился. Да. Точно нарушился. Поэтому сейчас я боялась снять пальто, просто замёрзла бы.

Видео. Позорное какое-то где Матвей стоял, а на него кинулась секретарша. И все тот же холод у меня на сердце.

Холод, который все время там был, но я научилась жить с ним, а теперь он разрастался и замораживал все изнутри.

Только я виновата в том, что произошло. Только моя истеричность, мои сомнения, моя неуверенность в себе, в том что могу привлечь такого мужчину, как Матвей, виноваты в том, что ребёнка не было.

Не муж. Который дальше на видео оттолкнул от себя секретаршу. Не муж, который решил, что я уехала не от него, а к кому-то другому.

Матвей это все рассказывал пока я остекленевшим взглядом наблюдала за картинкой на его телефоне.

— Я... — слова. Я не могла подобрать слов. Мне было так больно, так страшно, что все что случилось произошло от того, что одна девочка не научилась показывать свои чувства.

Если бы я была более откровенной, если бы каждый раз реагировала, говорила, когда ревновала мужа, Матвей бы не стал молчать в тот вечер, не стал бы пытаться сказать, что мы семья и ничего этого не может изменить. Он бы знал, что я так сильно не верила в то, что такой мужчина как мой муж мог влюбиться в обычную незаметную меня, то сразу же объяснил как я не права. Наверно.

Но мне хватило в тот вечер всего лишь губной помады на воротнике, чтобы самый страшный страх воплотился в реальность.

И я, струсив, сбежала. Даже не стала драться. Не боролась за нас.

А Матвей понял тогда, что даже не вступив на поле боя уже проиграл.

Я прикусила губы. Вернула Матвею телефон и сбросила с плеч пальто. Швырнула его в шкаф. Стянула сапожки. Прошла в кухню и щёлкнула датчиком, включив свет над кухонным гарнитуром.

— Ульян... — я вздрогнула от голоса Матвея. Сейчас в пустоте квартиры он мне казался чуждым. — Никто не виноват. Ты же понимаешь?

— Раздевайся, — предложила я и опустилась на стул. — Чай хочешь? Не уверена, что у меня он есть. Но могу кофе...

Матвей кивнул и стянул с плеч пальто, повесил его на плечики. Мою одежду тоже повесил.

Он мне казался таким неправильным в моей привыкшей к горю и одиночеству квартире, что я смотрела на него с какой-то грустью. Просто понимала, что произошедшее точно поставило в наших отношениях точку. Просто потому, что как быть с человеком, как строить семью, если элементарных вещей сказать не можешь.

— Никто не виноват, Ульян... — прошептал Матвей, подходя ближе и положил мне руки на плечи. Его пальцы дотронулись до моих ключиц. Муж стоял позади меня, и я всем телом ощущала его тепло.

— Виноват. Виновата, — исправилась я. — В том, что до последнего не верила, что такой мужчина как ты, может остановиться на одной женщине. В том, что всегда ловила на тебе восхищённые взгляды других девушек, в том, что боялась себе признаться, что во мне есть что-то такое, что заядлого холостяка сделало семьянином...

Палицы Матвея сжались сильнее, и я вся тоже сжалась как от удара. Но это глупый поступок. Матвей никогда бы...

Муж обошёл меня и присел на корточки. Положил руки мне на колени. Посмотрел снизу вверх. И я теперь увидела его прежнего, усталого, но без бешеного блеска в глазах, а с тонким едва заметным намёком на печаль. Он протянул ко мне руку, погладил по щеке, заправил волосы за ухо.

— Уль... ты меня человеком сделала... Ты для меня целый мир построила, в котором всегда можно было быть собой. Не играть, не притворяться, а просто быть. Ты же меня по взгляду всегда понимала. Ты вообще можешь себе представить, чтобы в реальности происходило такое? Чтобы на расстоянии, по голосу, определить хорошо мне или плохо, рад я или зол? Как вообще после такого ты могла думать, что не идеальная?

Я пожала плечами.

Откуда мне знать, как я могла так думать, если я всегда была неудачницей. Не поступила на бюджет, не прошла собеседование после обучения в одну из престижных компаний.

— Да я за тобой пошла только, чтобы хоть на мгновение себя ощутить самой самой... такой, что незнакомец из сказки обратил на меня внимание...

Матвей усмехнулся и качнулся назад. Сел на пол, скрестив ноги.

— Это уже потом я поняла, что в принципе ничего такая. Плюс ты меня никогда не ограничивал, и я приобрела уверенность хотя бы в своих навыках, стала считать себя хорошим специалистом, а до этого...

А до этого у меня не было никогда рядом мужчины, который говорил бы какая я неотразимая. Не было отца, который объяснил бы своей принцессе что она самая самая.

— Как ты? — спросил Матвей, выдёргивая меня из моих мыслей. Его голос потеплел. И весь налёт, вся вычурная шелуха из властного бывшего слетела, сделав его просто моим мужем. И я судорожно кивнула, пытаюсь объяснить, что теперь мне лучше, но не удалось. Я уткнулась носом в запястье, чтобы не разрыдаться. Матвей потянул меня на себя, заставляя слезть со стула. Я подчинилась, сползла к нему прямо в руки и вцепилась в плечи. Уткнулась носом в шею. Ладони мужа прошлись мне по спине. Прижали. И я выдохнула.

— Как же мне было без тебя хреново, Уль... — шепнул Матвей, вдыхая аромат моих волос. — Мне кажется я мертвым был все это время.

Я посмотрела на Матвея, не веря своим ушам. Он криво усмехнулся.

— Знаешь, это безумно тяжело терять часть себя. Лучшую часть себя, — Матвей случайно задел губами мою шею, когда я вновь прижалась к нему и у меня по телу пролетела искра. Я облизала губы и зачем-то сама потянулась, чтобы ощутить ими как язык Матвея шершаво коснулся, а потом разомкнула их.

И было в этом поцелуе все: от расплавленного серебра в тигле до последнего вздоха перед эшафотом.

Мне казалось я забыла как это бывало, когда по-настоящему хочешь целовать человека, когда от одних прикосновений тело становится мягким и податливым.

И вместо слез, которые омывали мои губы, сейчас на них плясало пламя.

— Матвей, подожди, — прошептала я, оторвавшись от мужа. Потемневший взгляд намекал мне, что Матвей ждать готов не долго. — Но ты ведь...

Я туго сглотнула, понимая, что хочу снова все разрушить.

— Матвей, ты же два года был с другими. Ты ведь...

В глазах мужа скользнула боль. А я снова уткнулась в его плечо под тяжёлый выдох с моим именем.

— Ульян, я не думал, что все еще принадлежу тебе...

Матвей.

Уля ничего не смогла сказать. Я понимал, насколько виноват перед ней, насколько я запятнал нашу с ней жизнь грязью, но время, чёртовое время не отмотать назад, не повернуть вспять, не найти маховик. Что я мог сейчас сделать? Только признаться.

— Я не думал, что вообще когда-нибудь смогу тебя обнять... — ее тихое дыхание щекотало мне шею, а тонкие руки лежали на плечах. — Не думал, что судьба повернётся иначе к нам. Я не знал, что ты была беременна. Я просто даже не стал открывать те файлы, которые мне собрали о тебе. Я не поверил и не верю, что у тебя мог быть кто-то... И этот Андрей, которым мне тыкали в лицо...

Ульяна вздохнула тяжело, а чайник запищал, сигнализируя о готовности.

— Это мой риэлтор... — призналась Ульяна. — Я, когда приехала, вообще не понимала, что делать. Единственное, на что хватило мозгов, это нанять сразу риэлтора, ещё в дороге. Он меня встретил на вокзале, повёз в квартиру. Показывал. Твоя мама просила скинуть ей фото, что я расположилась и точно не заявлюсь к тебе через пару дней. Я скидывала, пока Андрей показывал квартиру. Наверно, на автомате попал в кадр.

Я качал Ульяну в руках и понимал, насколько она безгрешная, насколько она напуганная женщина, которую я сломал.

— А потом, когда я узнала о беременности, я зашевелилась. Мне важно было, чтобы у малыша было только лучшее, и я снова позвонила Андрею, чтобы подобрал уже эту квартиру. И да, с твоей матерью мы поддерживали связь. Больше отчётность, что я не планирую возвращаться...

Какой же я идиот, что вообще мог подумать, что Ульяна могла меня на кого-нибудь променять. Это же Уля, маленькая девочка, которая до сих пор верит в сказки. И, как сама рассказывала, пошла за мной как за сказочным принцем. Это же моя Ульяна со своими страхами, которые помешали нам поговорить. И я помешал.

Чокнутый невменяемый дурак, ослеплённый собственным горем.

Вот никогда ещё, как сейчас, я не был уверен в одной прописной истине: если веришь, верь до конца, не соглашайся на полумеры.

— И я, наверно, понимаю, почему у тебя... ты... — Уля тихонько всхлипнула, а внутри меня разрасталась ее боль. Болело внутри, как будто я не мог контролировать ни один процесс своего организма, и его выкручивало и ломало под напором боли.

— Ты же никогда не сможешь меня простить... — сказал я, понимая, что действительно моему поведению нет прощения.

— А ты разве сможешь простить мне потерю ребёнка?

Ульяна посмотрела на меня, и у меня в груди сердце сжалось до размеров микрона.

Я никогда ни в чем не смог бы упрекнуть Ульяну.

— Тебя не за что прощать, — холодно сказал я, чтобы и думать не смела винить себя в том, в чем никогда не могла быть виновной. — Это не твоя ошибка. Не твоя.

— Тогда и твой выбор других женщин мое упущение. Не ты сам выбрал этот путь, а я тебе выстелила к нему дорогу. Если бы я не сбежала...

Голос Ульяны дрогнул. Она приподняла голову, посмотрела на потолок, но я знал, что она так сдерживала слёзы.

— Если бы я не боялась измены как черт ладана, то ты не стал бы считать, что давно не принадлежишь мне...

Поцелуй ничего не мог исправить. Но я целовал Ульяну, словно впервые встретил. Словно она была родником среди пустыни. Только она могла утолить мою жажду, мое желание, мои грехи.

Я целовал жену после нескольких лет разлуки и понимал, что момента более хрупкого, чем сейчас, в нашей с ней жизни никогда не было. Нет. Наша встреча была фундаментном, а сейчас это тонкая паутинка в хрустале росы.

Пальцы Ульяны, нервные, тонкие, запутались в моих волосах, а мои в ее. Я потянул их, чтобы Уля запрокинула голову, чтобы подставила шею с тонкой пергаментной кожей. И я мог вдыхать ее аромат. Сладковатая малина.

Мои пальцы как-то очень быстро нащупали застёжку на платье. Сначала прошлись по ней, словно проверяя границу дозволенного, и вместо протестующего вздоха, толчка в грудь, Ульяна вдруг выгнулась ко мне навстречу. Ее спина прогнулась, а грудь уперлась в меня.

Уля никогда не была такой чувственной и отзывчивой, на каждом сантиметре по ее телу пробегала дрожь, а дыхание прерывалось, становилось глубоким и горячим. Шёлк волос рассыпался по плечам.

Я столько времени был лишён всего этого. Столько времени использовал суррогаты вместо того, чтобы забить к чертям на все и приехать.

Но я все же приехал.

Платье Ульяны скатилось по плечам, а я задел тонкое кружево белья, подцепил кончиками пальцев, чтобы потянуть с плеч бретели, обнажить запретное, прикоснуться губами к вишенкам сосков и понять, что от одного вздоха Ули у меня в голове помутилось. Все органы чувств заработали словно на двести процентов, в аварийном режиме, заставляя улавливать изменившийся аромат кожи, который стал пряным, как луговые травы высушенные солнцем. И от этого кружилась голова.

Не помню, как додумался встать вместе с Ульяной на руках с пола, как шагнул к кровати.

— Ты все еще можешь сказать нет... — зачем-то предложил я, уже понимая, что не смогу остановиться. Не когда Ульяна лежала подо мной и вздрагивала от прикосновений, не когда член упирался ей между ног, не когда мой голос охрип.

— Я не хочу этого говорить, хоть и должна... — прошептала Ульяна, цепляя ноготками пуговицы рубашки и обнажая мою грудь, прижимаясь к ней, даря тепло и нежность.

— Никому ты ничего не должна, — убедительно сказал я, старясь губами поймать на ее шее ниточку пульса. — Просто делай что хочешь...

И Ульяна толкнула меня в грудь ладонью.

Ульяна.

— И дальше что? — я сорвала голос от стонов. Я не помнила, чтобы мне настолько было ещё когда-нибудь хорошо. Так правильно. Так остро.

Я словно была оголенным нервом, когда оттолкнула от себя Матвея, а потом оказалась сверху. Мне так упоительно было ощущать себя хозяйкой положения, смотреть, как от моего желания ещё сильнее загорался Матвей, что я кричала на всю квартиру.

Матвей провёл рукой по моим волосам и прижал к себе. Я лежала на боку, положив голову ему на плечо. Мы двое толком не разделись. Забыли про презервативы. Мы вообще словно отключились. И теперь вот лежали. Оба дезориентированные.

Я не могла винить Матвея в том, что все два года он не держал целибат, потому что он просто не знал о нем. Как и я не знала о том, что супруг был мне верен.

Это была бы достаточно глупая и однобокая претензия. И я очень сильно старалась убедить себя, что этих двух лет у него не было. Словно его время остановилось.

— А что ты хочешь? — спросил Матвей, боясь пошевелиться и сказать что-то не то.

— Я не знаю... — растерянно призналась, не понимая, как ещё утром я ненавидела своего мужа всем сердцем, а уже поздно вечером лежала с ним в одной постели.

— Ты хотела, чтобы я... — Матвей туго сглотнул. — Хочешь, чтобы я уехал?

Я не знала, чего было больше в его вопросе: страха, что я скажу да, или непонимания, если отвечу, что нет.

— Я просто не понимаю, почему так произошло... — призналась я, чтобы избежать ответа на вопрос, который выбил у меня весь воздух из груди.

Не зная всего того, что было между мной и мужем последнее время, я бы боялась этого вопроса. Сейчас же страх уступил место обычной растерянности.

— Я, если честно, тоже, — с заминкой ответил Матвей, и по ней я смогла понять, что муж прекрасно обо всем уже додумался, просто искал рациональное подтверждение своим догадкам. — Но у меня есть варианты, кто поможет мне разобраться в этом...

Я приподнялась на локте, почему-то потянув за собой кроватный плед и постараясь прикрыть грудь. Матвей бросил острый взгляд и, медленно дотянувшись до моих пальцев, мягко сжал их, намекая мне убрать никому не нужную тряпку, но я не могла.

У него были женщины. Это случившийся факт.

И после них, после разных, красивых, стройных, я терялась на этом фоне, понимала просто, насколько неидеальная, что поправилась за эти два года, что...

— Не надо... — попросил Матвей. — Я хочу на тебя смотреть...

Мои пальцы сами разжались, выпустив плед, а Матвей прошёлся ладонью по моей груди, заставляя только что присмирившее желание снова проснуться. Скрутиться внизу живота тугим коконом из нервов.

— Я хочу видеть твоё тело... — мягко произнёс Матвей. — Хочу к нему прикоснуться... У тебя самая шикарная грудь, знаешь? И ещё бедра... Ты вся словно вылепленная искусным скульптором.

Его пальцы, погладив грудь, спустились по животу, который я все же против воли втянула, но Матвей только покачал головой. Аккуратно провёл кончиками по пуговке пупка, спускаясь ниже...

Я отодвинулась, когда Матвей задел низ живота. Накрыла руками.

— Прекрати так себя вести, — попросил он и дотронулся до моего запястья.

— Нет, — почти рыкнула я и откатилась на другую сторону кровати. Встала, дёрнув плед на себя, и замоталась как гусеница. — Нет.

Последнее я произнесла нормальным голосом и отошла в сторону кухни. Матвей приподнялся на локтях и уточнил:

— В чем дело? Ещё пять минут назад я тебя трогал не только там... — Матвей передумал говорить на расстоянии и встал с постели, застегнул брюки, а вот рубашку скинул, обнажая накачанное тело. — Ещё пять минут назад...

— Прекрати... — попросила я и вытащила начатую банку с кофе.

— Почему? — спросил Матвей, проходя в кухню и опираясь о стену плечом. — Какая муха тебя укусила? Ульян, все же было нормально...

Я вдруг с паникой поняла, что ни черта не было нормально. Вообще и ни разу.

Как бы я себя ни уговаривала, что все понимаю, принимаю, жгучая ревность разведала изнутри.

— Знаешь, я очень стараюсь. Я серьезно стараюсь, — нервно и быстро сказала я, утирая запястьем нос. — Но мне нужно время на принятие. Я не ты. Я другая. Я изначально неправильная.

Матвей оттолкнулся от стены и в один шаг оказался рядом. Обнял меня за плечи, развернул к себе лицом, приподнял подбородок указательным пальцем.

— Какая же ты неправильная, если ты идеальная... — тихо спросил Матвей и наклонился ко мне. И я вдохнула полной грудью, жадно глотая его дыхание, но теперь почему-то у поцелуя был аромат гвоздики, не специи, а именно цветов. Слегка навязчивый и с горькой нотой на губах.

Я разорвала поцелуй слишком резко. Матвей ошарашенно смотрел на меня, не понимая, чем вызвал такие противоречивые чувства, а мне действительно нужно было время на принятие.

— Извини. Я схожу быстро в душ... — прошептала я и обогнула мужа по дуге. Мне не нужно было в душ. Я боялась встать под тонкие струи воды, потому что они могли смыть с меня запах Матвея, а я впервые за два года ощутила себя если не в безопасности, то очень близко к этому. Но, в противоречие своим желаниям, я все равно включила воду и стала быстро натирать кожу мылом.

Дверь тихо приоткрылась, и я вздрогнула, увидев, как Матвей расстёгивает брюки и стаскивает их с себя. Я прикрывалась шторкой, чтобы он не видел меня обнаженную совсем. Я была в себе не уверена, после того как поняла, что у него были женщины эти два года.

Это между мной и ним никого не стояло, а между Матвеем и мной была вереница других девушек. И я понимала, но должна сначала принять.

Матвей дотронулся до резинки боксёров, и я не выдержала:

— Не стоит этого делать. Тебе лучше уйти.

Ульяна

— Ну нет! — хрипло выдохнул Матвей и все же скинул с себя нижнее белье. Шагнул по мне в ванну, а я чуть ли не гусеницей собиралась завернуться в шторку, только чтобы не было этого близкого контакта. — Нет. Нет. Нет!

Матвей схватил меня за влажные от воды плечи и пристально всмотрелся в глаза. Я прятала свои, чтобы не сталкиваться, чтобы муж не разглядел, как там ад разворачивался.

— Я все понимаю, — Матвей невесомо скользнул пальцами по моему плечу, зашёл ключицы и погладив шею, приподнял подбородок. — Я осознаю, насколько тебе плохо. Я догадываюсь, что, узнай я, что ты все это время была в стабильных отношениях, меня просто бы это убило. Я это понимаю. И понимаю, что даже принимая все эти мои два года головой, твоё сердце...

Матвей замолчал. На его губах были капли воды, а руки, всегда жесткие и сильные дрогнули. Пальцы не сжимали мой подбородок, а приподнимали.

Я все же посмотрела на мужа, по которому стекала вода. Волосы набрякли и упали на лоб. В щетине блестели хрустальными росинками капли воды.

— Твое сердце, оно трепетное, — вдруг нежно и без напора сказал Матвей. Убрал руку от моего лица, но теперь я не стремилась спрятать глаза.

— Говори дальше... — попросила я и коснулась кончиками пальцев его предплечий. Провела выше. Подняла к плечам свои холодные ладони. Не чтобы согреться, а чтобы понять, что это не очередное видение, не сон и не моя больная фантазия.

— Твое сердце не может понять, Уль... — Матвей склонился ко мне, упёрся одной рукой в стену позади меня. — Сердце вообще ни черта никогда не понимает. Оно может только чувствовать.

И мое только что вздрогнуло. Замедлилось, словно прислушиваясь к словам извне.

— И пока что. После всего того, что между нами было, Ульян, твоё сердце чувствует только боль, — губы Матвея невесомо прошлись мне по виску, и я почему-то рефлекторно потянулась за ними. Просто оттого, что Матвей понимал меня.

Я задержала дыхание, сама на веря в то, что слышала все это от своего мужа. Пальцы против моей воли скользнули по плечам и поднялись выше, по шее, задевая щетину и замирая на лице Матвея. Я провела подушечками по его жёстким губам, запоминая их на ощупь. Чтобы даже с закрытыми веками видеть.

— Но несмотря на то, что я понимаю, что тебе и твоему сердцу нужно время, Уль, я не оставлю вас наедине с болью, — хрипло признался муж, а у меня лопнула какая то струна внутри, и я вздрогнула, прижалась к твёрдому телу Матвея, вдавилась, ощущая своей грудью его мышцы, низом живота — вставший член, который назойливо тыкался головкой мне в ладонь.

— Ты можешь молчать, бежать от меня. Закрывать в ванной, кричать, лупить меня по груди, но я больше не оставлю тебя одну. Даже если завтра ты придёшь и скажешь, что влюбилась в какого-то мудака, мне будет на это плевать. Я буду с тобой. Мы заплатили слишком высокую цену за разлуку.

Голос мужа дрогнул. Я туго сглотнула, понимая, что не одной мне дались эти два года тяжело. Матвей тоже заплатил свою цену.

— Почему ты вообще выбрал меня? — тихо спросила я, опуская и вторую ладонь на член. Прощлась пальцами по головке, растирая каплю смазки.

Матвей прикрыл глаза и приподнял лицо. Выдохнул сквозь сцепленные зубы.

Буря внутри меня при взгляде на Матвея, который от удовольствия становился чуть ли не урчащим котом, потихоньку успокаивалась. Мне всегда нравилось смотреть, насколько Матвей становился другим в такие моменты, когда я касалась его без всякого сомнения, когда гладила, как сейчас, проводя ладонью вдоль члена и иногда останавливаясь у основания.

— Потому что то, что ты считаешь недостатками, для меня в тебе всегда были достоинствами... — дыша часто, сказал Матвей, и пальцы его вдруг запутались в моих мокрых волосах. Он сдавил их у корней.

— Почему? — резче, чем следовало, провела я кольцом из пальцев по члену, и Матвей рвано выдохнул, словно сдерживался из последних сил не поставить меня на колени и не начать минет.

— Да потому что внешность это верхушка айсберга. Ты красивая, сексапильная. Не надо быть моделью, чтобы от тебя мужики тащились! — рыкнул Матвей и потянул волосы вниз. Я понимала, чего хотел муж, и в любой другой ситуации воспользовалась бы моментом, но мне важно было знать...

— Матвей... ну неужели за эти два года ты не нашёл такую, с которой забыл меня? — почти зло спросила я, и муж открыл глаза. В них пролетела волна ярости. Злость. Обида.

Матвей посмотрел на меня так холодно, что показалось, что он сейчас ударит меня по рукам и выйдет из ванной. Но вместо этого он резко развернул меня спиной к себе. Перехватил за талию, вынуждая прогнуться в пояснице и выставить задницу к нему поближе.

Я закусила губы — с одной стороны, от дичайшей обиды, а с другой, от наваждения, которое накрывало с головой, отключало все мысли, оставляя только инстинкты, которые шептали, чтобы сильнее наклонилась, слегка привстала на носочки и чуточку развела бедра.

Матвей шлёпнул меня по заднице. Я взвизгнула от контраста тёплой воды, которая стекала по телу, и горячего, обжигающего прикосновения. Член скользнул вдоль ягодиц, заставляя на мгновение ощутить панику, а потом привычно оказался ниже. Замер на входе, едва надавливая на губы.

— А я и не искал... — хрипло сказал Матвей и толкнулся бёдрами вперёд, заставляя меня в один момент ощутить полностью его член внутри себя. Я сжалась вся, чтобы сильнее обхватить член мышцами влагалища. Матвей выдохнул. — Ещё спрашивает почему, когда, кто...

И снова хлесткий удар, пришпоривший, словно Матвей старался меня наказать за глупые вопросы. А у меня от каждого прикосновения внутри только сильнее разгоралась наслаждение, которое отключало мозг.

Я уперлась ладонями в кафедру. Матвей положил руку мне на лопатки, ещё сильнее наклоняясь.

Резкие, почти болезненные толчки члена заставляли меня дышать рвано. А Матвей только сильнее распался. Его ладони гуляли по моему телу. Пальцы задевали соски. Сминали их.

Вскоре водоворот движений и прикосновений стал сводить меня с ума. Я почти не ощущала внутри себя ноющей боли предательства. Словно своим желанием Матвей доказывал мне мою уникальность. Словно пытался физиологически объяснить, почему я.

Матвей резко притянул меня к себе, ударяясь бёдрами в мою задницу. Я никогда не кончала в этой позе. Но в момент, когда движения стали сумбурнее, муж запустил ладонь мне между ног, раздвинул влажные от смазки губы, дотронулся клитора...

Стон сорвался с губ. Мне казалось, если он ещё раз погладит меня точно так же, сначала надавив, а потом отпустив и пройдясь вокруг, то мой оргазм выбьёт из меня последние силы. И Матвей сделал это. Член напряжённо двигался внутри меня, а пальцы все задевали клитор, чтобы я сжалась сильнее, почти задыхаясь от стонов.

Оргазм налетел очень быстро. Судорога прострела все тело, даря блаженство и чувство опустошённости. Мои ладони скользили по кафелю, а сердце хотело пробить грудную клетку насквозь. Между ног все пылало. Было влажно. И хорошо.

Матвей сильнее и быстрее задвигался. Его дыхание обжигало мою спину, а руки сжимали бедра. Я понимала, насколько он близок к оргазму, и выдохнула:

— Не кончай в меня...

Матвей стиснул меня в своих руках и словно специально наплевал на мою просьбу.

Я дождалась момента, когда Матвей пришёл в себя после оргазма, и, обернувшись, уточнила:

— Тебе совсем наплевать на мои желания?

— Мы не забеременеет из-за двух раз без презерватива, — говорил мне Матвей, пока я нервно и судорожно вытиралась полотенцем.

Меня взбесило это яркое и показушное пренебрежение моими желаниями. А я уважаю своё тело. И беременность для меня в первую очередь это безопасность. Меня и моего ребёнка, а не вот так вот спущенная на тормозах ситуация.

— Ты хотя бы понимаешь, что для меня сейчас беременность немного иное нежели чем для любой другой женщины? — вспыхнула я, не зная, как донести до Матвея, что мне дико страшно.

Я боялась, что дело во мне, что я бракованная и дефектная. И что в выкидыше виновата только я.

— Ульян, милая, — Матвей натянул белье и приблизился ко мне. — Да не будет никакой беременности пока мы не решим этого вместе. Мы даже с тобой об этом не говорили ещё...

— Но ты решил, что кончить в меня идеальное начало разговора! — взбесилась я и сбросила руки Матвея со своих плеч. Полотенце начало падать, но я вовремя поймала его и зажала руками. Толкнула дверь ванной и вышла в коридор. Матвей, оставляя мокрые следы, прошёл за мной.

— Ну нет, давай как школьники в кулачок спускать будем, — рыкнул муж и подхватил меня на руки. Я взвизгнула и потеряла полотенце. Оно упало на пол, но Матвей этого не заметил, а шагнул к постели. Положил меня и навис сверху. — Уль, ничего не произойдёт. Мы вместе. Я уверен ты хочешь детей иначе бы так не боялась.

— А тебе не казалось, что мои страхи это только от того, что я как раз таки не хочу детей? — холодно спросила я, глядя в чёрные глаза мужа. Матвей замер и пристально всмотрелся в мое лицо.

— Не говори таких вещей, Уль, — попросил он вдруг тихо.

Я задержала дыхание и пронаблюдала, как Матвей оперевшись на одну руку, слез с меня и лёг рядом, дёрнув край одеяла на нас. Его пальцы задели мою грудь и соски тут же затвердели.

— Не говори так, — Матвей притянул меня к себе и подложил свою руку под затылок, качнул ей, чтобы я повернулась лицом к нему. — Все у нас будет хорошо. Хочешь прямо завтра поедим в больницу и сдадим все анализы? Хочешь завтра же соберём врачей и выслушаем прогнозы относительно беременности, хочешь...

Я покачала головой и всхлипнула.

— Я боюсь, как ты не понимаешь... — произнесла я и спрятала лицо у него на груди, обхватила Матвея руками и часто задышала. Его пальцы прошлись по моим влажным волосам. — Я боюсь, что все может повториться. Что все может быть так же. Понимаешь?

— Что мне сделать, чтобы хоть немного унять твой страх? — хрипло спросил Матвей, проводя пальцами по лопаткам.

— Я не знаю... — простонала я. — Я вообще ничего не знаю. Ты приехал пару дней назад. Ты просто ворвался в мою жизнь, ты хочешь решений, а я просто не готова оказалась. Ещё с утра я ненавидела тебя, а теперь...

Я замолчала прикусив язык, потому что ну я не понимала нужна ли Матвею моя

откровенность, действительно ли он хотел, чтобы у нас стало как раньше или просто дорвался до желанной игрушки.

— А теперь? — тихо уточнил Матвей, не дав мне замять тему.

— А теперь конечно тоже ненавижу, но не сильно как-то, — выкрутилась я, а Матвей хохотнул.

— Уль, ты пойми. Я не буду заставлять тебя. Мне неважно сколько времени пройдет прежде чем ты будешь чувствовать себя в безопасности, просто сейчас у меня все мозги отключены. Я кроме стука сердца своего могу различить только твой голос.

Он замолчал и притянул меня ещё ближе к себе, чтобы быть кожей к коже, телом к телу.

— Просто чувство будто бы мне все эти чувства недоступны были два года, а сейчас... Меня оглушило... Ульян. Я не хочу тебя отпускать. Мне не нужен никакой развод. Я тебя хочу, самую идеальную, спокойную, нежную женственную, домашнюю. Твой голос по утрам немного сонный и запах этот от постели, который напоминает малиновую поляну. И детей наших с тобой. Не сейчас. Не завтра. Может быть вообще лет через пять. Но я все это хочу. А ты чего хочешь?

Я подняла глаза на мужа и не могла ничего сказать, потому что я тоже хотела всего этого. А ещё забыть про эти два года без него.

Молчание, в котором Матвей без звуков моего голоса разбирал то, что я хотела сказать по моим наполненным слезами глазам, по пальцам которые дрожали, по ноготкам, которые впились в его кожу.

— Когда мы уедем домой, родной? — тихо спросила я, и Матвей засмеялся. Уткнулся носом мне в волосы и прижал к себе.

Я не могла сейчас здраво рассуждать. Я понимала какая пропасть из проблем лежала между мной и мужем и хвататься за все, было бы чистым безумием, поэтому лучше пока что просто быть вместе и только потом по чуть-чуть решать проблемы.

— Скоро. Сейчас решу все с Тимуром и уедем, — пообещал Матвей, и я впервые с момента как приехала сюда ночью спала без снов, без воспоминаний, а просто крепко.

Утром Матвей заварил горький кофе. Проверил мой холодильник и пристально посмотрел, как я потупилась. Мне не хотелось готовить здесь. Я заказывала еду или в особенно хорошие дни, редко, все же колдовала у плиты.

— Переедешь ко мне в гостиницу? — спросил Матвей, когда забрал у курьера заказ.

— Я лучше сегодня продукты закажу, — усмехнулась я, понимая сколько всего сейчас надо будет сделать перед переездом. Мне надо собрать все вещи, какие-то отправить транспортной компанией, какие-то забрать с собой. Все это долго.

— Тогда я перееду к тебе.

— Да нет, Матвей, — сказала я тихо, когда провожала его на работу. — Я останусь дома, все равно заявление подала. Зачем людей смущать.

Матвей хмурился брови и не был настолько солидарен со мной. Мне казалось дай ему волю, он меня к себе ремнём прицепит и так и будет ходить.

— Я переживаю, — признался он и потянулся за своим пальто. — Мне кажется, как только я отведу от тебя взгляд, случится что-то ужасное.

Я склонила голову к плечу и уточнила:

— Что? — мне было с одной стороны приятно такая забота, а с другой немного пугала маниакальность Матвея. — Что со мной может случиться в закрытой квартире.

— Откуда я знаю? — рыкнул Матвей и зачесал волосы назад. — Захочешь выйти и в подъезде нарк будет стоять. Или поедешь в магазин, а такси превысит скорость.

Я покачала головой и приблизилась к мужу. Положила ладони ему на плечи и посмотрела в глаза. От Матвея снова пахло остро и немного горько ванилью, как будто он не принимал душ несколько раз со мной и моим гелем для душа.

— Я никуда не поеду. Из квартиры не выйду... — мягко сказала я, чтобы только успокоить мужа. — Я потихоньку начну собирать вещи. Ты решил, когда мы уезжаем?

— Нет ещё, — выдохнул Матвей. — Мне надо один очень принципиальный вопрос решить с вашим бывшим генеральным. А потом можно будет перевести из главного офиса сюда например Валю... Ты помнишь Валентина?

Я кивнула, потому что реально помнила немного скоромного рыжего с вечной тоской в глазах. Но несмотря на неё, он обладал очень крутым нравом хоть и на первый взгляд производил впечатление мягкого медведя.

— Вот. И уже потом думаю можно будет улететь, — сказал Матвей и положил ладони мне на талию. Тонкая сорочка сразу пропустила сквозь себя тепло его рук, и у меня по спине побежали мурашки.

Так странно. Два года не ощущать его касаний. Два года провести во сне, чтобы за каких-то пару дней все изменить.

Только Матвей так мог. Ворваться, разнести все к чертям, но и быстро построить новое.

— Или можем поехать на машине... — Матвей наклонился ко мне и потерял щеетинной мне о щеку, намекая, что поездка будет в старых традициях, с утренним кофе на заправках и горячими ночами в гостиницах. — До нас всего тринадцать часов на машине. Подумай.

Я улыбнулась, вспоминая как один раз мы возвращались из Краснодара на машине и решили не останавливаться до Самары. А когда приехали и расположились в гостинице, Матвей посчитал что до дома оставалось часа четыре от силы, то нахмурился, но все же не стал стенать, что могли спать сегодня уже в собственной кровати. Однако спустя четыре часа муж разбудил меня глупой фразой:

— Ты только не психуй, Уль, но поехали уже домой, — он склонился над кроватью уже полностью одетым, что исключало мой отрицательный ответ, поэтому я могла только усмехаться.

Не удивлюсь если и эта поездка будет примерно такой.

— Можем и на машине, — призналась я и, встав на носочки, дотронулась своими губами губ Матвея. Он углубил поцелуй, сделав его более чувственным, с намёком на то, как

все будет, когда муж вернется с работы. У меня внутри все дрогнуло и наверно это отозвалось тело, потому что Матвей сильнее притянул меня к себе и толкнулся в меня пахом, показывая насколько ему приятен поцелуй.

— Только ты никуда не выходи, — ещё раз попросил Матвей через пару минут, когда мы оба поняли, что ещё мгновение и наверно не сможем остановиться.

— Не выйду, — пообещала я, улыбнувшись, и ещё раз дотронулась его губ губами.

— Я постараюсь побыстрее, — пообещал Матвей, и я кивнула, а потом закрыла за ним дверь. Повернула замок и прижалась спиной к двери.

Это нереально. Все нереально. От поцелуя до всех подробностей того, что между нами произошло. И сейчас пока Матвея нет рядом, я хотя бы могу выдохнуть и понять насколько я тупая курица. Насколько во мне громко говорили комплексы. Как я сама все разрушила.

Я могла бы заплакать. Думаю в моем нынешнем положении это было бы нормально, но перед тем как уснуть я поняла, что если продолжу грызть саму себя, то ничего хорошего не выйдет. Я так и останусь девушкой в сарафане из парка, а не женой влиятельного и уверенного в себе бизнесмена.

Я прошла в зал и зачем-то упала на постель, которая помнила запах Матвея. Родной запах. И мне стало больно, что только мои тараканы два года запрещали мне ощущать его рядом.

К чёрту. Так нельзя.

Я подхватила телефон и, быстро собрав заказ, оформила доставку продуктов. Позвонила риелтору и предупредила, что живу здесь последний месяц. Он обещал прислать все документы по почте. Я была согласна. Через час возле двери топтался курьер, и я быстро забрав заказ, снова закрыла дверь.

Время близилось к обеду, а я стояла возле открытого шкафа и понимала, что никакие вещи не хочу с собой брать. Они словно напоминание о моих ошибках будут, поэтому к черту. Возьму только то в чем поеду домой.

Я вздрогнула, когда в дверь позвонили. Посмотрев в глазок, я увидела Тимура, который топтался на придверном коврикe.

— Уль, Мотя отправил проверить тебя, — крикнул он через дверь, и со вздохом облегчения открыла дверь.

— Проверяй, я в порядке, — сказала я Тимуру.

— Круто, — выдохнул друг мужа и потёр переносицу. В следующий момент из носа потекла струйка крови, и я округлила глаза. — Черт, все таки сломал нос. Салфетку не дашь?

Я шагнула в кухню и быстро подхватила рулон одноразовых полотенец.

— Все в порядке? — спросил Тимур, затыкая кровоточащий орган бумажным тампоном. Я кивнула. — Это хорошо.

— Да, — призналась я. — Слушай может тебе голову запрокинуть?

Мое предложение имело смысл, потому что тампон быстро намокал от крови.

— Не поможет, Уль, — махнул рукой Тимур. — Говорю же сломал. Тут только если травматолог поможет и то не факт.

— Вчера же все нормально было, — сказала я, уже с подозрением глядя на друга мужа и подмечая, что на нем и рубашка немного помята и волосы взлохмаченные.

— Так вчера Матвей руки не распускал.

Я отшатнулась и нахмурила брови.

Матвей не страдал излишними нежностями, но чтобы сломать нос, нужны веские

причины.

— Что произошло? — спросила я, в глубине души понимая, что совершила ошибку.

— Как это что? Он просто наконец-то узнал правду и она ему не понравилась, — холодно сказал Тимур и бросил на стол окровавленную салфетку.

Я похолодела.

У меня внутри все оборвалось.

Не посылал Матвей Тимура проверить как я.

— Какую правду, Тимур? — спросила я, медленно отступая вдоль стола, чтобы выйти из кухни в зал.

— Да всю, Ульян... — махнул рукой Тимур. — Всю. И то, что ты не сбегала к любовнику. И то, что муж твой та ещё размазня, которую нормально действовать заставило только твоё исчезновение. И то, что ты мешала ему в бизнесе, потому что глядя на тебя он стал очень мягким...

Я отступала все медленнее. Тимур был похож на чудовище. Нижнюю часть лица замарала кровь. Блеск в глазах стал лихорадочным и каким-то безумным.

— Матвей нам нужна эта земля, говорил я ему несколько лет назад, — Тимур снова надавил на переносицу. — Нет, Уля рассказала, что там будут строить детский реабилитационный центр...

Тимур зло взглянул на меня, просто прожигая глазами, а я вспомнила тот разговор, когда у Матвея решалось какую часть земли город отдаст под постройку жилого комплекса. И то, что просто обронила, что на эту землю рассчитывал Центр детской неврологии.

— Или вот ещё... Я не приеду на эту сделку, мы с Ульяной уезжаем посмотреть другие объекты, более перспективные, — передразнил Тимур, делая шаг ко мне, а я понимала, что оказалась заперта отнюдь не с другом, а с врагом. — А ничего, что сделка стоила несколько десятков миллионов...

Тимур снова подхватил салфетку и вытер ей нос.

— Тимур, но зачем ты все это сделал? — дрогнувшим голосом спросила я, прижимая ладони к груди. — Ты же мог объяснить. Ладно, если Матвей не хотел слушать, но разве я осталась бы в стороне? Я бы просто перестала обсуждать с ним работу...

— Работу? — усмехнулся Тимур. — Ты думаешь ты влияла только на работу? Помнишь приезд москвичей и то как поступил Матвей?

Я мотнула головой, потому что реально не лезла в дела Матвея. Куда мне с моими тараканами в большой бизнес? Я тихонько сидела и старалась доказать самой себе что чего-то стоила в своей профессии.

— А я напомню, — сжал губы Тимур и снова бросил использованную салфетку на стол. — Полгода окучивать толстосумов, чтобы в самый важный момент, когда я им и ресторан организовал, и эскорт сообразил, Матвей мне бросил, что не будет плясать под все это дерьмо и ни одну к себе не подпустит. А потом и вовсе встал, уехал...

Черт. Я отступила к двери, чтобы в случае чего иметь возможность сбежать, но Тимур, заметив мой манёвр, покачал головой и продолжил:

— Я же говорил с тобой, объяснял, что возможно для Матвея ты поставила слишком жёсткие условия, что надо дать волю...

— Чтобы он трахал шлюх? — холодно спросила я, понимая на что давил Тимур.

— Не трахал, а делал вид, что он в теме большого бабла, свободной жизни и женщин! — рывкнул Тимур. — Но нет. Ты тогда так же сказала.

— А что я должна была сказать? Чтобы шёл спокойно имел проституток ради блага

бизнеса? — крикнула я, не понимая, чего ещё от меня хотел Тимур. Я все понимала. И встречи эти. И эскорт. Я ни слова не говорила Матвею, потому что во-первых думала, что он все равно не послушает, а во-вторых просто боялась поднимать эту тему, потому что в душе верила, что не могла привлекать такого мужчину как Матвей, добиться того, что оказалась у него единственной.

Но ведь получалось, что все равно была.

Это выбор Матвея.

— И поэтому появилась Лена? — скупой спросила я, понимая, что вся эта история чистой воды хорошо спланированный спектакль, где главным кукловодом был Тимур. Человек, который одновременно хорошо знал и меня, и Матвея. Который был вхож в наш дом не как друг, а как близкий родственник. Который позволял себе щипать меня за щеки и дарить на праздники удивительно большие наборы люксовой косметики, духов, украшений.

Человек, который стал неотъемлемой частью нашей с Матвеем жизни, нас просто предал.

— С Леной ещё интереснее... — произнёс Тимур шагая ко мне. — Она сама появилась. Она была и раньше, но тут ее перевели к Матвею. А я видел, как эта сука жопой крутила перед ним. Как юбки с каждым днём становились все короче... Мне даже не надо было ничего делать. Пара оброненных фраз. Немного лести и слезливого рассказала о том, какой Матвей у нас закрытый, холодный чурбан, и что никогда не показывает своих чувств. Пришлось, конечно, ещё рассказать, как у него все плохо в браке и что детей завести не можете...

Я бросила в Тимура своей сумкой и сама следом прыгнула на бывшего друга. Я влетела в него и шлёпнула пару раз ладонями по лицу.

— Сука продажная! — заорала я, когда Тимур оттолкнул меня к стене. — Тварь! Урод! Я ребёнка потеряла, потому что думала, что Матвей трахал свою секретаршу. Я из-за твоих амбиций просидела два года в гробу! Я не того проклинала, когда мне сказали, что ребёнка у меня не будет. Я должна была тебя ненавидеть!

Тимур засмеялся и утёр глаза рукавом.

— Уль, да ты сама как маленькая напуганная девочка ломанулась подальше от Матвея. Не обратись я сразу к его матери, которая рассказала, как ты сбегала в тишине и панике, я бы даже вернул тебя. Привёз. Поставил перед Матвеем как бабу, которая решила украсть его ребенка, спрятать. И он бы тебя сам придушил. Но нет. Я подумал, что твой побег даже упростил мне все. Я просто не стал перечить твоей задумке. И все шло нормально пока сентиментальная мамаша не стала ныть, что ошиблась! Что, сука, ее сыночек с ума сходит без своей жены, что она внука своего не увидит никогда. И тогда все полетело к чертям. И ладно бы ты встретила Матвея с ребенком! Нет, ты и это умудрилась продолбать... И кто ты после этого, как не дура?

Я отшатнулась к коридору. Покачала головой, не в силах справиться с шоком и осознанием, что всего этого могло не быть, если бы не моя боль и страх, который заставил поверить, что я у Матвея не одна.

Я терла виски пальцами и качала головой сильнее, но телефонный звонок вырвал из протрации, и я посмотрела на мобильный, который лежал на краю кровати. Тимур перевёл взгляд туда же, а потом на меня. Мы замерли, потому что по цифрам на экране поняли, что звонил Матвей.

Я дёрнулась первой. Пролетела опасный участок со шкафом и, поскользнувшись у

кровати, все же схватила мобильный. Тимур подлетел сзади, дёрнул меня за волосы и с силой швырнул на угол прикроватного столика, выбив телефон из рук.

Боль прорезала висок, а по щеке потекло что-то тёплое...

Пахло приторно шоколадом.

Настолько, что меня начало мутить. Я попыталась сглотнуть, но поняла, что язык онемел.

Меня раскачивало так сильно, что тошнота стояла уже где-то в горле. И мне бы открыть глаза, понять, что происходило, но веки словно свинцом налились.

Тимур меня толкнул на угол стола...

А дальше что было?

Шорохи какие-то помню. Что-то холодное текло по шее и на груди все намокло. Я даже сейчас чувствовала, как влажная ткань прикасалась к телу. И от этого внизу живота все сворачивалось в комок страха.

Надо просто набраться сил и открыть глаза.

Я дернула руку к лицу, чтобы помочь самой себе, но поняла, что руки заняты. Я тянула их и тянула, и не могла понять, почему ничего не выходило.

Снова качнуло, как будто я была в машине. А вот когда меня подкинуло, я в этом убедилась.

В голове плыло, а в горле было сухо и неприятно.

Просто открыть глаза.

Это не сложно, когда знаешь, что ничего с тобой не случится, но я этого не знала.

Я вообще не представляла, что происходило, поэтому отчаянно пыталась провалиться снова в обморок.

Нельзя. Там Матвей. Он обещал же, что все будет хорошо. И дома оставлять меня не хотел. И вообще...

Я смежила веки до разноцветных огоньков. А потом резко распахнула глаза.

Солнечный свет ввинтился в мозг как острая длинная иголка старой швеи. Я постаралась отвернуться. Спрятаться, но ничего не выходило. Свет становился все ярче, и я поняла, что просто не выдержу, если не прикрою глаза.

Снова тишина. Но теперь не такая однородная.

Шорох. Это были колеса машины по асфальту. Теперь я точно была уверена, что лежала на заднем сидении машины. И шорох такой, как будто дорога очень мокрая. Словно после дождя или снега, который таял, едва касаясь земли.

Думай, Ульянов.

Снова потянулась рукой к лицу. Черт. Не получалось. Может, у меня инсульт и это паралич?

Да нет. Бред какой-то.

Я снова приоткрыла глаза. На этот раз медленно. Светло. Значит, не так много времени прошло. Смеркаться начинало часов в пять вечера.

Я скосила глаза вниз.

На руках были строительные стяжки.

Да ну нет. Нет.

Это же не может быть похищение. Тимур же вменяемый человек. Юрист. Он должен понимать, чем закончится этот его поступок. Ладно Матвей, который с дерьмом его смешает, но ведь помимо него есть закон, который против такого.

Я попыталась прокашляться.

— Очнулась? — спросил с переднего сиденья Тимур, и я снова закрыла глаза. Попыталась откинуться назад. — Это хорошо, что очнулась. В больницу не надо будет заезжать.

Хотелось пить. Смочить губы. И болела голова.

Я прикрывала глаза медленно и старалась не смотреть на Тимура, который нервно вёл авто и бросал на меня злые взгляды.

— Что происходит? — хрипло спросила я, и мой голос прозвучал вороньим карканьем.

— Ничего особенного... — отмахнулся Тимур, и мне не понравилось, как он ушёл от ответа.

Я постаралась сесть, но голова стала болеть ещё сильнее. Я притянула руки к груди, поднялась выше и ощупала лицо на предмет повреждений. На виске была небольшая рана. Это из-за неё у меня мокрая одежда. Тимур то ли оттирал кровь, то ли плюнул и оставил, чтобы сама затянулась, я пока что не поняла.

Все же села, подавив в себе рвотный позыв. На кофте было мокрое розоватое пятно, которое выделялось некрасивым побуревшим облаком на светлой ткани.

— Мне холодно, — зачем-то призналась я, и Тимур бросил на меня недовольный взгляд. Качнул головой.

— На полке твои вещи. Можешь одеться... — скупое выдавил Тимур и вернулся к дороге.

— Как? У меня руки сцеплены... — я приподняла кисти и помахала ими, чтобы это было заметно в зеркале заднего вида.

— Тогда сиди дальше мёрзни... — безразлично отозвался друг мужа, и я поджала губы. Повернулась всем корпусом к полочке заднего сиденья и увидела свои вещи: спортивные штаны, куртка, тёплая толстовка. За водительским сиденьем валялись мои кроссовки.

Я стащила пальцами куртку и постаралась накинуть ее на себя хотя бы спереди. Вышло криво и косо, зато не видно теперь рук. Я вообще не понимала, как можно снять стяжки, поэтому просто водила руками в разных направлениях, стараясь ослабить пластик.

— Куда ты меня везёшь? — спросила я через полчаса.

— В безопасное место, — усмехнулся Тимур и включил поворотники. Мы съезжали на одну из развязок федеральной трассы. Не очень понятно, где находилось это безопасное место.

— Меня Матвей будет искать, ты это понимаешь? — я поджала под себя ноги, потому что казалось — пальцы ног скоро перестану чувствовать. Сильно замёрзла, а Тимур не додумался, хотя, как по мне, просто не захотел захватить хотя бы тонкий плед.

Тимур ничего не сказал на мое замечание. Он понимал, что Матвей точно будет меня искать. Я очень на это надеялась. Хотя, если подумать, как красиво нас прошлый раз развели, то стоит заволноваться.

— Зачем ты это сделал? — не отставала, я пытаюсь освободить руки. — Тимур, ты меня слышишь?

Тимур кивнул, подтверждая что точно слушал, просто отвечать не особо хотел. А у меня внизу живота собрался комок страха. Я почти физически ощущала, как он давил на органы, и поэтому уточнила: — Тимур, я в туалет хочу...

— Потерпишь...

Его голос был холодным.

— Я не могу. Я очень хочу. Сколько мы уже в дороге? Ты сам-то, наверно,

останавливался. Делал свои дела, пока я без сознания была.

У меня не было цели довести Тимура или разозлить. Я просто хотела понять, на какое расстояние от города мы уехали, но, видимо, переговорщик во мне и не рождался.

Тимур резко съехал на обочину и вышел из машины. Он обошёл ее и, открыв дверь с моей стороны, присел на корточки.

— Не надо пытаться меня обдурить, — сказал Тимур и дёрнул мою куртку. Я прикрыла глаза. Он понял и давно, что я делала. — Не надо удлинять наш путь.

Его пальцы смахнули с моей щеки волосы и убрали их за ухо. Тимур схватил меня за подбородок и посмотрел на висок. Цокнул языком.

— Матвей с тебя шкуру спустит, — сказала, я смаргивая слезы.

— Матвею ещё долго будет не до моей шкуры. У него слишком много дел накануне свадьбы.

Мысли молоточками били изнутри по черепной коробке. Мне кажется, я даже видеть что-то перестала у себя перед глазами. Одни расплывчатые тени. Одна мгла, которая не хотела рассеиваться.

— Какой свадьбы? — нелепо уточнила я у Тимура, и наконец-то его лицо появилось в фокусе. Он улыбнулся и потёр пальцем щетину.

— Неужели Матвей тебе не рассказал об одном из условий покупки вашей компании? — притворно улыбался Тимур и резко встал. Он толкнул меня на сиденье так, что я упала, чуть не стукнувшись затылком о противоположную дверь. А потом, бросив на меня куртку, Тимур хлопнул дверью и вернулся за руль.

Какая-то несуразица вертелась у меня в голове.

Какая свадьба? Почему Матвей к этому причастен, если только вот сегодня мы обсуждали, как вернёмся домой. Вдвоём.

Я смотрела в потолок машины, которая непонятно куда меня везла. Я просто хотела вынырнуть из этого ада и понять, что все это дурацкая шутка.

По телу пробежал озноб, и я, перевернувшись на бок, подтянула колени к животу.

Нет. Я не верила ни в какую свадьбу. Не могло такого быть. Матвей же обещал, он же говорил и ребёнка хотел.

Нет. Все это Тимур. Это он снова придумывает все, чтобы самому оказаться в выгодном положении.

— О какой свадьбе речь? — тихо спросила я, понимая, что Тимур прекрасно меня слышал. Он ведь даже не включил музыку.

— А что же ты думала, что Матвей только из-за тебя рванул сюда? — усмехнулся Тимур. — Нет. Когда он узнал о тебе, он действительно рванул, но изначально тебя ни в чьих планах не было. Была сделка и такая договоренность, что младшая дочурка вашего генерального выйдет замуж за Матвея. Старый параноик думал, что так только укрепит свои позиции и останется в компании. Но Матвею было плевать. Он просто подумал, да какая разница, по сути. И согласился. А потом все пошло не по плану...

Я туго сглотнула, понимая, что пошло не по плану. Матвей узнал обо мне и, соответственно, разница быть женатым на мне или на другой женщине уже появилась. И если я сейчас здесь, в машине Тимура, то Матвей сделал выбор. Который его друг не оценил.

— Ты хочешь, чтобы он женился? — спросила я вяло.

— Он должен это сделать, иначе ваш генеральный выкатит неустойку. Это обсуждалось, но Матвей был так уверен в себе, что даже не слушал. А я вот слушал и знал размеры компенсации, — Тимур ударил запястьем по рулю и бросил короткий взгляд на меня.

— Это глупо. Бизнес не строится на браках. Слишком ненадежно, — ответила я.

— Вот именно. Поэтому и прописано в договоре о многих скользких моментах, таких как смена правления, реорганизация и прочее. За это можно зацепиться, и все пойдёт прахом, — Тимур нервничал. Он все чаще отвлекался от дороги.

— Я не верю, что ты такой хороший друг, который пытается удержать Матвея от необдуманных поступков, — сразу огласила я свою позицию в этом вопросе.

— Не будь моих денег в предприятии, не рискуй я ими, мне было бы плевать. Только вот больше двадцати процентов акций мои.

Теперь больше похоже на правду. Тимур свои деньги вложил в это дело, поэтому и решился на столь отчаянный шаг.

Я тяжело вздохнула.

— А думаешь, если Матвей женится, то вам не выставят все неустойки? — без энтузиазма спросила я, а у самой сердце сжалось от одной мысли, что мы с Матвеем все же окажемся в разводе.

Только теперь мне это не нужно было.

— Конечно, никто не захочет рисковать своим ребенком. Это все же более ценное, чем предприятие.

Я не была в этом уверена. Если наш генеральный хотя бы на треть похож на Тимура, он бы рискнул, хотя я могла многого не знать.

— И ты, видя во мне угрозу, решил просто избавиться от меня? — я понимала, что чем больше узнаю о планах Тимура, тем мне будет проще сбежать.

Тимур засмеялся и перестроился в левый ряд, уходя на скоростную трассу.

— Скажем так, — медленно произнёс Тимур. — Я всего лишь не успел вовремя приехать. Я вообще не должен был появляться здесь. Seriously, никто не искал, где ты живешь или работаешь. Я просто понял, что Матвей не говорит мне правды, а так он лгал, только когда был с тобой. Он как лис водил меня за нос, пока я не прилетел и не убедился сам. А когда убедился...

Тимур замолчал и подхватил телефон. Бросил короткий взгляд на экран и отложил мобильный.

— А когда Матвей убедился, у меня уже были списки сотрудников, и я понял, что все. Просто задница наступит, если Матвей закусит удила. И он их закусил...

Недолгая пауза. Время словно патока потекло. И я отсчитывала удары сердца.

— Куда ты меня везёшь? — опять задала я насущный вопрос. Тимур посмотрел в зеркало заднего вида, и я все же села на сиденье, чтобы видеть его глаза во время разговора.

— В самое безопасное место, Уль. Неужели ты мне не доверяешь? — он улыбнулся, хотя глаза продолжали быть холодными. Я поёжилась.

— Развяжи мне руки, — тихо попросила я, но Тимур покачал головой, и телефон снова разразился трелью входящего вызова.

— Помолчи секундочку, — попросил Тимур и принял звонок. Долго молчал в трубку, а потом протянул:

— Если ты рискнёшь предприятием, я твою милую Улю в ближайший притон пристрою, и вытаскивай ее потом из базы шлюх, Моть...

Матвей. Утро.

— Юнусова ко мне, — холодно бросил я секретарше, проходя через приемную в свой кабинет.

— Но, Матвей Игоревич, — запнулась женщина с идеальным пучком на голове. — Вашего юриста ещё нет на работе...

Так. Этот засранец ещё и опаздывает. Я дёрнул челюстью. Сжал до хруста ручку двери и проронил:

— Как только появится, чтобы быстро ко мне зашёл.

Ну Тимур. Ну засранец. Походу Ульяна ушла к другому. Сволочь продажная. Как он мог? Я же не сделал ему ничего плохого. Он же ближе чем любой родственник мне был.

Тварь.

В своём кабинете я быстро проверил документацию. Вытащил документы и договор купли-продажи. Что-то должно было Тимура напрячь, раз он прилетел сюда. Он что-то точно хотел сделать. Тем более, когда Ульяна оказалась рядом со мной.

Неустойка.

Ну нормальная неустойка. Не критичная. Вполне обычная.

Я набрал Валентина из своего офиса и запросил отчёты по сделкам, которые проходили в последнее время.

— Матвей, — скупно сказал Валя. — Просто объясни, что мне надо найти. И я поищу.

Нет. Никому нельзя верить. Но Валентин. Он же...

— Тебя устраивает сколько ты получаешь? — холодно спросил я. Валентин молчал, потому что был из того теста, которым всегда мало. Он упорно шёл к своим целям и не имел какого-то потолка. — Две сотни сверху накину, если сам найдёшь что-то подозрительное в сделках. Проверь ещё все финансовые документы.

— Зарубились, — коротко бросил Валентин и положил трубку.

Ближе к полудню в кабинет завалился Тимур.

— Какого черта? — спросил я, сжимая в ладони авторучку и сдавливая ее так сильно, что треск пластика слышался.

— Я так понял, что вы поговорили? — нахально улыбнулся Тимур и сел в кресло для посетителей.

Я сжал кулаки.

— Надеюсь твои сентиментальные порывы не поставят под удар бизнес, — спросил Тимур и потянулся.

— Мне плевать на этот бизнес, — выдал я.

— А мне нет, — отрубил Тимур. — Поэтому если был устный договор о свадьбе, то ты подпишешь документы на развод с Ульяной и как миленький женишься на дочери генерального.

— Нет. И ты мне никто, чтобы диктовать какие-то условия, — напомнил я Тимуру его место.

— Ну да! У нас же Ульяна единственный человек, которого ты слушаешь! — фыркнул Тимур. — Ты же на ее чувства опираешься. Тебе же важно ее мнение. А ничего, что я затрахался тебе соплю вытирать? Ничего, что меня задрало, что ты в бизнесе во время жизни

с Ульяной стал как валенок. Ой не будем брать этот проект, у него мутная репутация, ой нет мы откажемся от сделки, не по понятиям. Ой этот клиент неблагонадежный!

Тимур встал с кресла и оперся кулаками о стол.

— Ты же таким чистоплюем стал с ней, что просто чокнуться. Ты о чести и достоинстве думал больше, рисковал и моими бабками!

Я откинулся на кресле и сложил руки на груди.

— Так чтобы не рисковать, надо было не лезть в мои сделки. Не надо было примазываться к моему бизнесу. И то, что твои доли есть, это только следствие моего к тебе хорошего отношения, но теперь...

Я встал медленно. Склонил голову к плечу и процедил:

— Пошёл к черту. Я уволил тебя. Твои акции выкупят. За большие бабки выкупят. И на этом все.

Тимур усмехнулся жестко и посмотрел на меня исподлобья.

— Избавиться решил? А кому ты нужен будешь, когда твоя милая Уля узнает, что у тебя невеста есть?

Я ударил резко. Без замаха. Просто чтобы сбить спесь с этого мудака.

— Ещё хоть слово про Ульяну и я тебе все зубы в пересчитаю, — процедил я. — Свободен.

Тимур вышел из кабинета, а я с психа швырнул в стену деревянный стаканчик для канцелярских принадлежностей.

Черт. Надо позвонить Уле.

Я обхватил подбородок рукой и выдохнул.

Так телефон надо было найти.

— Матвей Игоревич, — тихо произнесла секретарша. — К вам Владимир Владимирович.

Бывший генеральный улыбчивым колобком вкатился в кабинет.

— Здравствуй, здравствуй, дорогой, — подал руку мне Владимир. Я кивнул и, предложив кофе, присел за стол. — Как тебе моя компания? А с дочерью моей когда познакомишься?

— Кстати о дочери, Владимир...

Я ещё под впечатлением от разговора с Тимуром, от того что мне надо было физически услышать голос Ульяны, был косноязычным.

Владимир напрягся и покачал головой.

— Мы же все обсудили... — протянул он.

— Я помню, но ситуация изменилась. Наши договорённости потеряли актуальность. Я не женюсь на вашей дочери, какой бы прекрасной, умной и чудесной она не была.

Владимир Владимирович поджал губы и бросил на меня короткий взгляд.

— Ты ведь даже с ней не познакомился... — протянул он.

— Мне это и не нужно, — признался я. — Я люблю свою жену.

Минута молчания, за которую Владимир переваривал информацию. По взгляду было понятно, что он считал меня либо дураком, либо лжецом, потому что со времени предварительного подписания я ни словом не обмолвился о жене, а бросил, что идея хорошая насчёт его дочери. А теперь...

— Что ж... — выдохнул Владимир и встал с кресла. — Надеюсь вы оставите прежнее руководство...

Намёк я понял прекрасно. В договоре были скользкие моменты, где говорилось о неустойках, которые придётся выплатить руководящему составу.

— Если вы окажете честь вернуться к должности, — мягко произнёс я в душе бесясь, что приходилось выкручиваться. Владимир медленно кивнул. — Надеюсь вам не помешает мой финансовый директор, которого я отправлю сюда, чтобы самому не задерживаться.

— Ни в коем случае... — прилегал Владимир с улыбкой пираньи. — Но и вы тогда подумайте над моим предложением ещё раз. Жены это так ненадежно, особенно когда за ними не стоят хорошие тесты.

Намёк был более чем прозрачным, но я покачал головой.

Когда за Владимиром закрылась дверь, я нервно и судорожно выдвинул ящик стола и подхватил мобильник. Несколько сообщений от сестры. Письма на почте.

Я проматывал все это, чтобы психануть и набрать Улю.

Гудки. Длинные, и которые нервировали меня.

Не брала трубку.

Внутри родилось беспокойство, но я ровно на пару минут заставил себя успокоиться и снова набрал. Она же могла быть просто в душе. Могла не слышать. Могла...

Нет не могла.

Черт!

Я сорвался с места, наплевал на текучку дел. Вылетел из кабинета, бросил на ходу секретарше, что до вечера меня не будет. Выбежал на улицу и пошёл к своей машине. Водитель понятиливо кивнул на желание быстро съездить к Ульяне.

На проспекте была пробка и я, психуя, хотел уже пешком идти, но тут машина двинулась, и мы проехали ещё несколько перекрёстков. Все это время я как сумасшедший набирал Ульяну, но ни одного ответа не получил.

Я влетел в подъезд с ощущением того, что снова опоздал, а когда увидел открытую дверь квартиры, салфетки с кровавыми пятнами на столе, капли на ламинате...

Сволочь, Тимур!

Я дёрнулся и стал набирать этого предателя. Он не брал мобильный. Время тянулось. Я на опережение работая быстро позвонил в полицию. Олегу из службы безопасности. Всем.

И снова стал набирать Тимура, чтобы услышать насмешливое:

— Если ты рискнёшь предприятием, я твою милую Улю в ближайший притон пристрою, и вытаскивай ее потом из базы шлюх, Моть...

Я швырнул мобильник на постель. Вцепился пальцами в волосы. Вот как знал, как знал! Нельзя было Ульяну оставлять, надо было с собой на работу забрать, надо было...

Да твою мать!

Приехала полиция. Я быстро выкладывал кто и когда мог похитить Ульяну. Мне качали головой. Уточняли. Приехал безопасник. Нашли телефон Ульяны, который свалился под кровать. Да твою мать!

Время бежало так быстро, что сумерки не заставили себя ждать. Приехал мужчина, который заведовал волонтерским центром. Все задавали вопросы. Я психовал. Меня разрывало изнутри. Если с головы Ульяны упадёт хотя бы волос...

Бригада волонтеров выехала на поиски. Полиция разослала ориентировки или как это у них называлось...

Я был на границе смерти.

Ближе к полуночи мой телефон завибрировал.

— Алло... — тихо раздался в трубке женский голос. — Простите, это такая глупость. Я кассир на заправке, и девушка подкинула записку на туалетной бумаге...

Ульяна

Солнце упало за горизонт.

Я примерно представляла куда мы ехали.

Тимур вёз меня домой. В родной город. И это мне казалось нелогичным. Он же не должен был быть таким предсказуемым. Или у него есть ещё парочка козырей.

— Тимур, если ты не остановишься, я описаюсь прямо в машине, — сказала я глухо. В свете фар проезжающей встречи лицо Тимура исказилось, как будто его нереально бесили мои физические потребности, но мы до сих пор так ни разу и не остановились.

— Сейчас найду какой-нибудь лесок, — бросил через плечо Тимур, и я запротестовала:

— Нет, поехали до заправки. Я хочу пить, хочу есть. Ты что, голодом меня морить собрался? — стяжки на руках ослабли, но я все равно не могла стянуть их.

— Нет. От голода ещё никто не помирал, — припечатал Тимур и тут же съехал с дороги в какой-то редкий ельник. Я свесила ноги с машины и попыталась на затёкшие ступни натянуть кроссовки, но не выходило. Тимур бесился. Его раздражала моя медлительность. Он плюнул, обошёл машину и присел возле задней двери на корточки. Вырвал из моих рук обувь и черт пойми как обул меня. Я уперлась руками в сиденье, чтобы встать, но потеряла равновесие и постаралась зацепиться хотя бы за дверь.

— Да сними ты с меня эти чертовы стяжки, — закричала я, толкая руками Тимура в грудь. — Псих! Куда я сбегу? Что я смогу тебе сделать, если ты вдвое сильнее меня? Ты сам хотя бы понимаешь какой идиотизм устроил?

Тимур молчал. Стиснул зубы так сильно, что по скулам пробежали желваки. Но я была в том состоянии близком к истерике, что уже на все наплевать было. Я резко шагнула к Тимуру и произнесла:

— Штаны расстегивай!

Тимур резко потерял лицо всемирного зла и отшатнулся от меня.

— Штаны мне расстегни! — зарычала я, взмахивая руками. — Ты же думаешь, что стяжки самое то! Ты же не думал как мне штаны с ними снимать!

— Извернись и сними, — прорычал Тимур, дёрнув меня за пояс. — Как-то же не ты их натянула на себя со стянутыми руками.

— Я лежала! — холодно заметила я. И снова толкнула руками в грудь Тимура. Он бросил на меня короткий взгляд и покачал головой. Намекнул, что я продолжу свой концерт, то получу от него. Но в конце концов. Я в машине с психопатом, у меня связаны руки, муж не знает где меня искать. То есть Тимур реально думает, что мне есть что терять?

Я покачала головой и снова ткнула руки в грудь Тимура.

— Не нарывайся... — медленно произнёс он. — Ты вообще всю дорогу можешь провести в багажнике.

— А ты остаток лет на нарах! — рявкнула я и, обогнув Тимура, прошла к двум елкам, которые разбросили свои лапы прямо до земли.

Было холодно. Ощущался северный ветер, и я вздрагивала, когда он хлестал меня по голой коже.

Со стяжками на руках сходить в туалет вышло проблематично. Но я вышла из кустов с таким лицом, что по нему было ясно: я страдала, но теперь зла.

— Успокоилась? — хмуро спросил Тимур, выходя из кустов напротив моих ёлок. В его лице блуждало так много ненависти, что если бы я могла что-то потерять кроме собственной жизни, то точно бы испугалась. Но когда жизнь остаётся единственной валютой — продать ее хочется подороже.

— Нет, — саркастично выдавила я. — Сейчас мы заедем на первую попавшуюся заправку с минимаркетом и ты мне купишь здоровенный капучино и не менее здоровый хот-дог. И леденцы.

Я прошла мимо Тимура, как будто нечаянно задев его плечом, но не стала садиться назад, а заняла переднее пассажирское сиденье.

— Мне кажется или ты осмелела? — тихо и холодно спросил Тимур, заводя машину.

— Мне кажется или тебе Матвей кишки в макраме завяжет, если с моей головы упадёт хоть волос? — едко уточнила я, но не получила ответа. — Поэтому кофе, Тимур, и еда. Или мы никуда не доедем, потому что я доведу тебя и ты меня удушишь, а потом придётся тело прятать. В лесу ямку искать...

Меня несло, но на место страха пришла банальная хмельная ярость. Мне хотелось, находясь сейчас в непосредственной близости к Тимуру, такую пощёчину ему зарядить, чтобы он лицом своим наглым влетел в окно, но я терпела.

Сумерки окунули в чернильную темноту ночи. Я не могла уснуть, потому что боялась потерять дорогу. Не сводила глаз с указателей вдоль трассы, подмечая как мы ехали.

Тимур однозначно вёз меня домой.

Когда мы проехали Тольятти, я в этом убедилась.

— Остановивай, — хрипло сказала я, увидев заправку.

— Мы не остановимся, — холодно бросил Тимур и я, подняв единственную бутылку воды с пола у своих ног, открыла окно и вышвырнула ее на дорогу.

— Теперь остановимся.

Тимур бросил на меня недовольный взгляд. Хотел что-то сказать, но я дернула дверцу бардачка на себя и выгребла на пол все документы.

— Ты что творишь? — зарычал Тимур, отталкивая меня к двери и выхватывая из рук папку.

— Ищу что-нибудь чем можно снять стяжки, а то столько вопросов у работников заправки появится, что ты ни на один не сможешь ответить, — буркнула я, найдя в недрах ящика какую-то мелкую отвертку. Подцепила ей стяжку между запястьев и стала пальцами давить, чтобы пластик лопнул.

Тимур резко припарковался и вырвал из рук ответку, дёрнул на себя мои кисти и, вытащив ключи, чиркнул коротким ножиком на связке по пластику.

С запястий исчезло давление. Я потеряла борозды пропечатавшиеся на коже и, подняв глаза на Тимура, который сидел в ожидании, ударила друга мужа по лицу.

— Ну ты и дрянь, Ульянов... — зло протянул Тимур.

— Если ты только рот свой откроешь... — шипел мне Тимур на ухо, ведя к заправке. — То поедешь остаток пути в багажнике.

Я молчала. Прикидывала варианты. На заправках такого формата в каждой есть туалет. И небольшая прихожая при нем с раковиной. Зайти одной мне туда Тимур не даст. Значит, если внутри кабинки будет окно, то я...

— Ты поняла меня? — в тени от входа спросил Тимур и больно тряхнул меня за плечи. Как тряпичную куклу. Что даже голова закружилась. — Поняла?

Его голос понизился до шёпота. Я нервно и брезгливо передернула плечами.

— А ты понял меня? — вдруг спросила я, приближаясь своим лицом к Тимуру. — Если ты не накормишь меня, я тебя жрать начну!

Тимур оттолкнул меня.

Правильно, пусть лучше считает психопаткой, чем той, которая стремиться сбежать.

В минимаркете были две девушки за кассами и один охранник на входе. Я подняла лицо и замерла на пороге. Оглядела весь зал, стараясь как можно дольше простоять под камерами. Но Тимур ткнул меня в ребра и я, растерявшись, шагнула сначала к кассе, а потом резко развернувшись вправо, пошла к уборной.

— Ты же недавно ходила, — подхватил меня за локоть Тимур.

— А ты недавно курил, но все равно продолжаешь каждые десять минут тянуться к пачке, — я дернула рукой, освобождаясь и быстро шмыгнула в кабинку. Развернулась, закрыла дверь на задвижку.

— Открой, — прошипело снаружи.

— Тимур, твою мать, — выдохнула я истерично. — Купи мне тампоны!

— Да ты издеваешься! — прорычал Тимур, хлопая по двери ладонью.

— Нет, Тимур, я кровоточу... — трясущимся голосом призналась я и быстро развернулась к унитазу. Над ним было небольшое окно. Я взобралась и толкнула рукой стекло. Створки должны открываться. Просто обязаны. Когда я дотянулась до гипотетической ручки, то поняла, что ее сняли, а без неё пластиковые стеклопакеты не открыть. Гадство.

Я спрыгнула с унитаза и включила воду. Сдёрнула зачем-то один раз. А потом наткнулась глазами на график проводимой уборки. На пружинке висела ручка.

Я оторвала от туалетной бумаги клочок. Быстро написала: «Меня похитили. Позвоните мужу или в полицию...». И добавила телефон Матвея на обороте.

— Ты скоро? — спросил из-за двери Тимур. Я засунула клочок бумаги себе под кофту и дёрнула дверь.

— Тампоны взял? — спросила я в щель между дверью и косяком, и Тимур чуть ли не в лицо ткнул мне квадратной коробочкой. — Спасибо.

Я снова хлопнула дверью. Запустила пальцы в волосы. Черт, как передать-то записку кассиру или охраннику?

В нервных чувствах я все же сходила в туалет. Вытряхнула из пачки тампон и выбросила его в мусорку.

В зеркале на меня взглянула помятая девица в тонкой осенней куртке и со следами побоев на лице. На виске набух синяк. Я умылась. Оттерла куртку в некоторых местах.

Вытерла руки. Нарвала полотенец.

Как привлечь внимание к одной записке в ворохе бумажных полотенец?

Я прикусила губу и потянула из-за пазухи тонкую цепочку с крестиком, которые остались мне от бабушки.

Но я должна была это сделать.

Я обернула записку золотой цепочкой и спрятала все это в руках вместе с полувлажными салфетками.

Когда я открыла дверь, Тимур только что не пыхтел от злости. Я демонстративно прошлась салфетками по мокрым следам на куртке, и Тимур толкнул меня вбок. Ввалился в туалет, проверяя все за мной. Я не стала его ждать и быстро шагнула к кассе. Часть салфеток выбросила в мусорку. Часть положила на стойку.

— Мне большой капучино, два сэндвича, колу, шоколадный батончик и леденцы, — произнесла я, пристально глядя в глаза продавщице. Она как сонная муха крутилась у кассы и когда проходила мимо стойки, я попросила: — Ой, не выбросите салфетку?

Девушка машинально потянулась за моей ладонью, и я сдавила ее запястье пальцами, привлекая внимание. Записка с цепочкой перекевалась в ее ладонь и я, разорвав взгляд, отшатнулась от стойки, заметив Тимура, который как раз вышел из туалета. Добавила тихо, кивнув на Тимура:

— А этому двойной эспresso.

Тимур как раз дошёл до кассы и больно схватил меня за локоть.

— Какого черта ты устроила? — прошипел он, склоняясь ко мне. Продавщица медленно кивнула, и я заметила как мои салфетки упали не в мусорку, а на пол.

— Ты не умеешь ездить на большие расстояния. Ты скоро захочешь спать, а с сонным самоубийцей я не собираюсь никуда ехать, поэтому мы сейчас сядем, поедим, ты попьёшь свой кофе, а следом ещё энергетик добавишь, — в тон Тимуру отозвалась я, забирая со столешницы свой кофе.

Тимур набычился, но промолчал. А я, дождавшись заказа, быстро упаковала его в пакет и сказала:

— Все, можем идти.

Тимур чувствовал, что я где-то что-то натворила, но не мог распознать где именно. Он психовал больше обычного и курил почти не переставая. Кофе не пил, словно я могла в него поплевать для остроты ощущений.

— Ты уснёшь сейчас, — сказала я и нажала кнопку на радио, включая одну из местных радиостанций.

— Заткнись и убери свои руки от панели, — Тимур больно стукнул меня по запястью.

— Дай я сяду за руль, — попросила я, а Тимур рассмеялся.

— Иди к черту, Ульянов.

До Самары оставалось порядка тридцати километров. Я надеялась Тимур решит остановиться и переночевать в городе, но когда мы через сорок минут проехали развязку, которая вела в город, я поняла, что нет.

Тимур все больше сбавлял скорость и больше курил.

Ночная трасса вызывала опасения особенно в то время года, когда темнеть начинало рано, а снега ещё не было, чтобы он отражал фары. В какой-то момент мы спустились в овраг и тьма стала почти осязаемой.

— Включи дальний, — попросила я, потому что даже не различала разметку на дороге.

— Помни про багажник, — намекнул мне Тимур.

Через час стало проще или мы оба привыкли к темноте, но мимо очередной заправки проезжали почти ослеплённые светом.

В три часа ночи Тимур загляделся на дорогу и начал съезжать к обочине. Я заверещала и вцепилась в руль. Меня толкнули.

— Остановись и поспи, — сказала я, но Тимур взбодрившийся от нашей перебранки только мотнул головой.

Я поджала губы. Скорей бы Матвей нашёл меня, скорей бы...

Через двести километров от Самары на посту, которые располагались на трассах, нас остановил дпс.

— Лейтенант Ковалёв, проверка документов.

Я замерла и боялась пошевелиться. Даже моргать перестала. А Тимур, медленно наклонившись к бардачку, где я успела навести бардак, вытащил свои права. Лейтенант долго их рассматривал, а после попросил миролюбивым тоном:

— Выйдите из машины.

В отделении полиции было тепло и жутко пахло сигаретным дымом. Нас с Тимуром держали в разных кабинетах. И я вообще сидела сначала одна. Что спрашивали у Тимура я не поняла, только разобрала что что-то про похищение, связи какие-то.

Когда следователь, или как тут называлась должность усталого мужчины, вошел в кабинет я резко обернулась и попросила:

— Позвоните моему мужу, пожалуйста. Он все объяснит. Он все расскажет. Или дайте мне самой ему позвонить, — я сцепила руки на груди, не зная как ещё объяснить ситуацию, в которой оказалась.

— Ваш муж в курсе, он должен ближе к утру приехать, — мягко сказал следователь и сел за стол. Я придвинула свой стул. Наверно меня сейчас должны были о чём-то спрашивать. Или мне надо самой спросить?

Я вообще не представляла за, что Тимура задержали и если все же из-за меня куда его увели? А откуда они знали, что Матвей выехал.

У меня была масса вопросов, но с детства воспитанная в благоговении перед органами, я боялась, что либо спросить, поэтому просто сидела, хлопала глазами пока следователь заполнял какие-то документы.

— Что будет с Тимуром? — спросила я осторожно. Не то чтобы мне сильно было интересно? но начать разговор надо было как-то.

— Вот ваш супруг придет и будем думать, — коротко бросил следователь и поморщился словно я была досадливой мухой.

— А откуда он знает куда надо приехать? — уточнила я.

— От генерала Ведунова...

Мне ни фамилия, ни статус ни о чем не говорили, но я из воспитания кивнула и обняла себя руками.

Часы которые стояли на столе, почти как мое бирюзовое чудовище, такие же массивные только коричневые, медленно тикали отсчитывая секунды. Я вздыхала.

Внутри поселился нервоз, немного паники и запоздалый страх.

Телефонный звонок заставил вздрогнуть. Следовать быстро принял вызов.

— Да конечно, товарищ генерал. Да. Будет сделано.

Что там сделано будет мне осталось неясно, потому что следователь вдруг вышел из кабинета, а когда вернулся, его сопровождали несколько офицеров в форме.

— Вам надо уехать. Наши сотрудники вас сопровождают, — обратился ко мне следователь, и я сузила глаза, внутри паникуя. Почему я не могла дожждаться Матвея в отделе? Мне не сложно, правда.

Но конвой увёл меня из кабинета и погрузил в легковую машину с номерами полиции. На улице тонким слоем на газонах лежал первый снег. В салоне машине было прохладно, и я быстро замёрзла в своих кроссовках. Мы ехали не больше получаса и остановились возле небольшого дома в черте города.

— Вот, вы можете подождать мужа здесь. Ва, встретят, — сказал один из офицеров, и я приоткрыла калитку, прошла по тропинке к дому. Постучала.

Это была небольшая гостиница. Хозяйка, которая тут была и за администратора, быстро объяснила, что я могу подняться в комнату, искупаться, поспать. Но я вообще не понимала

ничего. Зачем меня надо было увозить из отдела. Черт. Что за люди такие пошли скрытные.

Утро медленно пришло на улицу, и из-за белой занавески я разглядела как начался снег. На часах застыла стрелка на цифре девять. Я так и не сходила в ванну, не смогла уснуть. Я вообще слабо что понимала. А ещё психовала сверх меры.

По времени если Матвею позвонили ночью, то он не раньше полудня доберётся до меня. Я это понимала, прикинув расстояние и скорость, но в упор не осознавала, что надо это время провести на иголках.

Что за генерал, после звонка которого меня сразу отправили сюда? Как Матвей вообще так устроил, что первый же пост остановил нас? Хотя тут если ему позвонила кассирша, то он наверно записи камер мог посмотреть. Хотя нет. Их только органам выдают же.

Я бродила по комнате и растирала пальцами виски. Голова болела. Казалось словно в ней застряло веретено.

А что Матвей решит по поводу Тимура?

Все эти вопросы крутились внутри меня и способствовали головной боли.

В одиннадцать часов хозяйка не выдержала и позвала меня позавтракать. Я на стрессе и после капучино с заправки вообще ничего не могла есть, от всего мутило. И стоило бы проверить давление или сосуды, но куда уж там...

Я вяло ковырялась в каше вилкой и успокаивала себя тем что все в порядке, даже инфляция в стране. Но как-то мантры на меня и во время медитации не особо действовали, а теперь уж...

Чтобы скоротать время я приняла душ. Оттерла следы и разводы крови у себя на груди и за ухом. Почистила нормально зубы. Убрала с лица выражение скорбной печали и продолжила психовать.

Время тянулось так медленно, что мне казалось я могла бы считать его песчинками. А Матвей все не ехал. И я понимала, что это логично, что сейчас мне не на что на него обижаться, но все равно было некомфортно. Плюс, я с ним не могла связаться.

Я сидела на кровати. Прижималась к изголовью и пыталась читать местную газету со сборником рецептов к новогоднему столу, но вместо букв перед глазами всплывал разговор с Тимуром ещё в моей квартире. Я до сих пор не осознала, что все произошло так нелепо, так подло только по его вине.

Слёзы собиралась в уголках глаз, но я запрещала себе плакать. Вообще запрещала даже шмыгать носом, потому что сейчас вся покраснею, глаза опухнут и кому я такая буду нужна?

Я встала с кровати, положила газету на столик и прошлась босыми ногами до окна. Аккуратно отодвинула занавеску.

Вошла забора припарковалась машина Матвея. Мое сердце стукнулось о рёбра и я, не понимая, что делаю, просто пробежала к двери спальни, пересекла небольшой коридор и открыла входную дверь. Снег совсем чуть-чуть припорошил тропинку до калитки, возле которой стояла старая калина, которая понемногу сбрасывала алые свои ягоды на белое покрывало. Я выбежала из дома прямо босиком, наплевав и на снег, и на калину, ягоды которой как капли крови лопались под моими ногами. Я бежала, чтобы увидеть в калитке Матвея.

Увидеть и обнять. Повиснуть у него на шее, давясь слезами и захлёбываясь словами. Не слыша ничего, что было вне нас с ним, а только его усталый голос:

— Ульян... нашёл. Нашёл, — его голос дрожал, и я подтвердила:

— На этот раз нашёл.

В доме пахло сухим деревом и пылью. Я ходила по комнатам и смотрела по сторонам. Матвей привёз меня в загородный дом у Северного моря, одно из водохранилищ.

Муж купил его всего год назад просто как вложение, потому что земля здесь стоила дорого. А со временем ещё сильнее подорожает.

Вся суматоха прошедших дней, мимолетная встреча с мужем, его дальнейший отъезд вопросам моего дела и Тимура, возвращение глубоко за полночь в ту самую гостиницу, дорога до родного города, покупка самых необходимых вещей и вот этот дом. Сложенный из строганных брёвен и внутри отдельный тоже деревом. Большой камин, который был напротив окна в гостиной. Несколько спален на втором этаже, две ванны, тяжёлая массивная лестница, которая поскрипывала, когда я медленно спускалась на первый этаж, пока Матвей спал. Он был больше нескольких суток на ногах и сюда, в небольшой посёлок, который уде укутался в снежную шубу, мы приехали со мной за рулём.

Я не могла прийти в себя.

Просто не верилось, что все это произошло со мной. С нами.

Большая просторная кухня готова была встретить хозяйку, и я тихо, стараясь не разбудить Матвея, набрала из фильтра в чайник воды, вытащила из холодильника скудный набор для завтрака в виде яиц молока и бекона. Стараясь не греметь новой посудой, осторожно все помыла и приступила к готовке.

За полупрозрачными шторами медленно падал наверно уже не первый и даже не десятый здесь снег. Я засмотрелась в окно и поняла, что внутри что-то с хрустом лопалось. Как будто ледяной шар, что сковывал меня, наконец-то пошёл трещинами, и я почти была готова поверить в чудо. Тем более до настоящего оставалось не там много, чуть больше месяца.

Тяжёлая поступь мужа, о которой наябедничала лестница. Его тёплые руки на моей талии и сонное ещё дыхание, которое коснулось шеи, чтобы запутаться в волосах.

— Ты ушла... — фыркнул мне в волосы Матвей, и я развернулась в кольцо его рук лицом к нему.

— Всего лишь на кухню... — мои губы прикоснулись к его щетине, сейчас уже не казавшейся колючей. Я ловила запах Матвея, стараясь ощутить его всем телом: немного древесный с примесью табака и без ванили. Муж устал и в усталости своей растерял большую часть своего дурного нрава. — Ты расскажешь мне все?

Под «все» я подразумевала, как он меня нашёл, почему лейтенант из дпс рассадил нас с Тимуром по разным машинам, а потом уже приехали другие полицейские, что станет с Тимуром и почему меня вместо отдела отправили в гостиницу. Матвей долго смотрел в окно, за которым начиналась небольшая ещё игривая метель, а потом нехотя кивнул.

Я подтолкнула мужа к небольшому дивану, который был как раз возле окна. Возле него стоял тяжёлый стол ещё лакированный, такой под старину. И он мне нравился настолько сильно, что я максимум переокрасила бы его в белый цвет. Когда Матвей разместился за ним, я поставила на стол чашки с кофе, которое ночью бросила в корзину чисто на автомате, разложила по тарелкам омлет с беконом и выставила тарелку с круассанами с сыром.

— Что теперь будет? — тихо спросила я.

Матвей отхлебнул кофе и пожал плечами.

— Даже если ты не напишешь на него заявление о нападении, скажем, то он все равно огребет, только уже за финансовые махинации, — Матвей вяло ковырялся в тарелке вилкой, а я понимала, что он меня знал куда лучше чем сама я. Сейчас нет, но через неделю во мне сыграла бы жалость, девочек с детства приучают жалеть всякое: котят, птичек, брошенных хомяков, и я бы пожалела Тимура. Забрала бы заявление. А сейчас...

— Тогда я просто не буду на него ничего писать... — я тоже взглянула в окно, не понимая как надо адекватно реагировать. Сейчас у меня внутри все смешалось: избы, кони, люди.

— Тогда ему светит несколько лет условно, если он вовремя сообразит, что отмывание денег через мои компании это дерьмовая затея и быстро свернёт любую деятельность в нашем регионе.

Ну в принципе это нормальная цена, которую человек бизнеса должен заплатить за предательство. Только почему Матвей такой недовольный.

— Что-то не так? — осторожно уточнила я и пересела к нему на диван.

— Все не так, Ульян... — хмуро сказал Матвей, и я прижалась щекой к его плечу, потерлась как кошка, совсем не понимая что делаю хуже — мешаю Матвею сосредоточиться. — Столько лет работать и не догадываться какое...

Матвей не закончил фразу, потому что рвалось только нецензурное с языка. Но я это все равно договорила ее у себя в голове. Обхватила руку мужа и прижала к себе.

— А кто такой тот генерал? — тихо спросила я, глядя в одну точку.

— Давний знакомый. Ещё до нашего с тобой брака. Ты его не знаешь, — отмахнулся Матвей и снова потянулся к своей чашке с кофе.

— И он просто так вот помог? — подозрительно уточнила я.

— Нет, конечно, — поморщился Матвей словно ему неприятно было об этом говорить, но оказалось... — А сахар есть?

Черт. Сахар я вчера забыла, поэтому покачала головой и Матвей продолжил:

— Я вообще думал, что удастся тебя найти быстрее. Я же не думал, что Тимур тебя куда-то повезёт...

— А он не сказал куда меня вёз? — уточнила я.

— Он вёз тебя примерно сюда. У него где-то загородный дом есть в глуши, и он думал поддержать тебя в нем, пока я не решу вопрос с дочкой вашего генерального. А я и не собирался его решать как нашёл тебя. Я даже эту девку не видел ни разу, но и конечно был в браке, поэтому я бы все равно нашёл тебя...

Матвей оторвался от своего кофе и коротко посмотрел на меня проверяя реакцию.

Я была настолько благодарна, настолько впечатлена, что ничего не могла сказать. Просто прижималась к мужу сильнее, чтобы прям под кожу забраться.

— И когда мне позвонила кассирша с заправки, я понял, что он увозит тебя. И не факт, что удастся найти после, поэтому и обратился к генералу...

— Ни на ком женится не обещал? — коварно уточнила я и прикусила кожу на плече мужа. Матвей перевёл взгляд на меня.

— Какой там... мне бы одну жену удержать... — его губы изогнулись немного в саркастичной усмешке. — Он уже по своим каналам нашёл знакомых и сообщение передали по цепочке, ориентировок как таковых не было, я успел спросить у кассирши номер машины, а она как раз не особо заморачивались кому давала эту информацию и быстро все выболтала,

что увидела на камерах. И уже вот с номером машины и с личностью Тимура стали работать все. А когда вас остановили я уже ехал следом. Знал бы сразу поехал...

Я перебралась к Матвею на колени. Оседлала его, широко проведя ноги. Посмотрела в глаза. Тьма плескалась на уровне зрачков и впервые за последнее время была умиротворяющей.

— Почему я, Матвей? — тихо спросила я, все ещё не веря, что из-за меня одной муж пошёл совершать подвиги.

— Потому что ты для меня... — медленно, глядя словно в самую душу, начал Матвей. — Идеальная. Где надо молчаливая и скромная. Иногда саркастичная и стервозная. Единственная, которая может выдержать мой дурной характер тирана.

Я мягко рассеялась, стараясь не расплакаться. А Матвей притянул меня ближе к себе, чтобы мне между ног упёрся его вставший член, который натянул ткань боксёров.

— А ещё ты самая настоящая шлюха в постели, — на ухо, тихо, волнующе признался Матвей и сжал в ладони мою ягодицу. Я прикусила губы, запрокинула голову и муж горячими поцелуями прошёлся мне по шее, оставляя следы своего желания. Его губы то касались нежно, заставляя все тело дрожать, то зубы больно прикусывали тонкую кожу.

И мы не оторвались бы друг от друга, если бы не звонок в дверь.

Я быстро слезла с коленей мужа, Матвей натянул домашние мягкие штаны и прошёл в коридор, из которого я слышала удивленное:

— Мама?

Меня приморозило к дивану. Я не знала, как смотреть в глаза матери Матвея. Она не была ни в чем виновата. Я это понимала. Не моя просьба, ни мои истерики не должны были повлиять ни на что. Но я упорно говорила, что хотела уйти от Матвея, а в ней сыграла то ли женская солидарность, то ли обычной желание матери подарить сыну достойную партию.

И сейчас...

Зачем она вообще приехала. Она же наверно в курсе должна была быть что произошло. И почему именно в момент, когда мы оба с Матвеем немного не в себе?

— Я вот тут голубцы накрутила, — прозвучал голос свекрови. — И здесь салат. Я думала ты в городе будешь, а ты сюда уехал. Заставил искать тебя.

Свекровь была как обычно непререкаема. Хоть что-то в этом мире оставалось незыблемым.

А мне не хватало воздуха. Я понимала, что надо встать и появиться у неё перед глазами, что надо удержать Матвея от поспешно сказанных болезненных слов, чтобы он не разрушил жизнь до основания. Но я не могла. Встреча со свекровью это встреча с прошлым. А я его боялась. Почти так же сильно как и разговора с Матвеем в тот вечер, когда мы увиделись впервые после моего побега.

— Мне ничего не нужно, уезжай... — тихо, но твёрдо проговорил Матвей, а я придвинулась вдоль дивана, понимая, что надо встать и не допустить скандала.

— Как это не нужно? Ты что такой словно лимон съел? Ты увидел своего ребёнка? — не могла уговориться мать и меня парализовало. Она была уверена, что я родила, она думала, что Матвей поехал за ребёнком.

Но его не оказалось и как сейчас развернётся ситуация неизвестно. Я хотела успеть до того, как Матвей начнёт обвинять или рассказывать, но опоздала. К ни го ед . нет

Муж холодно произнёс:

— Нет и не было никакого ребёнка...

Я замерла на границе с залом, пятки просто приросли к полу.

— А я так и знала, что эта стерва из меня просто денег хотела высосать! — припечатала свекровь и что-то упало на пол, по ощущениям сумочка. — Вот! Вот видишь как хорошо, что ты с ней развёлся! И хорошо, что нет ребёнка! Она бы с тебя сосала! Ещё шантажировала!

Матвей тяжело выдохнул.

— Не говори о том, чего не знаешь, — сухо произнёс муж. — И лучше уезжай.

— Как это не знаю? — не успокаивалась свекровь. — Я тебе сразу говорила бедовая она, доведёт, ей только твои деньги и нужны были. Даже не постыдилась ребёнка приплести...

Я не то чтобы что-то новое узнала от свекрови, примерно это все мне и до этого было известно. Конечно, в лицо никто ничего не говорил, но вот интонации, намеки...

Все это было всегда и сейчас, когда я прошла через потерю ребёнка, через расставание с мужем, я не понимала, как про меня можно было продолжать так думать.

Я же выходила замуж не ради денег. Я же...

В носу хлопнуло, и я стиснула кулачки.

Черт. Почему так обидно? Почему даже сейчас мне все равно обидно, что обо мне думала так мать мужа?

Я медленно переступила с ноги на ногу. По гладким полам прошла до коридора, встала за плечом Матвея и тихо произнесла:

— Добрый день, рада вас видеть...

Свекровь выронила из рук ключи и уставилась на меня словно привидение увидела. Ну да, вид ещё тот, садина эта на виске, помятое лицо, футболка Матвея до середины бедра.

— Это что ещё за спектакль? — возмутилась мать мужа, и Матвей зажал пальцами переносицу, сожмурил глаза, стараясь вытряхнуть из головы весь идиотизм, который сейчас устроила свекровь.

— Нет никакого спектакля... — мягко произнесла я, хотя хотелось рявкнуть, что вместо того, чтобы поливать грязью, лучше бы узнала как у сына дела. — Я здесь. Я вернулась...

Свекровь шагнула назад, опёрлась плечом о косяк и демонстративно приложила руку к груди. Матвей поморщился, а я так и продолжила стоять по середине коридора с блаженной улыбкой совсем клинической идиотки. Мне казалось, как только я дам эмоциям волю, моя маска сразу начнёт стекать с лица, обнажая настоящие чувства.

— Нет никакого ребёнка, — ещё раз произнесла я.

— Как это нет? Совсем нет? — не поверив мне, уточнила свекровь и бросила на Матвея короткий взгляд. Матвей покачал головой.

— Я потеряла ребёнка. Не смогла выносить, — с холодными интонациями проговорила я, боясь вложить хоть каплю тепла в слова, потому что точно знала, что расплачусь. — Мне не нужны были тогда ваши деньги. Ни сейчас. Никого я шантажировать никогда не собралась. Я не собиралась манипулировать вами при помощи ребёнка. Вот так.

Я развела руками, а свекровь снова посмотрела на Матвея, ища в его взгляде поддержки. Не нашла, а наткнулась только на холодное:

— Я же сказал тебе перед отъездом, что у тебя больше нет сына... — медленно произнёс Матвей и мое сердце сжалось. — Так вот. Его до сих пор нет. Не задерживаю.

Матвей развернулся и вернулся в кухню, свекровь чуть ли не сползала по стене. В глазах стояли слезы, а губы мелко тряслись.

Я ее понимала. И мне было искренне жаль мать моего мужа. А ещё я винила себя.

— Он придёт в себя, — сказала я. — Матвей хоть и резкий, но он отходчивый. Он придёт в себя и все наладится...

Свекровь коротко и резко вздохнула.

— Все ты... — произнесла она дрогнувшим голосом. — Сына отобрала, внука лишила...

— Да, вините во всем меня... Это намного проще. Действительно проще.

Я хотела сказать, что ничего плохого не случилось, все можно исправить, но свекровь резко развернулась и дёрнула на себя входную дверь. Вылетела в неё. А я ощутила как с сердце свалился груз.

Матвей помирится с матерью. Я точно это знаю. Я постараюсь. Пусть она и дальше меня ненавидит, но сын не должен отказываться от родителей.

Я прошла в зал и упала на мягкий, ещё прикрытый тонким пледом диван. Матвей, глядя на меня, коротко принёс:

— Ты ничего не сможешь сделать, чтобы я изменил своё решение, — его голос пропитался металлом.

— Матвей, — слабо воспротивилась я. — Твоя мать ни в чем не виновата. Это я просила ее, чтобы она не говорила тебе куда я уехала, это я просила ее обо всем...

Матвей медленно шагнул ко мне и присел на корточки.

— Уль, она виновата в том, что не приняла выбор сына. И все.

Я поджала губы.

— Матвей, это неправильно... — тихо сказала я, внутри стараясь успокоиться. Это реально неправильно, что сын отказывался от матери. Это мать. Она его носила девять месяцев, она его растила.

— Уль, я не отказываюсь от родителей. Мои родственники ни в чем не будут нуждаться, любое лечение, содержание, все я обеспечу, но манипулировать своими чувствами я не позволю.

Я кивнула, принимая хотя бы такое послабление. Все равно червячок крутился внутри.

— Как она узнала, что ты здесь? — спросила я, поднимаясь с дивана и проходя за Матвеем в ванну.

— Сигнализация на меня и на неё привязана. Я не знал кого ещё добавить в список для охраны, ну по инерции вписал ее. А когда я уезжал мы были в ссоре, поэтому мама сразу и воспользовалась случаем приехать и поговорить... — Матвей зашёл в душевую кабину, а потом что-то подумав открыл дверцу и добавил: — Ну или ее подружка через три дома настучала.

Я кивнула и опёрлась бедром о раковину.

Все слишком быстро развивалось и я после двух лет жизни во сне никак не могла сообразить, что мне надлежало сделать.

Я распаковала зубную щетку и принялась чистить зубы, Матвей освободил душ через десять минут и я заняла его место, а он мое у раковины с зубной щеткой.

Когда я вышла из ванной Матвей ходил по дому в джинсах и рубашке и собирался куда-то.

— Мы уезжаем? — спросила я, стягивая с волос полотенце.

— Ты остаёшься. Уезжаю я, — холодно сказал Матвей и мое сердце сжалось.

— Это из-за Тимура? — задала я самый страшный вопрос, боясь услышать положительный ответ.

— И да, и нет... — Матвей шагнул ко мне и поймал мое лицо ладонями, приблизился. Мятное дыхание щекотнуло нос. — Мне надо на работу. Валентин подготовил все отчёты, где были задержки финансов, которые Тимур пропускал через мою компанию. Мне надо разобраться. Сейчас приедет водитель. Я оставлю тебе машину и карточку. В соседнем посёлке, доедешь по навигатору, есть нормальные магазины. Купи себе телефон и сразу позвони мне. И одежду купи. Мы не вернёмся в город...

— Мне надо восстановить документы... — призналась я, в тайне боясь остаться одной, потому что сразу казалось, что все станет плохо.

— Я их забрал из твоей квартиры. В машине где-то лежат, — мягко сказал Матвей и накрыл мои губы своими.

Мне не хотелось отпускать мужа. Наверно это все из-за страхов, но по факту я думала, что когда у нас с Матвеем все наладилось, то я попаду в сказку, а в итоге снова вляпалась в жизнь.

Когда за мужем закрылась дверь я вернулась в зал и села на диван, сложила ноги по-турецки и прикусила губу.

Нельзя сейчас расклеиваться. Матвей вон собрался и пошёл дела делать. Да трудно. Да

все пугает, но надо.

Я прошлась по дому и нашла авторучку с бумагой в комнате, которая ориентировочно могла быть кабинетом. Только из-за книжного шкафа.

Список пугал своей длиной, но я подумала, что лучше быть занятой, чем нервно вздрагивать каждый раз, когда возле дома проезжала очередная машина. Спустя час я наконец-то въехала в посёлок, который назывался какой-то там ключ и постаралась определить где центр.

Да, первым делом я купила телефон, оформила и активировала со старой учетной записи и быстро написала Матвею, что все у меня нормально и продолжаю дальше делать покупки.

Когда на улице стемнело, я ещё была в дороге, поэтому к дому с охапками пакетов я шла на ощупь. Выяснив, что у нас в посёлке есть пункты выдачи онлайн магазинов половину покупок я отложила на вечер, чтобы сделать заказы.

Матвея ещё не было, поэтому я быстро побросав все вещи в гардеробную, написала мужу сообщение со своим местонахождением. Я не знала можно ли было растопить камин, но разобравшись с наружным освещением увидела на заднем дворе поленицу. Выйдя во двор со стороны террасы, я покидала дрова в корзину, которую нашла там же и вернулась в дом.

От живого огня стало уютнее. Я немного закружилась, стараясь все успеть до приезда Матвея и не сразу обратила внимание, что мое сообщение так и висело непрочитанным. Я следом тут же отправила смайлик и, не убирая телефон с глаз, отправилась на кухню приготовить ужин. Пока я мыла мясо и овощи, все время бросала короткие тревожные взгляды на мобильный, но он молчал.

Почему Матвей не отвечал? Что-то случилось?

Мои нервы натянулись, я прикусывала губы и не знала, что делать. В итоге когда овощи почти были готовы, мясо доходило в духовке, я рискнула и набрала мужа. Серия длинных гудков была мне ответом. Время близилось к восьми вечера, я трижды подбрасывала поленья в камин и никак не могла согреться. Нервными шагами мерила зал, бросала косые взгляды на окно, где за занавеской снова пошёл медленный снег, а в доме напротив зажглись гирлянды на карнизах.

Время растянулось и вообще остановилось. Раз за разом я набирала Матвея, чтобы не получить никакого ответа.

Черт. Что должно было произойти, что муж решил игнорировать мои звонки?

Я как любая неуверенная в себе девица сразу же вспомнила про секретаршу Лену и следы ее губной помады на воротнике. Меня медленно, но верно накрывало паникой. Я не могла толком вздохнуть, потому что где-то в рёбрах стало колоть.

Потерявшись во времени я пропустила, как в окне засияли фары подъезжающего автомобиля. Я к этому времени забилась в угол дивана и нервно растирала ладони, стараясь согреться.

Поворот замка. Тяжёлые шаги.

Я вылетела в коридор, хлопнула по выключателю света и увидела бледного Матвея, который стоял привалившись спиной о стену и смотрел в потолок. опережая мои вопросы, муж коротко сказал:

— Я выставил на продажу весь бизнес.

Прага накануне католического рождества сияла всеми красками и переливалась огнями, которые отражались в снежинках.

Матвей приподнял воротник своего пальто и улыбнулся мне. Последнее время это наша такая традиция, вечером выбираться на прогулку, тем более когда я выбрала специально апартаменты в новом городе и недалеко от Карловой площади.

Мы переехали в Чехию через неделю после того как Матвей сказал, что выставил продажу весь бизнес. Сказать, что я была сильно удивлена, это ничего не сказать, поэтому тогда в доме у Северного моря я сначала расплакалась, а потом подумала, что мне в принципе без разницы где быть, главное, чтобы с Матвеем. А он для начала выбрал Чехию.

И мы улетели.

Не сразу, но я успела тридцать три раза засомневаться, попаниковать и в итоге отпустить ситуацию. Хотя она периодически все равно где-то в неудобном месте и давала о себе знать.

По поводу Тимура я старалась ничего у Матвея не спрашивать, но однажды подслушала, как он разговаривал с Валентином о том, что Тимуру грозит не малый срок.

— А давай у Карлова моста сядем на лодку и доберёмся до дома? — спросила я Матвея и дёрнула его за руку. Мне шапка все время наезжала на глаза и варежки я дома забыла хотя погода в Праге стояла достаточно тёплая, но мне хватало и сырого ветра с Влтавы. А болеть мне никак нельзя было.

— Давай, — улыбнулся Матвей и потянул меня за собой.

В закрытой лодке, которые я здесь называла корабликами была небольшая печь, рядом с которой было очень тепло. Я попросила безалкогольный глинтвейн, а Матвей чай.

— Ты не жалеешь, что продал все? — снова спросила я мужа и прижала к себе его руку. Матвей посмотрел за окно, где по тротуару бежали прохожие и покачал головой.

К этому разговору мы возвращались постоянно. Я не понимала почему Матвей так резко решил отказаться от всего и продать. Да он сразу же вложил деньги в новый очень перспективный проект, который занимался искусственным интеллектом, но где строительство и где нейросеть?

Правильно. В разных вселенных.

Хотя я была уверена, что талантливый человек талантлив во всем, а мой Матвей однозначно был одним из самых талантливых дельцов.

— Знаешь, я много думал... — медленно начал Матвей, и я положила ему голову на плечо. — Тот раз, с Леной... я поступил неправильно. Я взвесил тебя и нашу семью вместе с бизнесом. Выбрал второе. Я до сих пор ругаю себя, что в то утро не остался с тобой. И понимаешь... Если такое или что-то подобное произойдёт, я больше не хочу выбирать. Я не хочу платить такую цену. Платить своей семьей...

Он печально усмехнулся, посмотрел на меня, задерживая тёмный взгляд на моих губах и шутливо кончиком пальца нажал мне на нос.

— Понимаешь... ты и наша семья бесценна. И рисковать я больше не намерен. Я не настолько богат...

Матвей приблизился ко мне и поцеловал нежно в висок.

Я понимала, что он имел в виду и о каком богатстве шла речь. Да мы с ним не

настолько богатые, чтобы рисковать друг другом. А то чем муж сейчас занимался все же имело немного другую специфику и Матвей все вообще работал из дома. Иногда летал на переговоры в Россию. Но все время мы чаще всего были вместе.

В Праге мне было дико только первые несколько дней, а потом когда мы разместились в квартире на два этажа с собственным камином и мебелью под старину, я начала период гнездования. Зачем-то ходила и покупала новые мягкие полотенца, подушки для гостевой спальни, немного с блошиного рынка притащила антиквариата. Мне было здесь так хорошо, как никогда прежде дома. Я словно начала жизнь с нового листа.

Матвей придержала меня за талию, когда я уже возле дома оступилась и чуть не упала на брусчатку.

— Мне кажется или ты немного рассеянная? — уточнил Матвей, поправляя на мне шапку, которая опять сползла на глаза и пыталась спрятать мое лицо в своём шерстяном нутре.

— Кажется, — улыбнулась я и встала на носочки, чтобы дотянуться до губ мужа и запечатать на них долгий нежный поцелуй, от которого у меня по телу побежали мурашки вперемежку с искрами огня, который вспыхивал внутри от каждого прикосновения к супругу.

В квартире пахло имбирем и мускатом. Не знаю зачем я несколько дней подряд пекла имбирное печенье, хотя меня от него жутко мутило, но сам аромат специй успокаивал. Матвей стянул с меня пальто и убрал в шкаф. Я, скинув сапожки, побежала в ванну и помыла руки. Уже на выходе крикнула:

— Звонила твоя сестра, — отношения с родственниками мужа у меня не наладились, поэтому единственным мостиком была золовка, которая сильно переживала из-за матери. — Они в новогодние праздники будут в Брно. Предлагали встретиться. Мама твоя тоже с ними прилетит.

Матвей что-то уронил в кабинете, и я повесив полотенце прошла к мужу. Матвей стоял и держал в ладони пресс-папье.

— Уль, — Матвей посмотрел на меня, и в глазах его поднялась тьма. — Мы кажется с тобой все обсудили. Я не хочу общаться с людьми, которые не уважают мой выбор. Я их люблю. Я от них не отказываюсь. Я им помогаю. Но общаться, натянуто сидеть скалиться на ужине, куда они придут, чтобы только очередной раз высказать претензии, я не собираюсь.

— Хорошо, — податливо согласилась я. — Ты тыквенный суп в горшочках будешь?

Я быстро всегда меняла тему и сейчас тоже это сделала, чтобы не нервировать Матвея. Почему-то сейчас мне было важно, чтобы муж был максимально спокойным, потому что его дом там где я. А я не хочу ассоциироваться у него с нервами.

После ужина и когда Матвей освободился от работы, я решила что мне нужно поговорить.

На моей коже таял крем с ароматом мёда, волосы пахли цветами после дождя, а Матвей как раз вышел из душа и на его накачанном прессе ещё блестели капельки воды. Я развернулась возле своего дамского столика и задержала взгляд на муже. Медленно встала и приблизилась. Посмотрела снизу вверх, как всегда делала, когда хотела о чём-то попросить, и Матвей понял намёк. Он заправил мне прядь волос за ухо, провёл ладонью по плечу, спустился ниже, к запястью, погладил пальчики и положил руку мне на талию, мягко прижав к себе.

Я встала на носочки. Дотронулась губами влажной после душа щетины. Потерлась о неё

как кошка и замерев губами на губах мужа выдохнула:

— Родной, а у меня задержка.

— Твой сын малолетний десантник, — сказала я, пройдя в прихожую и стянув с шеи пропитанный снегом шарф. Трёхлетний Саша прямо в ботинках пробежал к Матвею и с визгами и криками вцепился в отцовские руки. Матвей поднял сына над головой и закружил приговаривая:

— Так их, мелких врагов! Мы их всех штурмом возьмём! Мы всех победим!

— Да! — закричал сын и дрыгнул ногами. Матвей перехватил Сашу одной рукой и приблизился ко мне, поцеловал и тихо спросил:

— Откуда десантировался?

— С горки, — призналась я, содрогаясь внутри от картинке как Саня, избегая ледяную часть, прыгал просто в снег, который рыхлыми горами лежал у края забора.

Первая зима в России в нашем доме у Северного моря была просто офигенно насыщенной новостями. Саша вдруг решил, что теперь стал взрослым и перебрался в собственную спальню, Матвей вышел на мировой рынок айтиразработок, а я...

А я была счастливой матерью, женой и немного домохозяйкой. Последняя должность вечно претерпевала изменения, потому что первые две отнимали уйму времени. Я даже не помнила, как мы уезжали из Чехии, все смешалось в голове, муж, сын, забытый заяц в аэропорту.

Две недели до нового года давали о себе знать. Вечные пробки, в которых я проводила больше времени чем на кухне, планы на праздники, моя беготня то с няней, то с домработницей. Ну и немного родственники Матвея.

— Ты уверен, что хочешь их видеть? — спустя пару часов спросила я у мужа. Матвей сидел в рабочем кабинете с очками на носу и медленно читал новые договоры. Он стянул окуляры на самый кончик и спросил:

— Нервничаешь?

Я переступила с ноги на ногу и все же отрывисто кивнула. Да я паниковала из-за того, что Матвей все же решил помириться с родителями, но только из-за того, что если что-то пойдёт не по плану...

— Все будет хорошо, — Матвей встал из-за стола и приблизился ко мне, обнял одной рукой и развернул спиной к столу. Подтолкнул меня, чтобы я уперлась задницей в столешницу и приподнял, сажая. Его губы прошлись мне по виску, по скуле, скользнули по шее, задевая тонкую чувствительную кожу. Пальцы запутались в моих волосах, вынуждая запрокинуть голову и открыть для поцелуев горло.

Короткими укусами Матвей прошёлся до ушка и сцепил зубы на мочке. У меня по телу прошла дрожь, и я пожалела, что сегодня ходила в домашних шортах а не в платье. Матвей толкнул коленом мои ноги и встал между ними.

— Не начинай, — низким глубоким голосом предостерегла я Матвея, понимая, что все планы точно сейчас испортятся, потому что я не успею переодеться к приходу гостей.

— Мы быстро, милая... — мурлыкнул Матвей, запуская руки мне под футболку и задевая кончиками пальцев сквозь бельё соски, которые тут же затвердели и стали похожи на вишневые косточки.

— Ты не умеешь быстро, — фыркнула я, оперевшись руками о стол. Матвей дёрнул мою футболку вверх, заставляя край ее придержать зубами, а лифчик наоборот потянул вниз,

обнажая грудь.

— Зато ты умеешь... и перестанешь паниковать... — губы Матвея прошлись по груди, а зубы поймали сосок. Матвей провёл языком по нему, и у меня между ног все запылало. Я прикрыла глаза и отдалась на волю мужа, который быстрыми четкими движениями стянул с меня шорты, подвинул ластовицу трусиков, прошёлся пальцами по уже влажным складкам и, раздвинув их, нашёл клитор. Помассировал его, сжав между указательным и средним пальцем, заставляя меня течь ещё сильнее и тут же толкнулся членом внутрь.

Я охнула от контраста ощущений. Губы Матвея ласкали мою грудь, а член просто таранил, хлёткими ударами погружаясь все глубже и заставляя меня дрожать всю изнутри.

— Как хорошо, — медленно простонала я, не решаясь кричать в голос, потому что внизу Саня и няня готовились к приходу гостей.

Матвей усмехнулся и стал набирать темп. Он вбивался в меня с такой скоростью, что у меня звёзды перед глазами сияли. Я ловила каждое его движение. Как он резко входил в меня и как медленно выходил. И тогда я сжималась вся сильнее, стараясь удержать его в себе.

Матвей отклонился от меня, и я тоже. Просто упала спиной на стол, сминая под собой все документы, которые были рядом. Пальцы мужа скользнули мне по животу, прошлись, рисуя мазками прикосновения, а потом его рука легла мне на лобок, а большой палец погладил клитор.

Меня всю подбросило от такого прикосновения. Внутри все пылало и смазка как будто стала стекать мне по ягодицам. Я держалась из последних сил, но когда Матвей начал без перерыва двигаться во мне, я поняла что ещё секунда и оргазм накроет волной.

Матвей быстро зажал мне рот ладонью. В его глазах плясало пламя, а я содрогалась в беззвучном оргазме. Меня почти выгибало дугой, а воздуха не хватало. Нервное сжатие внутри меня раз за разом, заставляло клитор пульсировать сильнее. Так сильно, что я почти теряла сознание.

— Давай милая, мне нравится как ты кончаешь... — хрипло произнёс Матвей и я поняла, что волна неспроста меня накрыла, она решила вырваться наружу, заставив между ног все стать мокрым. Я прикусывала ладонь Матвея и задыхалась от последних нот оргазма. А потом муж резко вышел из меня, потянул за руку и я, быстро спрыгнув со стола, встала на колени.

Нервно подрагивающий член пульсировал. Каждая венка была видна и я понимала, что всего пару мгновений нужно Матвею...

Я прикоснулась к члену губами, облизала головку, прошлась языком вдоль, а потом взяла в рот. Матвей почти до упора толкнулся мне в горло, и я расслабила мышцы. Пальцы мужа больно сдавили мои волосы. Берда снова качнулись навстречу и Матвей кончил. Коротко выдохнул, сдерживая стон. Ударил кулаком в стол, а я, когда муж вытащил у меня изо рта член, открыла рот и показала на языке сперму.

— Проглоти, — хрипло приказал Матвей и я кивнула. Медленно сделала это, глядя мужу в глаза. — Твою мать, какие нахер гости, пошли в душ трахаться!

Я рассмеялась и быстро натянув шорты выскочила из кабинета под ругань мужа, а когда Матвей все же нашёл меня в ванной и прижал к стенке в душевой, призналась:

— Матвей, я беременна... срок пять недель...

Ну все, теперь он точно не разругается с родственниками, ведь после такого даже недовольная свекровь не сможет испортить ему настроение.

А двумя часами позднее Матвей не хуже самого довольного тамады общался со своими родственниками и хвастался успехами Саши в английском, рассказывал какая я у него идеальная и даже свекровь перестала на меня смотреть как на врага народа.

И поздно ночью, сжимая меня в объятиях Матвей шептал самые невероятные слова:

— Ты мое дар, самое настоящее чудо... — его губы застыли у меня на животе, а язык влажной дорожкой прошёлся до груди. — Идеальная. Любимая. Единственная.

— А ты мой. Навсегда...

— Навсегда, Ульянов, — согласился Матвей и поцеловал меня в губы. — Только твой и Сашки и наверно маленькой Кристины.

— Уже и имя выбрал? — усмехнувшись, спросила я.

— Конечно, — Матвей дышал рвано и в перерывах между словами целовал меня. — Это точно будет девочка. Вот увидишь.

И мой самый любимый муж, моя опора, моя защита, мое сердце и самое большое счастье, оказался прав.

Родилась девочка.

Кристина.

С его глазами.

Больше книг на сайте - Knigoed.net